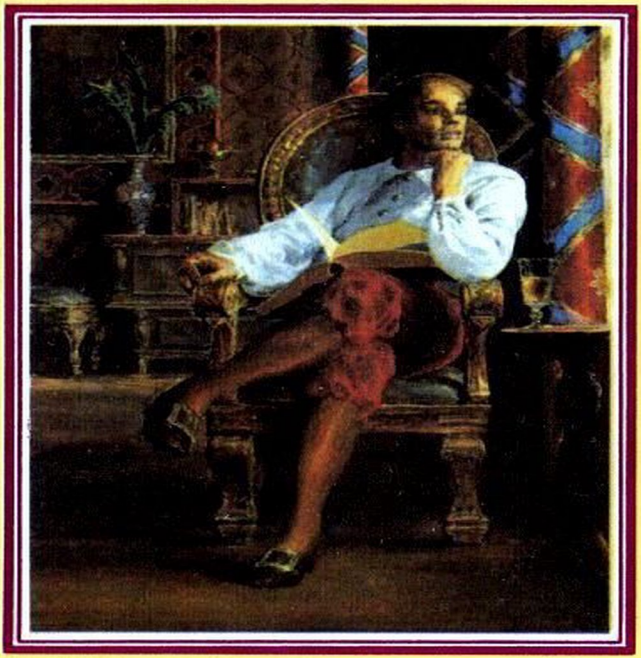
Кейт ЛОУМЕР

КОСМИЧЕСКИЙ ШУЛЕР



Космический шулер. Ретиф

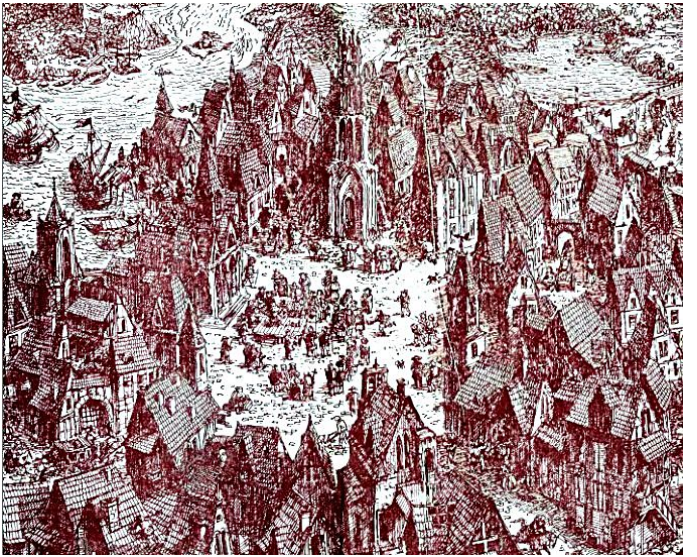
Кейт Джон Лаумер

Аннотация
Кейт Джон Лаумер. Космический шулер. Ретиф
КОСМИЧЕСКИЙ ШУЛЛЕР. Первая
Вторая
Третья
Четвертая
Пятая
Шестая
Седьмая
Восьмая
Девятая
Десятая
Одиннадцатая
Двенадцатая
РЕТИФ. Запечатанный приказ
Бронзовый бог. I
II
III
IV
V
VI
Протокол

Динозавр. 1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
Памятная записка

Аннотация

Кейт Лоумер - американский дипломат, военный летчик, писатель, автор более тридцати книг, выдающийся мастер юмористической фантастики, до сих пор малоизвестный русскоязычному читателю. В настоящую книгу вошли роман «Космический шулер» и цикл рассказов о Дипломатическом Корпусе Земли, представляющие читателям двух самых популярных лоумеровских персонажей - Ретифа и Лафайета О'Лири - и повествующие об их совершенно невероятных приключениях.



Кейт Джон Лаумер
Космический шулер. Ретиф

КЕЙТ ЛОУМЕР

КОСМИЧЕСКИЙ ШУЛЕР

•

РЕТИФ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«СЕВЕРО-ЗАПАД»
1992

КОСМИЧЕСКИЙ ШУЛЕР

КОСМИЧЕСКИЙ ШУЛЛЕР
Первая

На Артезии стоял теплый осенний поддень. Лафайет О'Лири, бывший гражданин США, а нынче сэр Лафайет О'Лири, посвященный в рыцари принцессой Адоранной, развалясь, сидел в золоченом кресле в просторной библиотеке у завешенного пышными шторами высокого окна, выходившего в дворцовый сад. На нем были пурпурные бриджи, белая шелковая рубашка и туфли из телячьей кожи с золотыми пряжками. На одном пальце сверкало кольцо с огромным изумрудом, на другом красовалась серебряная печатка с изображением топора и дракона. У его локтя стоял хрустальный бокал с прохладительным. Из динамиков, расположенных на обитых гобеленами стенах, доносилась музыка Дебюсси.

О'Лири похлопал себя ладонью по губам, не пытаясь сдержать зевок, и лениво отложил в сторону толстый том в кожаном переплете под названием «Искусство Волхвования», в котором было очень много мелкого шрифта, но, увы, никакой полезной информации. В течение трех

лет (с тех самых пор, как Централь обнаружила вмешательство в Континуум и пресекла всякие попытки изменения вероятностей) Лафайет безуспешно пытался вернуть себе недолговечную способность фокусировать психические силы, как было описано в обширном труде «Практик» Месмеризма» профессора Ханса Йозефа Шиммеркомпфа. «Да, - с сожалением подумал Лафайет. - Это была настоящая книга, а не чушь собачья». Жаль, он успел прочитать лишь часть первой главы и в последний момент не смог захватить книгу с собой на Артезию. С другой стороны, когда тебе предлагают срочно выбрать между миссис Макглинт, сдающей комнаты внаем, и Дафной в дворцовых покоях, лучше не мешкать. Эх, веселые были денечки! Все эти годы, живя в Колби Корнерз, он подозревал, что жизнь уготовила для него нечто большее, чем карьеру мелкого торговца без гроша за душой, довольствующегося тухлыми сардинами и несбыточными мечтами. Вот тогда ему и попался на глаза толстый том профессора Шиммеркомпфа. Слог был тяжеловат и несколько старомоден, зато смысл предельно ясен: сконцентрируйся - и мечты твои» сбудутся, или, по крайней мере, покажутся сбывшимися. А разве можно удержаться от соблазна превратить

(с помощью самовнушения) жалкую комнатенку в роскошную спальную, где так легко дышится свежим ночным воздухом и играет нежная музыка? Нет, нельзя.

Результат превзошел все ожидания. Полный успех. Он представил себе причудливую старинную улицу в причудливом старинном городе - и на тебе! Очутился, где хотел, а самые разнообразные звуки и запахи делали иллюзию полной. Сознание того, что на самом деле он спит, ничуть не уменьшало прелести происходящего. А когда события приняли угрожающий характер,

О'Лири сделал второе удивительное открытие: если это и был сон, проснуться он уже не мог. Честно говоря, оставалось только предположить, что кошмарным сном оказался Колби Корнерз, а проснулся Лафайет где положено: на прекрасной Артезии.

Он, конечно, не сразу понял, что наконец-то попал к себе домой и душой и телом. Некоторое время Он считал, что нашел ответ на извечный вопрос: проснется ли человек, который во сне упал со скалы? Сам Лафайет, по счастью, ни с каких высот не падал, но, пожалуй, это была единственная опасность, которой он не избежал. Сначала его вызвал на дуэль граф Аллан, и от

непредсказуемых последствий спасла его Дафна, сбросившая в очень важный психологический момент с верхнего этажа дворца свой ночной горшок прямо графу на голову. Потом король Горубль поклялся, что свернет Лафайету шею, если тот не убьет дракона. Невероятные приключения, грозившие жизни и здоровью О'Лири, закончились тем, что ему пришлось убить Лода, двухголового великана. А затем выяснилось, что Лода, вместе с его любимцем аллозавром, перебросили в Артезию из другого измерения по приказанию фальшивого короля Горубля.

И только благодаря чистой случайности, - в чем Лафайет не сомневался, - ему удалось доказать, что узурпатор - бывший агент Континуума, который убил настоящего короля, а наследного принца, нарушив закон, отправил в другое измерение на украденном в Централи Путепроходце.

Хорошо, что Лафайет успел помешать Горублю избавиться заодно от принцессы Адоранны. Посчитав себя смертельно раненным, бывший король признался, что именно О'Лири является наследным принцем и истинным владыкой Артезии.

Ситуация сложилась довольно двусмысленная, и некоторое время все действующие лица чув-

ствовали некоторую неловкость, но, слава богу, Горубля случайно вышвырнул в другое измерение его собственный Путепроходец, после чего Лафайет отрекся от престола в пользу принцессы и зажил припеваючи с верной Дафной.

Он тяжело вздохнул, поднялся с кресла и выглянул в окно. В роскошном дворцовом парке шли-приготовления к чаепитию, вернее - внезапно подумал Лафайет - завтрак на свежем воздухе закончился. Не было слышно ни болтовни, ни веселого смеха, раздававшихся всего несколько минут назад, а лужайки и тропинки почти опустели. Несколько задержавшихся гостей лениво шли к воротам; мажордом торопился на кухню, стараясь не уронить поднос, заполненный пустыми чашками, тарелками и скомканными салфетками; служанка в мини-юбке, демонстрируя пару прелестных ножек, стряхивала крошки с мраморного столика у фонтана. Глядя на ее костюм, вернее, его отсутствие, Лафайет затосковал. Стоит только чуть-чуть расфокусировать зрение, и можно представить, что перед ним Дафна, какой он увидел ее в первый раз. «Все-таки раньше жилось как-то проще, веселее, - подумал Лафайет, - хоть Горубль и мечтал отрубить мне голову, а великан Лод придерживался того же мнения. Да

и с драконом пришлось повозиться, а в интригах Аллана и Красного Быка не разобрался бы сам черт».

Но Лода Лафайет прикончил, и дракона тоже. Само собой, нехорошего дракона. Любимец Лафайета, игуанодон, счастливо здравствовал в стойле, ежедневно пожирая положенный рацион: двенадцать стогов самой свежей соломы. Аллан женился на Адоранне и, перестав ревновать, стал вполне терпим. Красный Бык опубликовал свои мемуары, после чего купил небольшую гостиницу на окраине города и назвал ее «Одноглазый Мужик». Горубль подевался неизвестно куда. Дафна ничуть не изменилась; по крайней мере, в те минуты, когда Лафайету удавалось с ней встретиться, она была столь же умна и прелестна, как прежде. Графский титул не вскружил бывшей прислуге голову, но в последнее время она слишком уж часто предавалась светским развлечениям и невинным шалостям. Нет, конечно, Лафайету вовсе не хотелось вновь стать объявленным вне закона преступником, которого бескорыстно полюбила дворцовая служанка, но…

Ничего особенного в его жизни не происходило, и не особенного тоже. Самым интересным

приключением можно было считать разве что предстоящий праздничный ужин. Лафайет тяжело вздохнул во второй раз. А как хорошо было бы посидеть с Дафной в уютном баре, тет-а-тет, и чтоб играла музыка…

Он тряхнул головой, избавляясь от наваждения. В Артезии не было ни баров, ни музыки. Таверны, воздух в которых был, казалось, пропитан дымом высоких чадящих свечей, назывались здесь гостиницами, и в них подавали пиво и сочное свежее мясо. Лафайет встрепенулся. Кстати, неплохая идея. Совсем необязательно им с Дафной присутствовать еще на одном роскошном пиру.

Настроение у Лафайета сразу улучшилось, и, решив не откладывать дела в долгий ящик, он быстро прошел в соседнюю залу и распахнул дверцы платяного шкафа. Раздвигая вешалки с ослепляющими великолепием парадными костюмами, О'Лири достал малиновый пиджак с серебряными пуговицами. На улице было жарко, но если он появится в рубашке с короткими рукавами, на него начнут бросать косые взгляды, Дафна расстроится, а принцесса Адоранна приподнимет идеально прямую бровь. Этикет…

- Вот чего я добился, - бормотал Лафайет, на ходу

надевая пиджак. - Казарменный режим какой-то. Скука смертная.

О, боже, разве к этому он стремился, проклиная судьбу мелкого американского торговца без гроша за душой? Правда, географически он и сейчас находился в Соединенных Штатах. Артезия располагалась там же, где Колби Корнерз, но в другом измерении, а следовательно, и жизнь здесь была другой.

Но разве это жизнь? Королевский бал, королевская охота, королевская регата. Блистательные праздники, блистательное общество, блистательные разговоры.

Ну и что с того? Что в этом плохого? Разве он не мечтал о сладкой жизни, прозябая в крохотной комнатенке и открывая очередную коробку сардин на очередные завтрак, обед и ужин?

«Мечтал, - печально признался Лафайет. - И все же- все же мне очень скучно». Скучно. В Артезии, стране его грез. Скучно.

- Чепуха на постном масле! - громко воскликнул он, спускаясь по широкой спиральной лестнице, ведущей в Зал Приемов, увешанный зеркалами в золотых рамах. - У меня все есть, а если чего нет - стоит только захотеть! Нежная Дафна

щебечет, как птичка, одно загляденье; я могу

выбрать в Королевских конюшнях любого скакуна, хоть Дини; в моем гардеробе двести костюмов; каждый вечер дается банкет и… и…

Он шел по черно-красному гранитному полу, сопровождаемый гулким эхом, чувствуя, как наваливается усталость от одной

только мысли, что завтра его ждут неизбежные банкет, бал, званый ужин, - одним словом очередной день ничегонеделания.

- Чего тебе надо? - требовательно спросил он у своих зеркальных отражений. - Человек вкалывает, как лошадь, чтобы заработать побольше денег. А деньги ему нужны, чтобы делать все, что захочется. А ты и так делаешь все, что захочется. - Лафайет сурово посмотрел на малиново-золотое отражение. - Чего молчишь?

- Мы уедем отсюда, - бормотал он, выходя в парк. - В горы, а может, в пустыню. Или на берег моря. Могу поспорить, Дафна никогда не купалась голая при лунном свете. По крайней мере, со мной. И мы возьмем с собой немного продуктов, и сами будем готовить, и ловить рыбу, и заниматься ботаникой, и смотреть на птичек, и…

Он остановился у широкой террасы и стал оглядываться, надеясь увидеть изящную фигурку Дафны сквозь зеленые ветки кустарника. По-

следний гость вышел за ворота, исчез мажордом, убежала служанка, и лишь старый садовник в дальнем углу парка ковырялся в земле.

Лафайет медленно пошел по тропинке, почти не замечая одурманивающего запаха цветущей гортензии, ленивого жужжания пчел, мягких вздохов ветерка, шуршащего в кронах аккуратно подстриженных деревьев. Постепенно его охватила апатия. Зачем уезжать? Какой в этом смысл? Он не перестанет быть Лафайетом О'Лири, а Дафна останется Дафной. Когда новизна ощущений пройдет, он наверняка пожалеет об удобном кресле и забитом доверху холодильнике, а Дафна начнет переживать по поводу прически и событий, которые могли произойти во дворце за время ее отсутствия. К тому же их закусают комары, они обгорят на солнце, будут мерзнуть по ночам, питаться горелой кашей и испытывать массу прочих неудобств, от которых он так отвык.

На мгновение в конце тропинки показалась высокая фигура графа Аллана. Лафайет окликнул его и ускорил шаг, но подойдя к перекрестку, никого не увидел. Ов повернул обратно, теперь уже в совершенно подавленном настроении. Впервые за три года он испытывал те же чувства, что в Колби Корнерз, где он гулял долгими вечерами по

городским кварталам, глядя на желтые фонари и строя воздушные замки…

Лафайет остановился. Он вел себя, как мальчишка. Ему повезло, как никому другому, и незачем валять дурака. К чему рубить сук, на котором сидишь? Через час начнется праздничный ужин, и он пойдет на него, как всегда, и будет вести светские разговоры, тоже, как всегда. А так как ему не очень хочется в данную минуту возвращаться во дворец - да и собеседник из него сейчас никудышный - можно немного посидеть на любимой мраморной скамейке, почитать очередной выпуск «Популярного Волшебства» и заодно настроиться на нужный лад, чтобы за столом не ударить лицом в грязь. И кстати, не забыть сделать Дафне комплимент по поводу нового сногсшибательного платья. А после обеда улизнуть с ней в спальную и…

Неожиданно Лафайет вспомнил, что давно уже не нашептывал в нежное ушко Дафны ласковых слов. Вечно его отвлекали то книги, то собутыльники, а Дафна, конечно, была на седьмом небе от счастья, обсуждая с женами высокопоставленных особ рукоделья, или что там обычно обсуждают леди, пока мужья глушат бренди, курят сигары и рассказывают непристойные анекдоты.

Лафайет неодобрительно посмотрел на стоявший перед ним куст азалии и нахмурился. Он был настолько поглощен мыслями, что невольно прошел мимо своего самого любимого уголка парка, где рядом с мраморной скамейкой цвело миндальное дерево и мягко журчал фонтан; а большие вязы отбрасывали прохладные тени на зеленую лужайку, за которой росли тополя и виднелся берег озера.

Он пошел назад и вскоре вновь очутился на перекрестке, где видел графа Аллана. Забавно. Заблудиться в собственном парке. Лафайет посмотрел по сторонам, покачал головой, увидев пустынные тропинки, и решительно зашагал вперед. Через десять шагов он остановился перед кустом азалии.

- Я совсем распустился, - пробормотал он. - Не могу найти первого поворота направо за фонтаном.

Он оборвал себя на полуслове, неуверенно глядя на внезапно уменьшившуюся лужайку. Фонтан? Никакого фонтана в помине не было: Лафайет стоял на усыпанной гравием и опавшими листьями дорожке, по одну сторону которой росли деревья, а по другую - возвышалась кирпичная стена. Но ведь этой стене положено находиться

в конце парка, за утиным прудом... Лафайет поспешно пошел по дорожке, свернул направо... и увидел болото в зарослях тростника. Резко повернувшись, он уткнулся в густой кустарник. С трудом продравшись сквозь спутавшиеся ветви, исцарапанный и исколотый колючками, Лафайет вышел на небольшую лужайку, поросшую одуванчиками. Цветочные клумбы исчезли, как по мановению волшебной палочки. От тропинок и следа не осталось. Дворец, возвышавшийся на фоне почему-то серого неба, имел жалкий вид и казался пустым и заброшенным. Выбитые стекла напоминали пустые глазницы; ветер сдувал с террас опавшие листья.

О'Лири быстро поднялся по ступенькам в Зал Приемов, увешанный зеркалами. На мраморном полу лежал толстый слой пыли. Гулкое эхо шагов преследовало его по пятам до дверей караульной, в которой пахло затхлостью и не было ничего, кроме плесени.

Лафайет побежал по коридору, громко крича, заглядывая в пустые и явно нежилые комнаты. Остановившись, он на мгновение прислушался, но услышал лишь далекий крик какой-то птицы.

- Ерунда, - услышал он как бы издалека собственный голос.

- Не могли они все уйти, ничего мне не сказав. Дафна никогда бы так не поступила…

Едва справившись с неприятным тошнотворным ощущением, он стал подниматься по широкой лестнице, перепрыгивая через ступени. С паркетных полов исчезли ковры, со стен - портреты придворных. Он настежь распахнул двери в свои покои и уставился на деревянный пол и окна без портьер.

- Великий боже, меня обчистили! - воскликнул Лафайет и, повернувшись к стенному шкафу, с размаху ударился носом о стену. Шкаф прекратил свое существование, а стена оказалась футов на двенадцать ближе, чем ей было положено. - Дафна! - взревел он и со всех ног кинулся в следующую комнату, оказавшуюся на удивление маленькой, темной и с низким потолком. На его вопль никто не ответил.

- Никодим, - громко сказал Лафайет. - Ну конечно же, надо срочно позвонить Никодиму в Централь. Он знает, что делать.

Кинувшись в башню, Лафайет помчался по узкой витой каменной лестнице к бывшей лаборатории Придворного Мага Артезии, а на самом деле - агента Централи, которого давным-давно отозвали для выполнения очередного задания

первостепенной важности. Но телефон остался, запертый в стенном сейфе, и надо успеть добежать, прежде - прежде…

Лафайету стало так страшно, что он решил больше не думать на эту тему. Если сейф окажется пустым…

Совсем запыхавшись, он добежал до верхней площадки и ворвался в небольшую, отделанную гранитом лабораторию. Над широкими скамьями висели полки с чучелами сов; на столах валялись бутылки, будильники, пузырьки, обрывки проволоки и непонятные аппараты из бронзы и хрусталя. С высокого, затянутого паутиной потолка свисал на тонкой проволоке пыльный позолоченный скелет, перед которым находилась панель управления черного цвета с рычажками и циферблатами. Рычажки давно заржавели, а на циферблатах треснули стекла. Затаив дыхание, Лафайет подошел к сейфу, дрожащими руками снял с шеи ключик на золотой цепочке и сунул его в замочную скважину. Со вздохом облегчения он снял трубку старинного, с бронзовой отделкой телефона и услышал далекий, похожий на писк комара, гудок.

О'Лири облизнул пересохшие губы и наморщил лоб.

- Девять, пять, три, четыре, девять, ноль, ноль, два, один, один, - бормотал он, набирая номер.

В трубке потрескивало. Лафайет почувствовал, что пол под его ногами заходил ходуном. Он поглядел вниз. Шероховатые гранитные плиты исчезли, уступив место таким же шероховатым деревянным доскам.

- Соединяйся, черт тебя дери! - простонал он, стукнув по телефону, и был вознагражден долгими гудками. - Ответьте, хоть кто-нибудь! Вы - моя последняя надежда.

Ветер взъерошил ему волосы. Лафайет вздрогнул, бросил быстрый взгляд наверх и увидел свинцовое небо. На полу, невесть откуда, появились птичий помет и куча опавших листьев. Тем временем вокруг явно посветлело, и стена, в которую был вделан сейф, превратилась в столб.

Лафайет неловко повернулся, начал падать и изо всех сил уцепился за телефон, стоявший теперь на конструкции, напоминающей крыло ветряной мельницы, угрожающе раскачивающейся под порывами ледяного ветра. Схватившись одной рукой за ствол растущего рядом дерева, Лафайет посмотрел вниз на огромную мусорную свалку.

- Централь! - взвыл он придушенным голосом.

- Вы не можете меня бросить! Не имеете права! - Он стукнул по телефону, но на сей раз чуда не произошло.

После трех неудачных попыток Лафайет сдался и повесил трубку с такой осторожностью, будто она была сделана из яичной скорлупы. Вцепившись в крыло ветряной мельницы, он принялся оглядывать окрестности: покрытый кустарником склон холма, полуразрушенный город на расстоянии в четверть мили, жалкие лачуги у озера. Топография совсем как в Артезии, и если на то пошло, как в Колби Корнерз, но исчезли куда-то башни, пропали аллеи, сгинули парки, будто их не было вовсе.

- Исчезли! - прошептал О'Лири. - Все, на что я жаловался... - Он сглотнул слюну. - И заодно все, на что я не жаловался. Дафна, роскошные покои, дворец... А ведь я уже почти согласился пойти на званый ужин.

При мысли об ужине что-то резко кольнуло его чуть ниже средней пуговицы того самого малинового пиджака, который он надел часом раньше. Лафайет задрожал. Становилось темно и холодно. Первым делом надо спуститься на землю, а потом... Оцепеневший мозг не желал задумываться о будущем.

- Первым делом надо спуститься на землю, - строго прикрикнул на себя Лафайет. - Первоочередная задача - самая важная. А там видно будет.

Он осторожно опустил ногу на деревянный выступ, ощущая слабость в коленках. Мельница тихонько заскрипела и начала оседать. Несмотря на холодный ветер, Лафайет взмок от пота. Да, несомненно, легкая жизнь не пошла ему на пользу. Прошли те дни, когда он съедал на завтрак коробку сардин, метался, как угорелый, с утра до вечера, съедал на обед коробку сардин, а передо сном экспериментировал с различными пластмассами, съедая коробку сардин на ужин. Когда он выберется из этой переделки, если он когда-нибудь из нее выберется, придется сесть на строжайшую высококалорийную диету и всерьез заняться спортом: бегом трусцой, йогой, каратэ, джиу-джитсу и прыжками в длину.

* * *

Телефон негромко зазвонил, и Лафайет замер, не понимая, послышалось ему или нет, и не спутал ли он телефонный звонок с далеким звоном колокола в деревне или коровьим колокольчиком, если, конечно, в этом измерении обитали животные под названием коровы, и если у них

были колокольчики.

Телефон зазвонил еще раз, и Лафайет, оборвав два ногтя и ссадив ладони, ринулся наверх. На мгновение нога соскользнула с выступа, но он даже не заметил, что висит на руках.

Дзинь-дзинь.

Спустя несколько секунд Лафайет сорвал трубку и прижал ее к уху другим концом.

- Алло? - задыхаясь, выкрикнул он. - Алло? Да? Говорит Лафайет О'Лири...

Услышав пронзительный скрипучий голос где-то в районе подбородка, он быстро перевернул трубку.

- ... Фитильзад, исполняющий обязанности инспектора Континуума, - говорил скрипучий голос. - Простите, что пришлось нарушить ваш покой, но Централь объявила аврал, и мы вынуждены временно призвать на действительную службу всех агентов. Согласно нашим данным, вы находитесь в бессрочном отпуске на Локус Альфа Девяносто Три, Измерение В-87, Лиса 22 1-6, известное также под названием Артезия. Это верно?

- Да, - пробормотал Лафайет. - То есть нет. Видите ли...

- Аварийная ситуация требует, чтобы вы немед-

ленно удалились от дел и ушли в подполье, в качестве заключенного в лагере строгого режима, отбывающего девяносто девять лет за убийство при отягчающих вину обстоятельствах. Вам ясно?

- Послушайте, мистер Фитильзад, - торопливо перебил его Лафайет. - Вы не совсем разобрались в ситуации. В настоящий момент я сижу на мельнице, в которую превратился королевский дворец, и...

- Таким образом, вам надлежит срочно доложить о своем прибытии в подпольную организацию, штаб-квартира которой расположена в месте пересечения трубопроводной и канализационной систем дворца, в двенадцати футах под Королевским Заводом по переработке отбросов, в двух милях к северу от города. Вы, естественно, будете замаскированы. Наш человек тайно переправит вас в лагерь, предварительно снабдив лохмотьями, вшами, струпьями, колтунами, шрамами... всем необходимым.

- Подождите! - закричал Лафайет. - Я не могу выполнить вашего задания!

- Почему? - Голос звучал удивленно.

- Потому что я не в Артезии, черт побери! Я вам все уши об этом прожужжал! Я сижу на мельнице

в ста футах над помойкой! Говорю же, гулял себе тихо- спокойно в парке, а скамейка исчезла, а потом фонтан, а потом…

- Вы намекаете, что вы не в Артезия?

- Почему вы не хотите слушать? Произошло нечто ужасное…

- Будьте добры, отвечайте на вопрос. Да или нет, - отрезал скрипучий голос. - Может быть, вам неизвестно, что возникла аварийная ситуация, которая может распространиться на весь Континуум, включая Артезию!

- Так ведь и я о том же! - взвыл О'Лири. - Нет. Я не в Артеэии.

- Фу, - проскрипел голое. - В таком случае прошу простить за звонок…

- Фитильзад! Не вешайте трубку! - заорал О'Лири. - Вы - моя единственная надежда! Мне необходима помощь. Они все исчезли, понимаете? Дафна, Адоранна - никого не осталось. Дворец, город, королевство…

- Послушайте; мой мальчик, допустим, я внесу вас в Список Пропавших без Вести и…

- Нет, это вы послушайте! Когда-то я вам помог. Теперь ваша очередь. Заберите меня отсюда! Я хочу в Артезию!

- Не может быть речи, - сурово проскрипел го-

лос. - Сегодня вечером мы обслуживаем агентов с секретностью два нуля девять, а у вас - жалкие два нуля три. Но…

- Вы не имеете права! Где Никодим? Он вам скажет…

- Никодим переброшен на Локус Бета Два-ноль в обличье капуцинского монаха, занимающегося исследованиями в области алхимии. Он исполняет задание настолько секретное, что мы лишены возможности поддерживать с ним связь в течение двадцати восьми лет и шести месяцев.

Лафайет застонал.

- Но хоть чем-то вы можете помочь?

- Гмм… Видите ли, О'Лири, я только что просмотрел ваше дело. Похоже, раньше вы занимались недозволенными экспериментами с пси-энергией, и мы, естественно, сфокусировали на вас Подавитель. И все же, я вижу, вы действительно оказали нам когда-то важную услугу. А теперь слушайте. У меня, конечно, нет полномочий отключать Подавитель, но, между нами, сугубо конфиденциально, могу намекнуть на одно обстоятельство, которое поможет вам выпутаться. Только не вздумайте проболтаться, что это я намекнул.

- Валяйте. Намекайте… и как можно скорее.

- Гмм… Как там? О'кэй, запоминайте: Смешайте конину и ножки свиньи, - Чтоб стали они, как веревки, туги, - От Бронкса милльоны едят до Майами, - Ключ к этой разгадке, конечно- Ох, ох, ну вот, О'Лири. Так я и знал! Это шаги Главного Инспектора! Я должен идти. Желаю счастья! Желаю удачи! Не забывайте нас! И если останетесь в живых, дайте о себе знать!

- Подождите! Вы забыли сказать, какой ключ к загадке!

Лафайет бешено затряс трубку, но в ответ услышал лишь короткие гудки. Затем внутри что-то фыркнуло и наступила зловещая тишина. Лафайет застонал и повесил трубку на место.

- Ножки свиньи, - пробормотал он. - Конина. И это - единственное спасибо, которое я получил за годы преданной службы, когда делал вид, что наслаждаюсь праздниками, обедами, охотой, Дафной, а на самом деле страдал, ожидая, когда позвонит этот треклятый телефон и меня призовут на действительную службу, дадут секретное поручение…

Он перевел дыхание и заморгал глазами.

- Опять ты мелешь ахинею, О'Лири, - сказал он сам себе. - Признайся, все эти годы ты наслаждался жизнью, как никогда. И тебе в голову

не приходило набрать номер Централи и пойти добровольцем на какую-нибудь опасную работу. Так что не скули, затяни пояс потуже, оцени обстановку и составь план действий.

Он посмотрел вниз. Земля, окутанная сумерками, казалась еще более далекой и недоступной.

- Итак-, с чего начать? - громко спросил он. - Какие шаги предпринять, чтобы убраться отсюда подобру-поздорову и очутиться в другом измерении?

- Ах ты, тупица! - воскликнул он, подпрыгнув и чуть не свалившись с мельницы. - Ну конечно же! Пси- энергия! Вспомни, как ты попал на Артезию из Колби Корнерз? И прекрати разговаривать с самим собой, - сурово добавил он. - А то подумают, что ты совсем свихнулся.

Уцепившись что было сил за крыло мельницы, О'Лири крепко зажмурился и стал вспоминать Артезию - ее запахи, романтичные старинные улочки, причудливые дворцовые башни, таверны, паровые автомобили, деревянные домики, маленькие аккуратные лавочки и лампочки в сорок ватт…

Он осторожно приоткрыл один глаз. Никаких перемен. Он все еще восседал на вершине мельницы, а склон холма, поросший кустарником,

спускался к деревне у озера. В Артезии на этом месте находился зеркальный пруд, в котором росли белоснежные кувшинки и скользили по воде лебеди. Даже в Колби Корнерз пруд был довольно аккуратным, хотя в нем, напоминая о существовании цивилизации, плавали фантики от конфет. Озеро, на которое смотрел Лафайет, казалось каким-то грязным и заболоченным. Женщина, неторопливо вышедшая из дома на берегу, выплеснула помойное ведро прямо в воду. Лафайет поморщился и закрыл глаза. Он представил себе классический профиль Дафны; лицо графа Аллана - мужественное, с квадратным подбородком; придворного шута Болтошку; элегантную фигуру и аристократические черты принцессы Адоранны…

Безрезультатно. Он, конечно, знал, что Централь лишила его возможности оперировать пси-энергией, объявив преступником, подвергшим опасности существование Континуума, но все же надеялся, что в этом измерении Подавитель не подействует. И…

Что там сказал этот бюрократ по телефону? Какой- то намек. Загадка, ключ, китайская грамота, одним словом. Нет, полагаться можно только на самого себя, и чем скорей он это поймет, тем

лучше.

- Итак, что будем делать? - спросил он у мельницы.

- Для начала мы с тебя слезем, - сообщил он, - а то совсем окоченеем от холода.

С сожалением посмотрев на телефон, Лафайет начал осторожно спускаться.

* * *

Когда Лафайет спрыгнул вниз, пролетев последние десять футов по воздуху и угодив в колючий кустарник, совсем стемнело. Жадно потянув носом воздух, он понял, что не ошибся, и до него действительно доносится восхитительный запах жареного лука. Он сунул руку в карман, побренчал мелочью и подумал, что неплохо было бы перекусить в ближайшей таверне, а заодно выпить небольшую бутылочку вина, чтобы успокоить разгулявшиеся нервы. Потом, призвав на помощь все свое искусство дипломата, он постарается понять, куда попал. Вопросы надо задавать крайне осторожно, но с этим он справится. Вот только какие вопросы задавать? Ладно, там видно будет.

Прихрамывая, Лафайет начал спускаться с холма: после неудачного падения болела лодыжка.

Совсем потерял форму. Постарел, что ли? Ведь недавно прыгал, как акробат, с крыши на крышу, карабкался по веревкам, воевал с разбойниками, усмирял драконов и одновременно ухаживал за Дафной. При мысли о Дафне у него защемило в груди. Что подумает несчастная женщина, когда поймет, что ее муж исчез? Сердце ее будет навек разбито, она умрет от беспокойства…

Да, полно! Он пренебрегал ею последнее время, к Дафна просто не заметят его отсутствия. Возможно в эту самую минуту ее соблазняет какой-ни6удь придворный. Вечно шляются по дворцу, якобы для прохождения рыцарской практики, а на самом деле - пьяницы, картежники и бабники…

Лафайет непроизвольно сжал кулаки. Как только его отсутствие будет замечено, они накинутся на маленькую беззащитную Дафну, как стервятники на падаль. Бедная невинная девочка, она ведь не сможет защититься от этих волков в овечьих шкурах и начнет принимать утешения…

- Прекрати немедленно! - прикрикнул на себя Лафайет. - Дафна - верная жена, лучше не придумаешь, разве что неопытная. Но она поставит фонарь под глаз первому ухажеру, который позволит себе лишнее! Слишком много лет она

махала шваброй, и удар у нее, что надо; да и сейчас ей приходится трудиться вовсю: скакать верхом, плавать, играть в теннис - ведь она стала аристократкой!

Лафайет представил себе изящную фигурку жены в купальном костюме, застывшую на вышке для прыжков в воду перед бассейном…

- Говорю тебе, хватит, - напомнил он. - Займись-ка лучше решением проблем насущных. Конечно, если выяснишь, в чем они заключаются.

* * *

Главная улица города представляла собой грязную немощеную дорогу, в колдобинах и рытвинах, по которой едва могла проехать телега. По краям валялись кучи мусора и пищевых отходов, в основном - фруктовые очистки и яичная скорлупа. В окнах горел неяркий свет. Несколько подозрительных личностей оглядели Лафайета с ног до головы и скрылись в аллеях между деревьями, еще более узких и темных, чем главная улица. Над обветшалой дверью одного из домов скрипела и раскачивалась на холодном ветру грубо намалеванная вывеска, на которой сверху корявыми готическими буквами было написано: «ТАКОВА УЖ НИЩЕНСКАЯ ДОЛЯ», а внизу

изображен коренастый человек в серой куртке с чугунком в руке.

Лафайету стало тоскливо. Он невольно сравнил эту мазню с прекрасной картиной над входом в харчевню «Топор и Дракон», где так беззаботно проводил время… «Забывая о Дафне, - неожиданно вспомнил он. - Оставляя ее в одиночестве…» - Лафайет застонал.

- По крайней мере, надеюсь, что в одиночестве, - пробормотал он. - Какой же я был дурак! Ну нет, хватит. Как только вернусь…

Он сглотнул комок, застрявший в горле, и, толкнув низкую дверь ногой, вошел в таверну.

От чада и копоти у него заслезились глаза. В нос ударил запах кислого пива, горелого картофеля и чего- то вовсе непристойного. Лафайет зашагал по грязному неровному полу, наклонив голову, чтобы не стукнуться о низкие перекрытия, по направлению к стойке, за которой, спиной к двери, стояла девушка в домашнем переднике и запачканной косынке, - она начищала чугунок тряпкой и напевала вполголоса.

- Э-э-э… нельзя ли у вас перекусить? - осторожно спросил Лафайет. - Чего-нибудь попроще, скажем, гуся с артишоками и бутылочку Пулли-Фюиз пятьдесят девятого…

- Ну-ну, - ответила девушка, не поворачиваясь. - Я вижу, ты не лишен чувства юмора.

- Хорошо, тогда давайте омлет, - торопливо согласился О'Лири. - А к нему немного сыра, фруктов и кружку черного пива.

- О'кэй, - ответила девушка. - Ты своего добился. Мне уже смешно. Ха-ха-ха.

- Может, у вас найдется бутерброд с ветчиной? - спросил Лафайет с надеждой в голосе. - Больше всего на свете люблю швейцарскую ветчину на баварском ржаном хлебе…

- Сосиски и пиво, - резко сказала девушка. - Будешь заказывать?

Буду, буду! - взволнованно вскричал Лафайет, - и, пожалуйста, поджарьте с корочкой.

Девушка повернулась, поправляя выбившуюся из-под косынки прядь.

- Эй, Борой - крикнула она. - Зажарь-ка джентльмену сосисочку, да так, чтоб сгорела - ему это нравится.

Лафайет уставился в ее большие голубые глаза. на маленький прямой носик, прекрасные белокурые волосы, выбивавшиеся из-под косынки.

- Принцесса Адоранна! - вскричал он. - Как вы сюда попали?

Вторая

Официантка бросила на Лафайета усталый взгляд.

- Меня зовут Свайнхильда, мистер, - сказала она. - А как я сюда попала - долгая история.

- Адоранна, разве вы меня не узнаете? Это я, Лафайет! - Голос его сорвался. - Мы с вами разговаривали сегодня утром за завтраком!

Дверь на кухню неожиданно отворилась с тягучим скрипом, и в образовавшуюся щель просунулось небритое лицо с правильными чертами и квадратной челюстью.

- За завтраком, вот как? - возмущенно заявило лицо, поворачиваясь к Свайнхильде. - Придется тебе объясниться, дрянь ты эдакая.

- Аллан! - вскричал Лафайет. - И ты тоже?!

- Что ты хочешь этим сказать, парень? - угрожающе вымолвило лицо. - В каком это смысле «тоже»?

- Я… я думал, что один сюда попал… а теперь со мной Адоранна… то есть она не со мной… вы не так поняли… и мне показалось, что вы…

- Опять мне изменила, да? - Длинная мускули-

стая рука высунулась из-за двери, но девушка проворно отскочила в сторону и схватилась за сковородку.

- Посмей меня пальцем тронуть, образина несчастная, - завизжала она, - и я растоплю жир, которым ты пользуешься вместо мозгов.

- Успокойтесь, Адоранна, прошу вас, - миролюбиво произнес Лафайет. - Сейчас не время для семейных сцен.

- Семейных! Ха! Знал бы ты, как я натерпелась с этим подонком...

Ей не удалось договорить, так как предмет их обсуждения одним прыжком выскочил из кухни, чуть не сломав дверь. Свайнхильда, не задумываясь, размахнулась тяжелой чугунной сковородкой и опустила ее на нечесаную голову. Сделав два шага на негнущихся ногах, Боров сел на стойку и изумленно уставился на Лафайета.

- Так что тебе приготовить, приятель? - спросил он и начал медленно оседать, постепенно исчезая из поля зрения. Раздался грохот. Девушка отложила в сторону свое грозное оружие и раздраженно посмотрела на О'Лири.

- С чего тебе вздумалось его дразнить? - спросила она и, нахмурившись, оглядела Лафайета с головы до ног. - Кто ты такой? Что-то не припом-

ню. Могу поспорить, что с тобой я никогда ему не изменяла!

- Неужели вы действительно не помните? - взмолился Лафайет. - Я хочу сказать, неужели вы все забыли? И Аллан… Как вы сюда попали? А Дафна… Боже мой, Адоранна, где Дафна?

- Даффи? Заходит к нам такой, когда надоест бродяжничать. У него не все дома. Вечно клянчит выпивку. Не видела его недели две-три…

- Не Даффи, а Дафна. Это - девушка, то есть не девушка, а моя жена. Невысокая такая, но среднего роста. Вы меня понимаете? Точеная фигурка, нежное личико, шатенка…

- Давай ее сюда, - донесся из-под стойки невнятный голос.

- Сейчас разберусь, в какую сторону кренится палуба и…

Свайнхильда отвела ногу и изо всех сил пнула Борова чуть ниже уха.

- Проспись, битюг, - пробормотала она и, задумчиво посмотрев на Лафайета, приподняла бровь, сняла косынку и распустила по плечам белокурые волосы.

- У этой дамы есть что-нибудь, чего нет у меня? - холодно спросила она.

- Адоранна! Я говорю о Дафне, графине, моей

жене!

- Ах да, конечно, графине. Извини, милый, но мы сейчас не принимаем графинь. Сам понимаешь, мы слишком заняты, пересчитывая наши жемчуга. - Она наклонилась над Боровом. - Извини, но мне надо немного прибраться.

- Разрешите мне помочь вам, - с готовностью предложил Лафайет.

- Да брось ты. Сама управлюсь.

- Но с ним все в порядке? - Лафайет перегнулся через стойку, пытаясь разглядеть неподвижное тело.

- С Боровом? Смеешься, что ли? Его череп подковой не прошибить, даже когда подкова на ноге у лошади.

Она схватила Борова за ноги и поволокла, пятясь, на кухню.

- Адоранна, подождите, выслушайте меня! - вскричал Лафайет, перепрыгивая через стойку.

- Слушай, сколько раз можно повторять, что меня зовут Свайнхильдой. Одер и Анна здесь ни при чем.

- Но… неужели вы не помните?

- Честное слово, первый раз в жизни тебя вижу. А теперь, если ты кончил трепаться, выметайся отсюда: наша харчевня закрывается.

- Так рано?

Свайнхильда приподняла бровь.

- У тебя есть другие предложения?

- Мне надо поговорить с вами, - сказал Лафайет с отчаянием в голосе.

- Не бесплатно, - отрезала Свайнхильда.

- С-сколько?

- По часам или на всю ночь?

- Уделите мне несколько минут, и я все объясню! - радостно воскликнул Лафайет. - Начнем с того…

- Подожди-ка минутку. - Она отпустила ноги Борова, и они со стуком упали на пол. - Сначала переоденусь и приведу себя в порядок.

- Вы прекрасно выглядите, - торопливо сказал Лафайет. - Так вот…

- Не хочешь ли ты обучать меня моему ремеслу, чужеземец?

- Да… то есть… Никакой я не чужеземец! Мы знаем друг друга много лет! Неужели вы забыли нашу первую встречу на балу короля Горубля, когда я согласился убить дракона? На вас было голубое платье с жемчужным ожерельем, а на поводке вы держали тигренка…

- А-а… бедный ты мой, бедный, - сочувственно сказала Свайнхильда. - У тебя шарики за вин-

тики заскочили, да? Что ж ты сразу не сказал? Послушай, ты действительно хотел со мной поговорить? И ничего больше?

- Конечно, что еще? Адоранна, прошу вас, не отвлекайтесь. Я сам не знаю, что произошло, может, вас загипнотизировали, но если вы постараетесь, то обязательно вспомните. Сосредоточьтесь и представьте себе розовый мраморный дворец, рыцарей и придворных дам в роскошных туалетах, ваши покои в западном крыле, отделанные золотом, с видом на парк…

- Не торопись, милый. - Свайнхильда достала из- под стойки бутылку, выбрала из груды грязной посуды в раковине два относительно чистых стакана, плеснула в каждый немного бурой жидкости и глубоко вздохнула. - Твое здоровье. Ты, конечно, псих, но уж больно складно у тебя получается. Давай, ври дальше. - Привычным движением она опрокинула содержимое стакана прямо в горло и сочувственно посмотрела на Лафайета, который тоже выпил и никак не мог отдышаться. - Жизнь наша такая, что любой тюфячок, вроде тебя, может свихнуться, - сказала она. - Ты откуда родом? У нас так никто не одевается. Чудно.

- Дело в том… - ответил Лафайет и умолк на

полуслове. - Я и сам не знаю, как тебе объяснить, - беспомощно произнес он, незаметно переходя на «ты».

Только сейчас он осознал в полной мере свое одиночество, почувствовал боль от ушибов и ссадин, ощутил ломоту во всем теле. Ему просто необходимы были хороший обед, горячая ванна и удобная постель.

- Да брось ты, - сказала Свайнхильда и потрепала Лафайета по руке маленькой твердой ладошкой. - Не переживай. Завтра проснешься, и все будет хорошо, вот увидишь. Хотя лично я в этом сильно сомневаюсь, - резко добавила она. - Ничего хорошего ждать не приходится, пока старый козел Родольфо сидит на герцогском троне.

Лафайет выпил стакан вина и не заметил этого.

- Родольфо? - с трудом спросил он. - Послушай, Свайнхильда, ты должна рассказать мне, что у вас происходит. Здесь, конечно, не Артезия, но земля та же, и ты с Алланом… Я хочу знать подробности, - может, хоть за что-то удастся зацепиться.

Свайнхильда рассеянно почесала бедро.

- Что я могу сказать? Раньше у нас все было в порядке. Герцогство как герцогство, без лишней роскоши, но жить можно. Постепенно станови-

лось все хуже и хуже: сплошные налоги, указы, эдикты, постановления и законы. Потом погиб урожай табака, а грибок сгубил двухлетние запасы вина. Мы пили привозной ром, но он тоже кончился. С тех пор пьем пиво и закусываем сосисками.

- Вот кстати, - встрепенулся Лафайет. - Сосиска - это хорошо!

- Милый, да ты умираешь с голоду! Свайнхильда вскочила, выдернула из-за кухонной двери все ту асе злополучную сковородку, кинула на нее расплавленный жир, куски сомнительного мяса и поставила на жаровню, перетряхнув угли.

- Расскажи мне поподробнее о герцоге Родольфо, - попросил Лафайет.

- Ублюдок он, а не герцог. Я и видела его один только раз, когда уходила из казарм в три часа ночи. Навещала больного друга, сам понимаешь. Старый сводник прогуливался по саду, а так как время было не позднее, я перемахнула через забор и попыталась завязать с ним беседу. Только не подумай, что мне такой тип мужчин нравится. Просто решила, что знакомство с ним не помешает. - Свайнхильда стрельнула на Лафайета глазами. - Но старый козел отказался наотрез, - сказала она, разбивая яйцо о ручку сковородки.

- Стал мямлить, что я ему в племянницы гожусь, и кликнул лягавых. Я тебя спрашиваю, что можно ждать от государства, если эта старая развалина ни на что не способна?

- Гмм... - задумчиво произнес Лафайет. - Скажи... э-э-э... Свайнхильда, как бы мне получить аудиенцию у герцога?

- И не думай. Своих гостей он обычно скармливает львам.

- Только герцог может мне помочь во всем разобраться, - пробормотал Лафайет. - Больше некому. Я только сейчас понял, что Артезия никуда не исчезала. Это я исчез.

Свайнхильда посмотрела на него через плечо, зацокала языком и покачала головой.

- Мужчина средних лет, в расцвете сил, и надо же, чтобы так, - сочувственно сказала она.

- Средних лет? Мне и тридцати не исполнилось, - поправил ее Лафайет. - Хотя, должен признаться, сегодня я чувствую себя столетним старцем. Нет, мне просто необходимо составить план действий. Иначе я пропал.

Он понюхал хрустящее месиво, которое Свайнхильда выложила на битую тарелку, полив сверху яйцом.

- Говоришь, сосиска? - спросил он, с сомнением

глядя на необычное блюдо.

- Я и говорю: сосиска. Кушайте, мистер, на здоровье, пока не остыло.

- Послушай, почему бы тебе не называть меня Лафайетом, - предложил Лафайет, осторожно кладя кусок мяса в рот. По внешнему виду оно напоминало крем для чистки обуви, но, к счастью, было абсолютно безвкусным.

- Слишком длинно. Но мне нравится имя Лэйф.

- Лэйф - это дамское белье, или что-то в этом роде, - запротестовал О'Лири.

- Послушай, Лэйф, - твердо сказала Свайнхильда, кладя локоть на стол и одаряя Лафайета взглядом, который ясно говорил: «С меня хватит». - Чем скорее ты выкинешь дурь из головы, тем лучше. Если люди Родольфо узнают, что ты - чужеземец, они из тебя черепаху сделают, прежде чем ты успеешь добежать до прокуратуры, а потом вышибут все твои секреты плеткой- семихвосткой.

- Секреты? Какие секреты? Моя жизнь - открытая книга. Я - невинная жертва обстоятельств...

- Все правильно, ты - псих безвредный. Но попробуй доказать это Родольфо. Он такой же недоверчивый, как старая дева, которая пытается унюхать лосьон для бритья, прежде чем залезть

в ванную.

- Я уверен, ты преувеличиваешь, - твердо сказал Лафайет, выскребая остатки мяса с тарелки. - Честность - лучшая политика. Я пойду к нему, как мужчина к мужчине, объясню, что совершенно случайно оказался в другом измерении, и спрошу, не поможет ли он мне разыскать человека, занимающегося неразрешенными экспериментами в области пси- энергий. А может быть, - продолжал Лафайет, воодушевляясь по мере того, как разыгрывалось его воображение, - Родольфо поддерживает связь с Централью. Ну конечно же! За этим измерением просто обязан присматривать какой-нибудь инспектор Континуума, и как только я объясню, что произошло…

- И все это ты собираешься рассказать Родольфо? - спросила Свайнхильда. - Конечно, не мое дело, Лэйф, но на твоем месте я бы поостереглась. Ты меня понимаешь?

- Завтра с утра первым делом пойду к нему, - пробормотал Лафайет. - Где, говоришь, живет герцог?

- Я ничего не говорю. И не сказала бы, но ты все равно узнаешь. Его резиденция находится в столице, в двадцати милях к западу.

- Гмм… На Артезии там когда-то жил Лод. На

краю пустыни?

- Нет, милый. Город находится на острове, а остров посреди Одинокого Озера.

- Удивительно. В разных измерениях координаты водных пространств почему-то не совпадают, - сообщил Лафайет. - В Колби Корнера эта местность находится на берегу залива. В Артезии она безводна, как Сахара. А здесь - озеро. Ну да ладно, утро вечера мудренее. Честно говоря, больше всего на свете мне сейчас хочется выспаться. Ты не подскажешь, где тут гостиница, Свайнхильда? Люкс не обязательно, хватит и простой комнаты с ванной и, желательно, окнами на восток. Я люблю вставать с первыми лучами восходящего солнца, когда заря…

- Могу бросить тебе охапку соломы в козлиное стойло, - сказала Свайнхильда. - Не беспокойся, - добавила она, увидев изумленный взгляд Лафайета. - Козла мы давно съели.

- Ты хочешь сказать… в городе нет отеля.

- Для психа ты на редкость сообразителен. Пойдем со мной.

Свайнхильда повернулась и черным ходом вышла на тропинку, ведущую к дворовым постройкам. Лафайет плелся сзади, стараясь плотнее запахнуться в пиджак и дрожа от порывов

ледяного ветра.

- Перелезай через забор, не стесняйся, - предложила Свайнхильда. - Если хочешь, можешь переночевать на улице - за те же деньги.

Лафайет уставился на ржавую металлическую крышу, державшуюся на четырех подгнивших столбах, грязную жижу, из которой торчали стебли камыша, и потянул носом воздух, уловив характерный запах, напомнивший ему о бывшем обитателе.

- Не можешь ли ты подыскать мне хоть что-нибудь поприличнее? - спросил он с отчаянием в голосе. - Я буду твоим вечным должником.

- В долг не даю, - сурово ответила Свайнхильда. - Деньги вперед. Ты мне должен два медяка за сосиску, два - за прочие услуги и пятак за беседу.

Лафайет сунул руку в карман и вытащил пригоршню серебряных и золотых монет. Он протянул девушке толстый артезианский пятидесятицентовик.

- Хватит?

Свайнхильда посмотрела на лежавшую на ее ладошке монету, попробовала ее на зуб и широко открытыми глазами уставилась на Лафайета.

- Это - настоящее серебро, - прошептала она. - Что ж ты не сказал, что нафарширован, как ка-

бачок, Лэйф… то есть Лафайет. Пойдем, любимый. Для тебя - только самое лучшее!

О'Лири послушно отправился вслед за своей провожатой обратно в дом. Свайнхильда на секунду остановилась, зажгла свечу и поднялась на второй этаж в небольшую комнатку с низким потолком, резной позолоченной кроватью и круглым окном, в которое вместо стекла были вставлены донышки от бутылок. На подоконнике в цветочном горшке стояла герань. Лафайет осторожно повел носом, но никаких посторонних запахов не уловил.

- Замечательно! - воскликнул он, расплываясь в улыбке и одобрительно глядя на хозяйку. - Комната мне подходит. Где тут у вас ванная?

- Лохань под кроватью. Пойду нагрею воды. Лафайет нагнулся, вытащил, пыхтя, большую медную лохань на середину комнаты и уселся на кровать, снимая сапоги. За окном в лунном свете возвышались далекие холмы, совсем как на милой его сердцу Артезии. Дафна, наверное, шла сейчас на званый ужин под руку с очередным сладкоречивым дэнди, удивляясь, куда пропал муж, и, возможно, украдкой вытирая слезы…

В который раз Лафайет одернул себя, отгоняя навязчивую мысль об изящной фигурке своей

супруги. В конце концов, он сделал все что мог, и с завтрашнего дня начнет трудиться не покладая рук. Был бы повод, а желание всегда найдется. И хорошо, что они на некоторое время расстались. В разлуке Дафна полюбит его еще сильнее…

- А может, кого другого? - пробормотал он. - Того, кто поближе?

* * *

Дверь открылась, в комнату вошла Свайнхильда с двумя большими ведрами,, из которых шел пар. Она вылила воду в ванну и проверила температуру локтем.

- В самый раз.

Лафайет вежливо выпроводил девушку из комнаты, разделся, с сожалением глядя на лохмотья, в которые превратилась одежда, и залез в лохань. На губах его появилась блаженная улыбка. Правда, полотенца он не заметил, но коричневый кусок мыла лежал под рукой. Мурлыча под нос, О'Лири тщательно помылся и, намылив голову, стал поливать себя сверху. Как всегда, ему отчаянно защипало глаза, и, встав на ноги, он попытался нашарить полотенце вслепую.

- Черт, - выругался он. - Забыл попросить…

- Держи, - раздался над его ухом голос Свай-

нхильды, и в следующую секунду ему в руки сунули кусок грубой ткани. О'Лири вцепился в простыню, что было сил, и тут же завернулся в нее с головы до ног.

- Что ты здесь делаешь? - требовательно спросил он, вылезая из лохани на холодный пол и пытаясь протереть один глаз. Преуспев в этом начинании, он увидел рядом Свайнхильду, снимающую через голову нижнюю полотняную сорочку. - Эй, - пробормотал он. - Ты чего?

- Собираюсь принять ванну, если тебе она больше не нужна,

- услышал он ехидный ответ.

О'Лири быстро отвел глаза. Не из скромности, конечно, скорее наоборот. Вид голой девушки с поднятой ногой, пробующей воду в лохани, был до изумления приятен. Несмотря на спутанные волосы и обгрызанные ногти, у Свайнхильды было тело принцессы... принцессы Адоранны, если уж на то пошло. Лафайет быстро вытерся и улегся в постель, натянув одеяло до подбородка.

Свайнхильда мурлыкала какую-то песенку, весело плеща водой.

- Поторопись, - сказал Лафайет хриплым голосом. - Вдруг сюда зайдет Боров?

- Ему придется подождать, только и всего, - ре-

зонно заметила Свайнхильда. - Правда, не помню, чтоб этот дундук хоть раз в жизни мылся ниже подбородка.

- Но ведь он - твой муж!

- Называй, как хочешь. Сам знаешь, как живем. Этот гад сказал, что не хочет записываться, потому что нас обложат налогами, обдерут как липку, да еще под статью подведут. Врет он все. По-моему…

- Ты еще не готова? - взвизгнул О'Лири, зажмурившись и с трудом удерживаясь от искушения подсмотреть.

- Мм-мм… почти. Вот только…

- Прошу тебя, поторопись. Мне надо как следует выспаться, ведь завтра идти пешком целых двадцать миль!

- Где полотенце?

- На спинке-кровати.

Он услышал ровное дыхание, шуршание простыни по обнаженному телу, шлепанье босых ног…

- Подвинься, - прошептал нежный голос. Лафайет подскочил и сел в постели.

- Великий боже, Свайнхильда, ты не можешь здесь спать!

- Это почему я не могу спать в собственной

кровати? - возмущенно спросила она. - Может, ты хочешь отправить меня в козлиное стойло?

- Нет… что ты, но…

- Послушай, Лэйф, либо мы делимся поровну, либо катись отсюда, и плевать я хотела на твое серебро.

Теплое тело скользнуло в постель, перегнулось через него, задувая свечу…

- Дело не в этом, - слабым голосом ответил Лафайет. - Дело в том…

- Да?

- Э-э-э. - я не помню, в чем дело. Но твой муж храпит внизу, а из комнаты нет второго выхода.

- Кстати, насчет храпа, - неожиданно сказала Свайнхильда.

- Что-то больно тихо стало на кухне.

От удара дверь распахнулась настежь, с потолка посыпалась штукатурка. При свете высоко поднятой керосиновой лампы Лафайет увидел разъяренное лицо Борова, отнюдь не ставшее менее свирепым от синяка под глазом и шишки размером с утиное яйцо на голове.

- Ага! - заорал он. - Под кровлей моего дома, Иезабель!

- Твоего дома! - проорала в ответ Свайнхильда, не оставаясь в долгу, в то время как Лафайет глуб-

же вжался в стену, надеясь, что о нем забудут. - Папаша мне его завещал, а я тебя подобрала по доброте душевной. Помню, как ты шлялся по улицам в поисках обезьяны, которая утащила твою шарманку. Или тогда ты тоже наврал?

- Как только я увидел эту разодетую образину, сразу понял, что у тебя с ним шашни! - не сдавался Воров, тыкая пальцем размером с сардельку в сторону Лафайета.

Он повесил лампу на крючок у двери, закатал рукава рубашки, обнажая бицепсы толщиной с коровью ляжку, и, вытянув руки вперед, прыгнул на кровать. Лафайет отчаянным усилием оттолкнулся ногой и свалился на пол, запутавшись в одеяле. Соответственно, Боров со всего размаха угодил головой в стену, после чего рухнул как подкошенный.

- Ну и ударчик у тебя, Лэйф, - раздался откуда- то сверху восхищенный голос Свайнхйльды. - Так ему и надо, бульдогу проклятому, получил по заслугам.

Лафайет, окончательно запутавшийся в бескрайних просторах одеяла, боролся до конца и одержал верх, вылезая из-под кровати на глазах изумленной Свайнхйльды.

- Какой ты забавный, - сказала она. - Сначала

вырубил Борова одним ударом, а потом зачем-то забрался под кровать.

- Я искал контактные линзы, - сообщил Лафайет. - Но в них отпала надобность, потому что я раздумал составлять завещание. Лучше я переночую в чистом поле. - Он начал лихорадочно одеваться.

- Наверное, ты прав, - вздохнула Свайнхильда, откидывая прядь прекраснейших белокурых волос на голое плечо. - Когда Боров проснется, настроение у него будет не из лучших. - Она надела рубашку и принялась натягивать на себя платье.

- Не беспокойся, я знаю дорогу, - торопливо сказал Лафайет. - Можешь не провожать.

- Провожать? Ты что, шутишь? Как я могу здесь остаться после того, что произошло? Давай-ка уберемся подобру-поздорову, пока Боров не пришел в себя, а то опять придется тебе драться, уж больно он страшен в гневе.

- Э-э-э... может, тебе действительно лучше несколько дней погостить у мамы? А когда Боров остынет, ты объяснишь ему, что он ошибся и напрасно подумал...

- Ошибся? - Свайнхильда изумленно на него посмотрела. - В чем? Ну да ладно, можешь не отвечать. Ты какой-то странный, Лэйф, но кажется,

не хотел меня обидеть. Не то, что Боров, горилла проклятая!

Лафайету показалось, что он увидел слезинку, блеснувшую в голубом глазу девушки, но она быстро отвернулась и стала застегивать платье на пуговицы, а затем открыла дверцы стенного шкафа и достала тяжелый плащ.

- Соберу еды в дорогу, и сразу пойдем, - сказала она, выскальзывая из комнаты в темный коридор.

Лафайет покорно пошел следом, прихватив керосиновую лампу. На кухне он стоял, переминаясь с ноги на ногу, пока Свайнхильда упаковывала в корзину грубый хлеб, связку черных колбасок, яблоки, желтый сыр, а также кухонный нож и бутылку с жидкостью сомнительного пурпурного цвета.

- Ты очень заботлива, - сказал он, принимая корзинку из рук Свайнхильды., - Надеюсь, ты разрешишь мне заплатить, в знак моей глубокой признательности.

- Да брось ты, - отмахнулась Свайнхильда, увидев, что он полез в карман. - Деньги нам пригодятся в пути.

- Нам? - Брови Лафайета изумленно приподнялись. - А где живет твоя мама?

- Что ты заладил одно и то же? Прямо маменькин сыночек какой-то. Моя старуха умерла, когда мне года не исполнилось. Ладно, сматываемся. А то Боров проснется и отправится на розыски.

Она толкнула ногой заднюю дверь, и в комнату ворвался ледяной порыв ветра.

- Н-но… мы не можем путешествовать вместе!

- Это почему? Нам по пути.

- Ты… ты тоже хочешь встретиться с герцогом?

- Плевать я хотела на герцога! Просто хочу побродить по большому городу, увидеть яркие огни, поразвлекаться, в конце концов, пока не стала старухой. Лучшие годы жизни я провела, стирая слоновьи носки, да и те приходилось отнимать с боем. И где благодарность? Только руку чуть не вывихнула, когда врезала ему сковородкой.

- Но… что скажут люди? Пойдут слухи, а Боров никогда не поверит, что я тобой не интересуюсь… то есть, в другом смысле не интересуюсь…

Свайнхильда вздернула подбородок и выпятила нижнюю губку: метод, с помощью которого принцесса Адоранна в свое время разбила тысячи сердец.

- Прошу прощенья, благородный рыцарь. Теперь и мне кажется, что я буду вам только в тягость. Так что идите-ка своей дорогой, а я уж

как-нибудь доберусь.

Она резко повернулась и пошла по освещенной луной улице. На сей раз О'Лири не сомневался, что видел в ее глазах слезы.

- Свайнхильда, подожди! - Он кинулся за ней и уцепился за край плаща. - Я имел в виду... я не имел в виду...

- Нужны мне твои утешения, - пробормотала девушка, и Лафайету показалось, что она едва удерживается от рыданий. - Жила я на свете, пока тебя не было, и сейчас не помру.

- Свайнхильда, - запинаясь проговорил Лафайет, торопливо шагая рядом, - по правде говоря, я колебался, э-э-э-э, не решаясь путешествовать вместе, гмм-мм, только потому, что ты мне очень нравишься. Да. Я хочу сказать, кха-кха, что боюсь не совладать со своими чувствами, э-э-э, и могу... тебя обидеть. Вот. А ведь я -женатый мужчина, а у тебя есть муж. И... и...

Он остановился, окончательно запутавшись, ловя воздух ртом, а Свайнхильда повернулась, испытующе глядя на него. Внезапно она расплылась в улыбке и обняла руками за шею.

Мягкие бархатные губки слились с его губами, мягкое податливое тело прижалось к его груди.

- А я было испугалась, что старею, - довери-

тельно призналась она, покусывая Лафайета за мочку уха. - Какой ты смешной, Лэйф. Наверное, из благородных, раз подумал, что можно этим обидеть девушку.

- Вот-вот, - с готовностью подтвердил Лафайет. - К тому же меня волнует, что скажут твой муж и моя жена.

- Больше тебя ничего не волнует? Мне б твои заботы. - Свайнхильда растрепала рукой его волосы. - Пойдем. Если поднажмем, попадем в Миазмы до петухов.

Третья

Поднявшись на небольшой холм, О'Лири увидел внизу залитое лунным светом озеро, которое, казалось, простиралось до самого горизонта. На этой нескончаемой водной глади виднелась цепь островов, и на самом последнем горели далекие огни большого города.

- Трудно поверить, что именно здесь я когда-то шагал по знойной пустыне, - сказал он. - И если б не набрел на оазис, где стоял автомат с газированной водой, от меня остались бы одни воспоминания да высушенный скелет.

- У меня болят ноги, - простонала Свайнхильда. - Давай перекусим.

Они уселись прямо на землю, и О'Лири распаковал корзинку с продуктами, из которой мощно запахло чесноком. Нарезав колбасу кружочками, он сделал бутерброды, и они принялись за еду, глядя на звезды.

- Смешно, - сказала Свайнхильда. - Когда я была маленькой, мне почему-то казалось, что на каждой звездочке есть люди. Я думала, они живут в роскошных садах и целыми днями поют и

танцуют. И еще я вообразила себе, что у меня нет родителей, и люди со звезд прилетят ко мне и заберут с собой.

- Самое забавное, - ответил Лафайет, - что я вообще ни о чем не думал, пока не очутился на Артезии. Научился фокусировать пси-энергию, и бац! Представляешь?

- Послушай, Лэйф, - сказала Свайнхильда. - Ты человек хороший, я от души тебе говорю: опомнись и не болтай глупостей. Мечтай себе на здоровье, только не верь мечтам, а то окончательно свихнешься. Забудь-ка ты лучше об этих энергиях и очнись, пока не поздно. Нравится тебе или нет, но живем мы е тобой на Меланже, будь он трижды неладен.

- Артезия, - прошептал Лафайет. - Я мог стать королем, но отказался от престола. Слишком хлопотно. Но ты была принцессой, Свайнхильда, а Боров - графом. Чудесный человек, если поближе с ним познакомиться…

- Это я - принцесса? - Свайнхильда невесело рассмеялась. - Я - кухарка и домашняя хозяйка, Лэйф. Разве ты можешь представить меня в кружевном наряде, с презрительной улыбкой на лице и каким-нибудь пуделем на веревке?

- Тигренком на поводке, - поправил Лафайет.

- И ты никогда не улыбалась презрительно: тебя все любили за доброту. Конечно, ты на меня рассердилась, когда я пригласил служанку на Большой Бал…

- Конечно, и я была права, - подхватила Свайнхильда. - Не хватало только, чтоб на моем королевском балу танцевали всякие кухарки и служанки. Что, других баб тебе было мало?

- Ну, не скажи, - горячо запротестовал Лафайет. - Дафна была так же чиста и прекрасна, как самая прекрасная женщина на балу, кроме, может, тебя одной. Ей не хватало лишь горячей ванны да роскошного платья, чтобы засверкать во всем блеске.

- Н-да, чтобы сделать из меня леди, этого явно недостаточно, - сокрушенно 'пробормотала Свайнхильда.

- Ерунда! - воскликнул Лафайет. - Если б ты хоть капельку за собой следила, то была бы ничуть не хуже других!

- Ты считаешь, когда я напялю на себя платье в кружавчиках, да буду ходить на цыпочках и не марать рук, то стану лучше, чем сейчас?

- Я не это имел в виду… я имел в виду…

- О господи, опять тебя заело. Хватит, Лэйф. У меня есть тело, сильное и горячее, и если я ни-

чего не смогу добиться в жизни, на кой ляд мне кружевные трусы?

- Знаешь, Свайнхильда, когда доберемся до столицы, я отведу тебя к парикмахеру, и он уложит твои волосы, а потом...

- Зачем мне портить волосы? Прекрати, Лэйф. Собирайся и пойдем. Нам еще топать и топать, а впереди - озеро, и переплыть через него - это тебе не языком трепать.

* * *

Они спустились с холма и очутились на заболоченном берегу, покрытом жижей, гнилыми водорослями и тухлой рыбой. Стоя по щиколотку в грязи, Лафайет и Свайнхильда дрожали от холода, беспомощно озираясь по сторонам. На далеком острове огоньки весело перемигивались, отражаясь в черном небе.

- Наверное, старый баркас затонул, - заметила Свайнхильда.

- Раньше он ходил в город и обратно каждый час - полторашка в один конец.

- Придется поискать лодку, - сказал О'Лири. - Пойдем. Видишь избушки? Скорее всего, это - рыбачьи хижины. Может, удастся нанять человека, который согласится нас перевезти.

- Слушай, Лэйф, должна тебя предупредить: ты с этими рыбаками поосторожней. Запросто обчистят, дадут по голове и выбросят в воду.

- Ничего не поделаешь, придется рискнуть. Не стоять же на месте, в самом деле.

- Лэйф, - она схватила его за руку, - давай просто пойдем по берегу, найдем лодку, которая плохо привязана, и...

- Ты хочешь, чтобы я лишил несчастного рыбака средств производства? Свайнхильда, мне стыдно за тебя!

- О'кэй. Тогда ты подожди, а эти самые средства добуду я.

- Твои намерения не делают тебе чести, Свайнхильда, - твердо сказал Лафайет. - Мы будем действовать прямо и открыто. Честность - лучшая политика, запомни раз и навсегда.

- Странная политика, Лэйф. Ладно, валяй. В конце концов, речь идет о твоей шее.

Они зашлепали по грязи к ближайшей хижине - полуразвалившейся постройке с прогнившими венцами и ржавой печной трубой, почему-то торчавшей из стены. Из трубы валил черный дым; слабая полоска света пробивалась из-под ставен наглухо заколоченного окна. Лафайет постучал в дверь. Спустя несколько секунд по-

слышался скрип пружинной кровати и хриплый голос произнес.

- Ну?

- Э-э-э… вас беспокоят двое путешественников, - сказал Лафайет. - Нам нужно попасть в столицу. Мы готовы хорошо заплатить… уфф! - - Локоть Свайнхильды больно ткнул его под ребро, -…если у нас хватит денег.

Послышалось невнятное бормотание, звук открываемого засова, и дверь приоткрылась на шесть дюймов. В образовавшейся щели были видны лишь густая мохнатая бровь и покрасневший глаз, бессмысленно уставившийся на Лафайета.

- Тебе чего? - сказал глаз. - Псих, что ли?

- Не смейте выражаться! - Лафайет повысил голос. - Здесь присутствуют дамы.

Бессмысленный глаз уставился на Свайнхильду. В дверной щели появился расплывшийся в ухмылке рот, обнаживший несметное число больших желтых зубов.

- Что ж ты сразу не сказал, голуба? Совсем другое дело. - Глаз оценивающе посмотрел вверх, затем вниз. - Да, хороша пташка. Так чего, говоришь, тебе надо?

- Нам необходимо попасть в порт Миазм, - объяснил Лафайет, делая шаг в сторону и полностью

закрывая Свайнхильду от глаза.

- Это очень важно.

- Ага. Утром…

- Мы не можем ждать до утра, - перебил Лафайет. - Кроме того, в наши намерения не входит ночевать на болоте, и нам нужно замести следы… э-э- э… добраться до столицы как можно скорее.

- Ну… Знаешь что, приятель, я - человек добрый. Так и быть, пусть дама ночует со мной в хижине, а тебе я постелю плащ на берегу. Утром…

- Сколько раз повторять! - прикрикнул Лафайет. - Мы хотим переправиться на остров сейчас, сию минуту. Немедленно.

- Ага, - сказал абориген, зевая во весь рот и прикрывая его гигантской волосатой ладонью. - Без лодки твое дело не выгорит, босс.

- Послушай, - сказал О'Лири. - Я хочу дать тебе - Он сунул руку в карман и достал очередной пятидесятицентовик, -…эту монету, если ты доставишь нас в город. Или тебе не нужны деньги?

- Эй! - сказал рыбак. - Похоже на чистое серебро.

- Да, - ответил Лафайет. - Согласен?

- Ух ты, спасибо, кэп. - Рука потянулась к монете, но О'Лири быстро сунул ее обратно в карман.

- Нехорошо, - ледяным тоном произнес он. - Сна-

чала перевези нас на остров.

- Ну. - Рука отпрянула и стала чесать голову со скрипом, напоминающим звуки строгающего рубанка. - Здесь есть одна закавыка, ваше сиятельство. Схожу, посмотрю, может, чего и выйдет. Но только цена моя будет другая. С вас-то монетка,

ладно, а дама сама заплатит. - Рука вытянулась вперед, намереваясь смести О'Лири с дороги, и он резко ударил ее владельца по пальцам, после чего рука вновь отпрянула, и потревоженное место было засунуто в рот. - Ага, - сказал абориген, с упреком глядя на Лафайета. - Больно, приятель.

- Жаль, что мало, - холодно ответил Лафайет. - Скажи спасибо, что я тороплюсь, а то выволок бы тебя из дома и задал настоящую взбучку.

- Ну? Мог бы чуток зашибиться, голуба. Внутри хижины что-то зашевелилось, и из двери высунулась голова, за которой появились плечи, размером с добрую копну сена, массивный торс, а за ними и сам рыбак, который выполз на четвереньках, поднялся на ноги, величиной с телеграфные столбы, и выпрямился во весь рост - не меньше семи футов шести дюймов.

- Я же ничего не говорю, и с платой могу подождать, пока переедем, - сказало чудовище. - Даже лучше, что сначала разогреюсь. Жди меня здесь,

кэп. Я быстро.

- Ну ты даешь, Лэйф, - прошептала Свайнхильда, глядя как гигантская фигура скрылась в тумане. - Сразу видно, что не из пугливых. - Она с сожалением посмотрела вслед великану. - Что-то в нем все-таки есть.

- Если он до тебя пальцем дотронется, я оторву ему голову и запихаю в его собственную глотку, - прошипел Лафайет.

- Эй, Лэйф! Да ты никак ревнуешь? - с восхищением сказала Свайнхильда и, на секунду задумавшись, добавила: - Смотри, не зарывайся. Хватит с меня скандалов. Посмотрит какой-нибудь бродяга на мою грудь, так Боров сразу в кулаки. Надоело.

- Ревную? Я?! Ты с ума сошла.

Лафайет сердито сунул руки в карманы и стал шагать взад-вперед, в то время как Свайнхильда напевала себе под нос, накручивая прядь волос на палец.

Прошло не менее четверти часа, прежде чем великан вернулся, крадучись, двигаясь на удивление бесшумно.

- Все готово, - сказал он хриплым шепотом. - Поехали.

- Чего это ты шепчешься? - громко спросил

О'Лири подозрительным тоном. - Что...

Молниеносным движением гигант заткнул ему рот ладонью, жесткой, как подошва сапога.

- Тише, босс, - прошипел он, - а то разбудим соседей. Ребята вкалывают с утра до вечера и хотят выспаться.

О'Лири вырвался из железных объятий, отфыркиваясь от резких запахов селедки и дегтя.

- Хорошо, - тоже шепотом ответил он. - Извини, я не хотел никого беспокоить.

Взяв Свайнхильду за руку, О'Лири пошел за проводником по болотистому берегу к полуразрушенному каменному причалу, в конце которого была привязана грубо сделанная широкая плоскодонка. После того, как великан сел за весла, осадка лодки увеличилась дюймов на шесть. Лафайет помог Свайнхильде спуститься и заскрежетал зубами, когда мощные руки подхватили ее, как пушинку, и перенесли на корму.

- А ты садись на нос, кэп, и следи, чтоб мы не наткнулись на бревна, - сказал гигант.

Лафайет едва успел удобно устроиться, как весла опустились в воду, и от мощного гребка он чуть было не вывалился из лодки. Угрюмо вцепившись в борт, О'Лири видел, как под скрип уключин и плеск волн уменьшается и исчезает

в густом тумане причал. Впереди далекие огни большого города продолжали перемигиваться, плавая в черной дымке неба. Сырой ветер пронизывал насквозь.

- Долго нам плыть? - хрипло спросил он, плотнее закутываясь в пиджак.

- Шш-шш-шш, - просипел великан, не оборачиваясь.

- В чем дело? - резко спросил Лафайет. - Может, теперь ты боишься разбудить рыбу?

- Будь ласков, друг, заткни пасть, - настойчиво прошептал абориген. - Знаешь, как звук разносится по воде? - Он наклонил голову, прислушиваясь. На берегу кто-то невнятно закричал.

- Вот видишь? - высокомерно произнес Лафайет. - Не все так заботятся о покое ближних, как ты. Должен заметить.

- Да замолчишь ты, падла, в конце концов, - сдавленным от ярости голосом прошипел великан. - Нас услышат!

- Кто? - громко спросил Лафайет. - В чем дело? - Почему мы ведем себя как преступники?

- Потому что парень, у которого я одолжил лодку, может обидеться, - пробормотал гигант. - А, теперь все одно. У ребят слух, как у летучих мышей.

- За что может обидеться парень, у которого ты одолжил лодку? - удивленно спросил Лафайет.

- За то, что я одолжил у него лодку.

- Ты хочешь сказать, что взял ее без разрешения?

- Стану я будить человека, чтобы спрашивать всякие глупости.

- Ты… ты…

- Меня зовут Хват, голуба. А ругаться будешь, когда нас поймают. Не бойся, ребята на месте сидеть не будут.

Хват наклонился вперед и мощным гребком послал лодку далеко вперед.

- Великолепно, - простонал Лафайет. - Вот она, награда за честность. Полиция идет по горячему следу, а нам приходится удирать.

- Я от тебя ничего скрывать не стану, босс, - доверительно

сообщил Хват. - Эти ребята не лягавые. Нету у них глупых предрассудков. И если поймают, не жди повестки в суд.

- Послушай, - быстро сказал Лафайет. - Давай повернем назад и объясним, что произошло недоразумени.

- Может, вашему сиятельству хочется, чтоб его сожрали рыбы, но это не по мне, - отрезал Хват.

- И надо подумать о маленькой леди. Ребята давно не видели девочек.

- Ты бы лучше поберег дыхание, - посоветовал Лафайет. - Чем болтать, греби сильнее.

- Если я буду грести сильнее, сломаются весла, - отпарировал Хват. - Похоже, нас догоняют, голуба. Надо бы облегчить корабль, кэп.

- Прекрасная мысль, - согласился Лафайет. - Что выбросим за борт?

- Да вроде бы нет здесь ни сетей, ни удилищ. А кроме меня, грести некому. И даму из лодки не выкинешь, пока нет нужды. Остаешься ты, приятель.

- Я? - недоуменно спросил Лафайет. - Послушай, Хват, ведь это я тебя нанял. Не можешь же ты…

- Что делать, босс. Такова жизнь. Великан бросил весла, хлопнул ладонью о ладонь и повернулся к О'Лири.

- Но… кто тебе заплатит, если ты меня выбросишь? - спросил хитроумный Лафайет, пытаясь вжаться в деревянную банку.

- Ага, это ты верно подметил, - согласился Хват, почесывая подбородок, широкий, как Гибралтар. - Может, сначала рассчитаемся?

- Вот уж нет. Куда я, туда деньги.

- Ну, хватит разговоры разговаривать. Неспра-

ведливый ты человек, кэп, да ладно, получу с маленькой леди вдвойне.

Массивная рука вытянулась в его сторону. Лафайет пригнул голову как бык и ринулся вперед, намереваясь угодить великану в живот и почему-то натыкаясь на кирпичную стену, отбросившую его на борт. Отчаяннно цепляясь за неровное дно, О'Лири услышал какой-то свист, глухой удар, и в следующую секунду лодка оказалась в центре тайфуна. Ледяная вода обдала его с головы до ног.

- Спокойно, Лэйф! - крикнула Свайнхильда с кормы. - Я ему врезала веслом по голове, так что все в порядке. Чуть не утопил нас, гад. Давай вышвырнем его за борт.

- Ты. - с ума... сошла, - с трудом произнес Лафайет, приходя в себя я уставившись на фигуру великана, рука которого, толщиной с небольшой дуб, свешивалась с лодки, чертя по воде след. - Он без сознания. Может утонуть.

- Пробравшись на четвереньках к гребной банке, О'Лири забрал у девушки весло, вставил его в уключину, сделал гребок...

Раздался громкий треск, и Лафайет полетел вверх тормашками.

- Эх, слишком сильно я ударила, - с сожале-

нием сказала Свайнхильда. - Сковородка была удобнее.

Лафайет вскарабкался обратно на банку, не обращая внимания на боль в плечах, спине, груди, пояснице и прочих частях тела.

- Придется грести одним веслом, - сказал он, тяжело дыша.

- Ты не знаешь, в каком направлении?

- Понятия не имею, - ответила Свайнхильда. - Но, по-моему, ты можешь не стараться, Лэйф. Смотри.

О'Лири повернулся и увидел белое расплывчатое пятно треугольного паруса, надвигающегося на них с угрожающей скоростью.

- Баркас! - воскликнул он, глядя, как. из тумана появляется корпус судна, на палубе которого стояли несколько рыбаков. При виде дрейфующей плоскодонки они радостно закричали и искусно причалили борт к борту. Лафайет разбил оставшееся весло о голову первого человека, прыгнувшего в лодку, но затем айсберг, о существовании которого он не подозревал, упал на него, погребая под сотнями тонн ледяных глыб и мамонтовых скелетов.

* * *

О'Лири пришел в сознание, не понимая, зачем ему понадобилось совать голову в ледяную окрошку и почему в его мозгу трезвонят праздничные колокола. К тому же пол качался во все стороны одновременно, а когда он попробовал за что-нибудь ухватиться, оказалось, что обе его руки отрезаны по самые плечи. Лафайет изо всех сил задергал ногами, в результате чего окунулся с головой в ледяную воду, полившуюся за воротник при очередном подъеме палубы. Он изогнулся, перекатился на спину и заморгал глазами, пытаясь хоть что-нибудь разглядеть. По крайней мере, руки были на месте: слишком уж сильно они болели, стянутые тугими веревками.

- Очнулся, мазурик, - послышался рядом веселый голос. - Дать ему пару раз по морде?

- Подожди. Сначала будем тащить соломинки. О'Лири завертел головой, испытывая самые разнообразные ощущения, не относящиеся к числу приятных, и туман перед его глазами постепенно рассеялся.

Первым делом он увидел ноги, обутые в резиновые сапоги. Обладатели ног стояли на палубе, глядя на рыбака, обхватившего Свайнхильду

сзади. Как раз в эту минуту девушка изловчилась и лягнула своего тюремщика ногой в голень. От неожиданности рыбак подпрыгнул и громко выругался.

- Живчик, да и только! - восхищенно сказал матрое с длинными жирными волосами. - Где соломинки?

- Откуда здесь соломинки? - ворчливо отозвался его приятель. - Будем тащить рыбу.

- Не по правилам, - пробормотал невысокий коренастый пират с иссиня-черной бородой и бакенбардами, между которыми с трудом можно было различить кончик носа. - Где это видано, чтобы бабу разыгрывали рыбой?

- Да бросьте вы, ребята, - вмешалась Qвайнхильда. - Я сама привыкла выбирать мальчиков.

Вот ты, красавчик… -Она бросила многообещающий взгляд на верзилу с квадратной челюстью и рыжими волосами, чем-то похожего на свинью. - Ты мне больше всех нравишься. Неужели ты позволишь этим недоноскам помешать нашей любви?

Избранник Свайнхильды поперхнулся от изумления, но тут же расправил широкие плечи и выпятил грудь, ухмыляясь во весь рот.

- Значит, так, ребята…

Метко брошенный гарпун угодил точно в шею, и обладатель квадратной челюсти, взмахнув руками, рухнул на палубу.

- Ты это прекрати, - скомандовал хриплый голос. - Оставь свои бабьи штучки. У нас все поровну. Правда, ребята?

Вслушиваясь в одобрительный хор голосов, Лафайет умудрился принять сидячее положение и облокотился о румпель, надежно фиксированный канатом. Никем не управляемый баркас легко шел по ветру, рассекая волны. Руки у Лафайета совсем онемели, и он напряг мышцы, пробуя веревки на прочность, но они сдавили кисти как наручники. Матросы весело смеялись, поддразнивая Свайнхильду, а один из них, высунув язык от напряжения, пытался зажать в кулаке несколько копченых селедок. Предмет их лотереи стоял в насквозь промокшем платье, прилипшем к телу, высоко вздернув подбородок и выпятив посиневшую от холода нижнюю губу.

О'Лири застонал. Хорош защитничек! Это он втравил девушку в жуткую историю. Упрямый осел! Теперь вообще неизвестно, удастся ли унести отсюда ноги. Хват говорил, что аборигены скормят его рыбам. Наверное, оставили в живых, потому что не успели ограбить, а потом - нож под

лопатку, и концы в воду, И Свайнхильда… бедная девочка, мечтавшая увидеть огни большого города. Головорезы наверняка ее прикончат. Лафайет изо всех сил напряг мышцы. Если б только освободить одну руку, он прихватил бы на тот свет кого-нибудь из этих склабящихся обезьян! Если б только к нему хоть на мгновение вернулась способность фокусировать пси-энергию!…

Лафайет глубоко вздохнул и заставил себя расслабиться. Ему никогда не удастся развязать трехдюймовые веревки, но… может, ему удастся самое маленькое (нет, не вернуться на Артезию, или вызвать на бой дракона, или получить задарма коробку вкусных конфет), самое крошечное чудо - и тогда появится реальный шанс остаться в живых.

- Это все, о чем я прошу, - прошептал он, закрывая глаза.

- Честное слово.

«Но мне необходимо задумать что-то определенное, - напомнил он сам себе. - Фокусировка пси-энергии - не волшебство, а концентрация определенных сил, с помощью которых можно управлять событиями. Вот, например, меня плохо связали…»

- Но тебя хорошо связали, - пробормотал он.

- Нельзя изменить свершившийся факт; в лучшем случае можно повлиять на будущее. И то в известных пределах.

«В таком случае на палубе лежит нож, старый ржавый ножик, небрежно брошенный рядом с румпелем. Я бы мог дотянуться до него, и...»

- Проснись, скотина, - прогремел чей-то голое, и носок резинового сапога ударил Лафайета в ухо. Красочные круги и треугольники заплясали перед глазами О'Лири, и неожиданно он понял, что лежит на боку, а в нос ему бьет резкий запах сыра и чеснока. Что-то похожее на колючую проволоку царапало его шею. Повернув голову, он почувствовал под щекой раздавленное яблоко...

Лафайет затаил дыхание. Да ведь это же корзинка с продуктами! Пираты подняли ее на борт вслед за пленниками. А в корзинке был нож.

Лафайет приоткрыл один глаз и осторожно осмотрелся. Трое матросов обступили четвертого, тщательно изучая рыбьи головы, торчащие из кулака.

Пятый пират, явно не угодивший своим товарищам, скорее всего, сжульничавший, корчился на палубе в предсмертных муках.

Свайнхильда лежала у борта, свернувшись в клубок, видимо, отброшенная в сторону за оче-

редную провинность.

Стараясь двигаться незаметно, Лафайет принялся ощупывать палубу связанными сзади руками. Он наткнулся на ломоть промокшего хлеба, еще одно раздавленное яблоко, подполз к корзинке и залез внутрь. Пусто. Он осторожно продвинулся на шесть дюймов, раздвигая колбаски плечами и давя сыр лопатками. Ему помогли волны, раскачивающие баркас. Нож скользнул в руку, и пальцы Лафайета сжались на его рукоятке.

Матросы увлеченно тащили из кулака селедки, забыв обо всем на свете. Лафайет перекатился по палубе, сел на прежнее место у румпеля и ожесточенно принялся водить ножом по канату.

В течение минуты ему казалось, что ничего не выйдет, но внезапно раздался музыкальный «бенц!» - и румпель больно ударил Лафайета под ребра, поворачиваясь на девяносто градусов. Баркас накренился, уваливаясь под ветер. Парус обвис, потом вновь надулся с треском, напоминающим пистолетный выстрел. Заскрипели ванты. Нижний деревянный брус паруса описал полукруг, пролетая по воздуху на высоте человеческой шеи, в чем Лафайет убедился, глядя на четверых пиратов, выброшенных ударом за борт. Неуправ-

ляемый баркас продолжал мчаться по озеру.

Четвертая

- Бедная твоя голова, - сказала Свайнхильда, пожертвовавшая нижней юбкой ради того, чтобы наложить холодный компресс на одну из многочисленных шишек О'Лири. - Ребята швыряли, тебя, как мешок с капустой.

Лафайет застонал, дотрагиваясь до распухшего горячего уха, по форме напоминающего картошку, и чуть повернул румпель, вглядываясь в туман.

- Они оказали нам услугу, - пробормотал он. - На веслах нам никогда не удалось бы дойти до города так скоро.

- До чего раздражает твоя дурацкая привычка во всем плохом видеть хорошее, - недовольно ответила Свайнхильда. - Одумайся, пока не поздно.

- Сейчас не время для мрачных размышлений, - подбодрил ее Лафайет. - Правда, мы продрогли, промокли и проголодались, но худшее позади. Пострадали моя голова да твое достоинство. Ничего страшного. Через несколько минут мы будем кушать вкусный суп и пить вино, а потом снимем номер в отеле и как следует выспимся.

Он ловко повернул баркас под ветер, проходя мимо высоких строений на гранитной набережной, чем-то напоминавшей амстердамскую, и причалил к молу, у которого покачивались несколько барж и шаланд. Свайнхильда бросила швартов сторожу, обмотавшему канат вокруг низкого каменного столбика. Газовые фонари раскачивались на ветру, освещая территорию порта, заваленную мусором и пищевыми отходами. Несколько матросов безразлично смотрели, как Лафайет помог Свайнхильде сойти на берег. Шелудивый пес с поджатым хвостом прошмыгнул мимо, а так как он явно торопился по своим собачьим делам в Миазмы, они пошли следом.

- Какой огромный город, - испуганно озираясь по сторонам, сказала Свайнхильда. - И порт… такой большой и красивый, даже не ожидала. - Она рассеянно поправила упавший на лоб локон.

- Да-а, - с сомнением в голосе отозвался Лафайет и, взяв девушку за руку, повел ее к освещенному входу в таверну, над которым висела засаленная вывеска: «ПИЩА НА СЛАВУ».

В дымной, но теплой комнате они заняли угловой столик. Заспанный хозяин молча принял заказ и удалился.

- Совсем другое дело, - со вздохом облегчения

произнес Лафайет. - Вечер начался неудачно, зато сейчас - грех жаловаться. Поедим горячего, пойдем «в отель, и сразу спать. Жить можно.

- Мне страшно, Лэйф, - сказала Свайнхильда. - Очень уж он большой, этот город. И бездушный. Люди спешат куда-то, друг на друга не смотрят. У них совсем не осталось маленьких радостей. Я так не смогу.

- Спешат? - пробормотал Лафайет. - Как покойники в морге.

- Посуди сам, - продолжала Свайнхильда. - Глубокая ночь, а таверна открыта. Никогда такого не видывала.

- Послушай, сейчас десять вечера, - резонно возразил Лафайет. - Совсем не…

- И к тому же мне надо выйти, а поблизости ни одного куста.

- Для этого существует специальное помещение, - торопливо объяснил Лафайет. - Видишь, написано «ЛЕДИ».

- Внутри?!

- Конечно. Ведь мы в городе, Свайнхильда. Придется тебе привыкать…

- Ладно, неважно. Я быстренько сбегаю за угол…

- Свайнхильда! Немедленно в туалет!

- Тогда пойдем со мной.

- Не могу, он для женщин. Для мужчин рядом.

- Надо же! - Свайнхильда неодобрительно покачала головой.

- Иди скорее, через несколько минут принесут суп.

- Пожелай мне ни пуха ни пера.

Она встала со стула и неуверенно пошла вперед. Лафайет вздохнул, подвернул намокшие кружевные манжеты рубашки, вытер влажное лицо салфеткой, лежавшей рядом с тарелкой, и принюхался к восхитительным ароматам жарящегося цыпленка и лука, доносившимся с кухни. При мысли об ужине рот его наполнился слюной. Кроме нескольких кусочков салями и сомнительных сосисок, приготовленных Свайнхильдой, он с утра ничего не ел…

Утро, - десять часов и миллион лет тому назад. Резной столик на террасе, белоснежная скатерть, начищенное серебро, безупречный дворецкий, наливающий легкое вино из замороженной и обернутой полотенцем бутылки, ломтики ветчины со специями, пшеничный хлеб, взбитые сливки, тоненькая, как папиросная бумага, фарфоровая чашечка с черным кофе…

- Эй, ты! - загремел с другого конца комнаты гру-

бый голос, нарушая сладостные мечты О'Лири.

Решив, что в таверну забрел бродяга, которого собираются немедленно выставить за дверь, Лафайет обернулся. У входа стояли двое мужчин в треугольных шляпах, голубых мундирах, обшитых золотом, и белых бриджах до колен. Они смотрели на него в упор.

- Точно, он, - заявил один из них, хватаясь за эфес шпаги.

- Ух ты, целую неделю за ним гонялись. Теперь награда наша. Все денежки получим сполна. Смотри, Заскок, только не упусти. - Шпага со свистом вылетела из ножен и замелькала перед глазами О'Лири. - Лицом ко мне, руки на стол, приятель. Замри. Мы тебя арестуем именем герцога.

Второй стражник вытащил из-за пояса обрез и направил дуло на голову Лафайета.

- Сам пойдешь, мерзавец, или подстрелить тебя при попытке к бегству?

- Послушайте, - раздраженно сказал О'Лири, - вы меня спутали с каким-то другим мерзавцем. Я только что появился в вашем городе и еще не успел нарушить законов; или у вас есть закон, по которому запрещено дышать?

- Пока еще нет, но все впереди. - Острие шпаги кольнуло О'Лири в плечо. - Смотри, какой умник

выискался.

- Давай по-хорошему, приятель, - посоветовал Заскок. - Нам с Простофлем платят за живого, как за мертвого.

- Я своими глазами видел, как ты отчебучил моих друзей, которые всего только хотели тебя арестовать, - добавил Простофль. - У меня руки чешутся с тобой посчитаться.

Заскок взвел курки обреза.

- С ума вы все посходили, что ли! - вскричал Лафайет. - Я никогда в жизни не был в этой богом забытой дыре!

- Сказки рассказывай герцогу Родольфо! - Шпага еще раз кольнула его в плечо. - Ну-ка, лапки кверху, приятель! Не бойся, идти недалеко.

Вставая со стула, Лафайет бросил красноречивый взгляд на хозяина таверны, потом на дверь женского туалета. Хозяин моргнул, перекрестился и уставился в пол, яростно протирая хрустальные фужеры.

- Вы совершаете непоправимую ошибку, господа! - сказал Лафайет, подгоняемый острием шпаги на улицу. - Хватаете невиновного, в то время, как преступник разгуливает на свободе. Ваш начальник будет недоволен.

- Нам все равно, за кого получать деньги, прия-

тель. А теперь заткнись.

Несколько случайных прохожих испуганно посмотрели вслед стражникам, ведущим Лафайета по узкой мощеной улице в направлении угрюмой высокой башни. Они миновали железные ворота, охраняемые часовыми в той же форме, что у Заскока и Простофля, пересекли большой двор и подошли к двери, над которой горел красный фонарь. За дверью находилась ярко освещенная комната, до потолка увешанная плакатами: ИХ РАЗЫСКИВАЕТ ПОЛИЦИЯ. Посередине стояли деревянная скамья и стол, заваленный грудами пыльных бумаг.

- Гляди-ка, кто к нам пожаловал, - сказал сидящий за столом мужчина, обращаясь к Лафайету. Взяв гусиное перо, он придвинул к себе чистый бланк. - Неумно. Крайне неумно. Ты сделал большую ошибку, вернувшись в Миазмы.

- Я не…

Резкий удар в спину положил конец возражениям О'Лири. Его схватили под руки, втолкнули в длинный коридор через обитую железом дверь, свели вниз по лестнице. Пахло, как в обезьяннике Сэнт- Лу.

- Ох, нет, - взмолился О'Лири. - Только не туда!

- Туда, туда, - охотно отозвался'Простофль. - Про-

щай, шут гороховый!

И удар ногой в то место, на котором сидят, швырнул Лафайета вниз. Пролетев некоторое расстояние по воздуху, он свалился в камеру с низким потолком, освещенную светом одной-единственной свечи. По стенам камеры стояли клетки, из которых на него смотрели заключенные, напоминавшие обликом зверей. Между клетками сидел человек, поперек себя шире, и, раскачиваясь на трехногом табурете, чистил ногти огромным кинжалом.

- Нашего полку прибыло, - сказал он голосом, похожим на скрежет тупой мясорубки, мелющей мясо вместе с костями. - Тебе повезло, что есть свободное место.

Лафайет, не дослушав, бросился вверх по ступенькам, но не успел пробежать и трех шагов, как железная решетка с грохотом рухнула, чуть было не раздробив ему пальцы на ноге.

- Эх, опять промахнулся! - сказал надзиратель. - Вечно мне не везет. Дюймом дальше, и пришлось бы отскребать тебя от пола.

- Что все это значит? - дрожащим голосом спросил Лафайет.

- Попался - терпи. Второй раз тебе не удастся улизнуть.

- Я требую адвоката. Не знаю, в чем меня обвиняют, но в чем бы меня ни обвиняли, обвинять меня не в чем!

- Да ну? - осведомился надзиратель, поднимая бровь в притворном изумлении. - Ты никогда ни с кем не дрался?

- Ах, вот оно что. Но я…

- Никогда ничего не крал?

- Без злого умысла. Плоскодонка…

- Никогда никого не соблазнял? Не пробирался по ошибке в чужую постель?

- Но я могу объяснить! - вскричал Лафайет.

- Можешь не стараться. - Надзиратель зевнул, перебирая связку ключей. - Твое дело слушалось в суде, и ты признан виновным по всем статьям уголовного кодекса. Советую как следует выспаться, ведь завтра твоя премьера.

- Завтра? Какая премьера?

- Да ты не волнуйся. - Надзиратель схватил Лафайета за воротник окончательно пришедшего в негодность пиджака и втолкнул в клетку. - Маленькое отрубание головы на заре. Ты - в главной роли.

* * *

Лафайет забился в угол клетки, стараясь не об-

ращать внимания на боль и ломоту во всем теле. По полу взад-вперед бегали мыши; от зловония нечем было дышать; мощный храп раздавался со всех сторон. Изредка Лафайет почесывался, вылавливая неуемных насекомых и отгоняя мысль о неприятном событии, ожидавшем его в такую рань.

- Свайнхильда подумает, что я ее бросил, - пробормотал он, обращаясь к своим коленям. - Никогда больше не будет доверять она женским уборным. Бедная девочка: одна, в средневековом городе, без денег, без друзей…

- Эй, Лэйф, - прошептал знакомый голос. - Иди сюда. Нам надо добраться до ворот минут за пять-шесть, пока не начнется обход.

- Свайнхильда! - Лафайет поперхнулся и, оглянувшись, увидел всклокоченные белокурые волосы, свисавшие из треугольного отверстия в стене, у которой стояла клетка. - Где - как… что…

- Чш-шш! Ты разбудишь надзирателя! Лафайет бросил взгляд на тюремщика, восседающего на табурете, подобно мечтающему

Будде. Сложив пальцы на необъятном животе и прислонившись к стене, он спал.

- Я буду пятиться, а ты ползи вперед, - шепнула Свайнхильда. - Здесь не развернуться.

Лафайет вскочил на ноги и в мгновение ока залез в грубый каменный тоннель, по которому дул холодный ветер.

- Положи камень на место, - вполголоса сказала Свайнхильда.

- Как? Ногами?

- А, черт! Ладно, может, никто не заметит. Неожиданно они стукнулись лбами, и губы Лафайета случайно скользнули по ее щеке. Девушка захихикала.

- Ну, ты даешь, Лэйф! Нашел, когда приставать! Любой другой только и думал бы, как унести ноги!

- Как тебе удалось меня найти? - спросил Лафайет, продолжая осторожно ползти вперед.

- Хозяин таверны сказал, что тебя сцапали. Я шла следом до самых ворот, а там познакомилась с мальчиками. Один из них показал мне подземный ход. Какой-то заключенный удрал им дня три назад.

- И они тебе все рассказали, едва успев познакомиться?

- Сам посуди, что у них за жизнь, Лэйф? Вкалывают от зари до зари, денег не получают… жалко им, что ли, если какой-нибудь бедняга вырвется из когтей Родольфо?

- Вот уж действительно благородно с их стороны.

- Да, но как тяжело было моей спине! Ну и холодный этот каменный пол, на котором ребятам приходится выстаивать часами!

- Свайнхильда, ты хочешь сказать... ладно, неважно, - поспешно добавил Лафайет. - Я предпочитаю ничего не знать.

- Осторожно, милый, - предупредила девушка. - Здесь тоннель поднимается и выходит наружу за кустом. А рядом - часовой.

Цепляясь локтями, пальцами и ногтями, Лафайет полз вверх. У самого выхода он замер и стал ждать, когда Свайнхильда разведает обстановку.

- Давай! - услышал он сдавленный шепот, и мгновением позже они скрылись в тумане, а еще через несколько минут, пробежав по аллее, перемахнули через невысокую ограду и очутились в парке. Осторожно пробираясь между деревьями, они вышли на небольшую поляну, окруженную кустарником.

- Знаешь, Свайнхильда, а я о тебе думал, - признался Лафайет, в изнеможении опускаясь на землю. - Представляешь, мне собирались отрубить голову, и только благодаря тебе я остался жив. До сих пор не верится. Это просто чудо.

- А ты спас меня от пиратов, - ответила Свайнхильда. - Если б не ты, эти образины и сейчас бы со мной развлекались.

- Да, но ведь из-за меня ты ушла из дома, и...

- А ты из-за меня поругался с Боровом. Не такой уж он плохой, вот только мозгов маловато, и вечно меня в чем-то подозревает. Могу поклясться, окажись он здесь, закатил бы жуткий скандал, застукав нас в кустах!

- Э-э-э... ты права, - согласился Лафайет, незаметно отодвигаясь от мягкого теплого тела. - Но сейчас надо решить, что делать дальше. Я не могу показаться людям на глаза: либо меня с кем-то путают, либо эти матросы - олимпийские чемпионы по плаванию!

- Нам так и не удалось перекусить, - напомнила Свайнхильда. - Тебя накормили в тюрьме?

- У них, наверное, повар был выходной, - печально ответил Лафайет. - С каким наслаждением поел бы я колбасок, которые остались в нашей корзинке.

- Ты подглядывал, - с упреком сказала Свайнхильда, разворачивая пакет и доставая салями, яблоко, кухонный нож и бутылку сомнительного вина, которые в последний раз О'Лири видел на борту баркаса.

- Умница моя, - восторженно прошептал бывший заключенный и принялся за дело, толсто накромсав пахнущую чесноком колбасу, разделив яблоко пополам и вытащив пробку из бутылки. - Нет ничего лучше ужина на свежем воздухе, - пробормотал он, прожевывая жесткое мясо.

- О такой жизни я могла только мечтать, - согласилась Свайнхильда, придвигаясь к нему и расстегивая две верхние пуговицы рубашки. - Большой город, полная свобода, встречи с интересными людьми, осмотр достопримечательностей...

- Осмотр местных тюрем не доставил мне удовольствия, - возразил Лафайет. - Не можем же мы вечно жить под кустом. Придется возвращаться на баркас.

- Как? Ты хочешь уехать? Мы ведь даже не успели сходить в Музей восковых фигур!

- Досадное упущение, но, учитывая привычки местной полиции сначала рубить голову, а потом требовать паспорт, я переживу это несчастье.

- Обидно, Лэйф. И еще говорят, у них есть статуя Штурмбана, убивающего дракона, который так похож на настоящего, что из него течет кровь.

- Очень соблазнительно, - согласился О'Лири,

- но жизнь - соблазнительней.

- Вот увидишь, если мы вернемся, Борову это не понравится,

- предупредила Свайнхильда.

- А зачем тебе возвращаться? Оставайся здесь, в большом городе. Ведь топор плачет по моей шее. К тому же я собираюсь переправиться на другой берег озера. Ты случайно не знаешь, что там находится?

- Ничего особенного. Волшебные пустыни, Заговоренные холмы, дикари, Бескрайний Лес, драконы. И Стеклянное Дерево.

- А городов нет?

- Говорят, в замке под горой живет король гномов. Зачем- ты спрашиваешь?

- Похоже, мне надеяться не на что, - пробормотал Лафайет.

- Централь обычно посылает агентов только в крупные населенные пункты.

- Значит, ты влип, Лэйф. На Меланже единственный город - Миазмы.

- Не смеши меня, - проворчал О'Лири. - Не может быть на всей планете один город.

- Это почему?

- А потому... сам не знаю. - Он вздохнул. - Ты, конечно, права. Значит, придется мне все-таки

увидеться с герцогом. Неплохо бы обзавестись кой-каким костюмом, фальшивой бородой, повязкой на глаз...

- Эх, ведь могла я украсть для тебя солдатскую форму, - сказала Свайнхильда. - Не подумала. И лежала- то она рядом со мной на стуле...

- Главное - проникнуть в замок. Если удастся увидеть герцога и доказать, что мне необходимо на Артезию, - дело в шляпе.

- Не торопись, Лэйф. Я слышала, Родольфо не жалует посетителей, в особенности после того, как один из них надел герцогу на голову его любимое кресло для отдыха.

- Что толку рассуждать, - буркнул О'Лири, - если я все равно не могу показаться на улице. Нужна маскировка. - Он отрезал еще один кусочек салями и принялся задумчиво жевать.

- Да не убивайся ты так, Лэйф, - попыталась утешить его Свайнхильда. - Кто знает, может, ты найдешь костюм прямо на дереве. В жизни все бывает.

- Ты права, девочка, и сама того не знаешь. Достаточно сфокусировать пси-энергию, и можно изменить любое событие, которое еще не произошло, и получить любую вещь, которую ты еще не видел. Когда-то я это умел.

- Ой, как здорово, Лэйф, - мечтательно сказала Свайнхильда. - Ты бы мог навыдумывать всяких украшений, вроде шелковых чулок или подушечек с вышивкой…

- Согласен на обыкновенный фальшивый нос с усами и вставной челюстью, - перебил ее Лафайет. - И, может, рыжий парик и монашеское одеяние с небольшой подушкой. И чтоб все это лежало вот за тем кустом, - он указал пальцем, - случайно забытое неизвестным, который…

Вздрогнув, О'Лири умолк и вцепился в Свайнхильду. Глаза его широко раскрылись от изумления.

- Ты ничего не чувствуешь?

- Чувствую. Сделай так еще раз.

- Разве ты не слышала… какой-то удар… мурашки по коже…

- Нет. Ты не дал мне досказать. А еще я хотела бы красивые кружевные штанишки с маленьким цветочком на…

- Свайнхильда!… Чш-шш!

Лафайет наклонил голову, прислушиваясь. Из-за ближайших кустов донесся подавленный смешок, шуршание одежды…

- Жди меня здесь.

Лафайет осторожно пополз вперед, раздвигая

листву карликового лимонного дерева. Звуки доносились откуда- то сбоку. Внезапно под его рукой треснула сухая ветка.

- Черт возьми, Пуделья, ты слышала? - зашептал нервный голос.

В зашевелившихся кустах появилась рыбья физиономия с бородой мышиного цвета. Голубые навыкате глаза тупо уставились на обомлевшего Лафайета. Раздался придушенный крик, и лицо исчезло.

- Твой муж! - зашептал дрожащий голос. - Разбегайся в разные стороны!

Вслед за женским визгом послышался топот убегающих ног. Лафайет облегченно вздохнул, выпрямился и неожиданно увидел на кусте что-то странное. Он подошел ближе. На ветке висела простая серая ряса из грубой шерсти, а рядом лежала черная шелковая подушка, расшитая золотыми и розовыми цветами.

- Великий боже! - прошептал Лафайет, чувствуя, как сердце на мгновение перестало биться. - Неужели же…

Он нагнулся и стал лихорадочно шарить по траве, почти сразу наткнувшись на неподвижного зверька, пушистого и мягкого. Дрожащими руками О'Лири поднес свою находку к глазам.

- ...Рыжий парик!

- Лэйф, что случилось? - раздался у него над ухом голос Свайнхильды. - Откуда у тебя?...

- Отсюда. Здесь... лежало.

- Ряса священника. И... моя подушечка! Свайнхильда завизжала от радости и, схватив подушку, прижала ее к груди.

- Лэйф, ты опять подсматривал! Сознавайся! Решил надо мной подшутить и морочил голову всякими желаниями!

- Не хватает еще одного предмета, - пробормотал Лафайет, вновь наклоняясь и шаря по земле. - Нашел!

В лунном свете блеснули фальшивый нос с усиками и вставная челюсть.

- И мои штанишки, те самые! - в полном восхищении вскричала Свайнхильда, прижимая воздушное одеяние к груди другой рукой. - Ах ты, плут!

И не выпуская подушки и штанишек, она обхватила Лафайета за шею и горячо поцеловала в губы.

- О, господи, - сказал Лафайет, высвобождаясь из ее объятий. - Ко мне вернулись старые способности! Я не знаю почему, но... - Он закрыл глаза. - За миртовым деревом, - пробормотал он.

- Роллс-ройс. С дизельным двигателем. - Выжидающе застыв, О'Лири открыл один глаз, подошел к дереву и осторожно заглянул за ствол. - Странно. Попробуем еще раз. - Позади скамейки. Маузер. Калибр семьсот шестьдесят пять. В черной кожаной кобуре. Заряженный. С запасной обоймой. - Он бросился к скамейке, переворошил все листья, но безуспешно. - Ничего не понимаю. Опять заколодило!

- Хватит, Лэйф, пошутил и будет. Пора сматывать удочки. Повезло тебе: парень наверняка оделся как священник, чтобы встретиться со своей куколкой. Еще и лучше, чем солдатская форма.

- Могло ли это быть простым совпадением? - бормотал Лафайет, отбирая у Свайнхильда подушку и засовывая ее за пояс рясы. Надев парик, он начал прилаживать фальшивый нос. Девушка захихикала.

- Как я выгляжу?

- Как обычный монах: того и гляди надуешь кого- нибудь.

- Ладно, сойдет.

- Конечно, сойдет. Послушай, Лэйф, плюнь ты на герцога. Из тебя получится совсем неплохой монах. Мы подыщем себе домик, повесим занаве-

сочки на окна…

- Не говори глупостей, Свайнхильда, - укоризненно произнес Лафайет. - Родольфо - моя единственная надежда. Без его помощи мне никогда отсюда не выбраться.

Свайнхильда схватила его за руку.

- Лэйф, не ходи во дворец. Если поймают, ты и пикнуть не успеешь, как останешься без головы. Давай жить спокойно, как все. Заведем корову…

- Спокойно? Ты думаешь, мне доставляет удовольствие получать по голове, сидеть в тюрьме или прятаться в кустах?

- Я-, я буду прятаться вместе с тобой, Лэйф.

- Спасибо, Свайнхильда, ты девушка хорошая, и я очень благодарен тебе за помощь, но не могу. Меня жена ждет.

- Ну и что? Она - там, а я - здесь.

- Нет, Свайнхильда. - Он потрепал ее по руке. - Смело иди вперед и не упусти своего счастья. Я уверен, тебя ждет большой успех. А мне надо закончить одно дело, и рассчитывать я могу только на себя. Прощай.

- М-может, в-возьмешь с собой? - она протянула ему бутылку вина и остатки колбасы. - Вдруг тебя опять запрячут в кутузку?

- Не надо. Надеюсь, в скором времени я отобе-

даю в более фешенебельной обстановке…

По аллее, скрытой кустарником, зацокали копыта.

Осторожно пробравшись между деревьями, Лафайет выглянул из-за ствола и увидел приближающийся верховой отряд кирасиров в лимонного цвета кожаных куртках и шлемах с плюмажами, за которыми великолепная пара вороных влекла золоченую карету красного дерева.

В открытом окне кареты мелькнула изящная рука в перчатке, бледно-голубой рукав бархатного платья, склоненная голова, лицо в профиль…

- Дафна!!! - закричал Лафайет на весь парк. Кучер взмахнул кнутом, и лошади перешли на галоп. Не обращая внимания на боль, Лафайет продрался сквозь колючий кустарник и спустя мгновение бежал рядом с подножкой кареты. Пассажирка уставилась на него широко открытыми от изумления глазами.

- Дафна! - вскричал О'Лири, тяжело дыша и хватаясь за дверцу. - Дафна! Остановись! Подожди!

Ближайший к нему всадник эскорта проревел какую- то команду, и внезапно Лафайета. окружили со всех сторон. Он увернулся от сабельного удара, споткнулся о камень и растянулся на земле, стукнувшись подбородком. С трудом подняв

голову, он увидел исчезающую вдали карету и свирепое лицо с угрожающе закрученными усами.

- Бросьте негодяя в темницу! - взревел капитан эскорта. - Закуйте его в цепи! Положите его на голые доски! Но не убивайте. Пусть леди Андрагорра увидит, как он корчится в предсмертных судорогах!

- Дафна, - пробормотал Лафайет, чувствуя, что сердце его навек разбито. - Даже не оглянулась...

Пятая

Новая камера Лафайета была еще хуже старой. Он стоял в колодках на сыром цементном полу, площадью с ломберный столик. За решеткой работал человек с непомерно длинными руками, одетый с ног до головы во все черное. Весело насвистывая, он помешивал угли в небольшой раскаленной жаровне, над которой висели стальные зажимы, клещи, крюки и набор щипцов самых разнообразных размеров. Справа от жаровни стояла поставленная на попа кровать, а слева - гроб, утыканный длинными ржавыми гвоздями.

- Выслушай меня, - в девятый раз повторил Лафайет. - Это. недоразумение. Прошу тебя, разреши мне переговорить с герцогом или хотя бы написать ему письмо.

Человек в черном посмотрел на О'Лири и широко улыбнулся.

- Эх, друг! Побереги нервы! Тебе это все в новинку, а знаешь, сколько вас прошло через мои руки? Расслабься, успокойся и подумай о чем-нибудь приятном. Например, о цветах. Цветы

- это хорошо. Представь себе, как они склоняют маленькие головки, забрызганные росой, распускаясь под лучами солнца, и ты почти ничего не почувствуешь.

- Тебе виднее, - сказал Лафайет, искоса посмотрев на раскаленную жаровню. - Но я - простой турист, и ни в чем не виновен. Позволь мне хоть на минутку увидеться с герцогом, и обещаю, что замолвлю о тебе словечко…

- Ай-ай-ай. Побереги силы, друг. Сам виноват. Зачем ты пошел на дело, не сняв монашеской рясы? Разве не знаешь, что стража с ног сбилась, разыскивая этого соблазнителя, который под носом герцога обделывал свои грязные делишки? Ты совсем с ума сошел, набросившись на Ее светлость перед воротами замка. Заметь, я тебя ни в чем не виню. Она - лакомый кусочек.

- И это все, что мне- гм-м… инкриминируют?

- А тебе мало? Ее светлостью интересуется сам герцог. И вряд ли ему понравится, что к ней приставал какой-то бродяга.

- И мне не отрубят голову на заре?

- Голову? Что ты, друг. Тебе назначена обычная процедура: каленое железо. А голову должны были отрубить парню, который превратился в летучую мышь и улетел в трубу.

- Жаль, я так не умею, - пробормотал Лафайет и зажмурился.

- Я нахожусь на Артезии, - страстно прошептал он. - Прекрасная ночь, светят звезды, и мне надо пройти всего двадцать миль по пустыне…

- Заклинания? - с упреком в голосе спросил палач. - Доиграешься, друг, что тебя обвинят в колдовстве.

- Бесполезно, - простонал О'Лири. - Опять ничего не получается. Я застрял здесь… застрял навеки… если не удастся договориться с герцогом. Послушай, - сказал он с отчаянием в голосе, - может, ты сам сходишь к Родольфо? Если окажется, что я говорю правду, тебя наверняка повысят в должности.

- Но я не хочу другой должности, друг. В нашей профессии лучше меня не сыщешь. Я очень доволен работой.

- Тебе нравится быть палачом? Человек в черном поморщился.

- Нам, добистам, не к лицу называться таким некрасивым именем, - сказал он расстроенным тоном. - Мы - добывающие истину специалисты - не чета палачам, которые только позорят наше доброе имя. Попади ты в руки какому-нибудь мяснику, я бы тебе не позавидовал.

- Ты считаешь, надо закончить университет, чтобы научиться жечь раскаленным железом?

- Не упрощай, друг. Вот, например, мне строго-настрого приказано не превышать полномочий и считать тебя «абитуриентом»

- есть у нас такой термин - до тех пор, пока не вернется Ее светлость. А так как приедет она не раньше, чем через две-три недели, сам понимаешь, какая тонкая, деликатная работа меня ждет.

- Послушай, - с фальшивой веселостью заявил Лафайет. - Почему бы тебе просто не забыть обо мне, пока Ее светлость не вернется? Тогда ты сможешь разрисовать меня красками и сделать парочку рубцов из воска…

- Как тебе не стыдно! - сурово перебил его добист. - Будем считать, я ничего не слышал. Позволь я себе такой обман, меня немедленно выгнали бы из гильдии.

- Давай договоримся, - предложил Лафайет. - Если ты дашь честное слово никому не говорить, то и я не скажу.

- Эх, заманчиво, но… нет. - Добист поворошил угли, поворачивая докрасна раскаленный железный прут. - Ничего не могу сказать, это ты неплохо придумал, но я не имею права нарушать

традиций. Дело чести.

Он поднял прут, критически осмотрел его, лизнул палец и слегка дотронулся до железа. Послышалось громкое шипение.

- В самый раз. Если тебе не трудно, разденься до пояса. Можно начинать.

- О, я не тороплюсь, - быстро сказал Лафайет, отступая к задней стене камеры и лихорадочно ощупывая каменную кладку за спиной.

«Один-единственный расшатанный камень, - взмолился он. - А за ним - ма-аленький потайной ход…»

- Честно говоря, я уже отстал от графика. Что ты скажешь, если мы потихоньку начнем с эпидермы и постепенно перейдем к нервным центрам? А потом сделаем перерыв на ужин. Да, кстати, забыл спросить, тебе нужен паек? Всего полтора доллара за салат с цыпленком и пирожок с вареньем.

- Спасибо, не надо. Во-первых, я провожу лечебное голодание, а во-вторых, сижу на диете. Разве я не говорил, что нахожусь под наблюдением врача? И в особенности мне противопоказан шок. Так что…

- Если б от меня зависело, я бы накормил тебя бесплатно, по-американски, но…

- Что ты знаешь об Америке? - вскричал Лафайет.

- Кто не знает Луиджи Американо, рубаху-парня, главного поставщика яиц. Жаль, конечно, что герцог у нас скряга…

- Я все слышу, Стонруб, - прогремел вибрирующий баритон.

Высокий мускулистый мужчина с одутловатым лицом, зачесанными назад гладкими седыми волосами и в очках в тонкой золотой оправе стоял в дверях у дальней стены. На нем были желтые вельветовые джинсы, кожаные туфли с закругленными носами, кружевная рубашка и короткий, отороченный горностаем плащ. На пальцах сверкали кольца с драгоценными камнями. Лафайет уставился на неге, потеряв дар речи.

- Привет, Ваша светлость, - спокойно сказал палач. - Кушайте на здоровье. Сами знаете, я не шепчусь за вашей спиной, режу правду-матку прямо в глаза.

- Когда-нибудь ты зайдешь слишком далеко, - буркнул герцог. - Оставь нас. Мне надо поговорить с заключенным.

- Ваша светлость! Это нечестно! Мой стержень номер четыре только-только нагрелся до рабочей температуры!

- Как ты думаешь, я смогу здесь сидеть, если будет пахнуть горелым?

- Гм-мм... верно.

Стонруб швырнул прут на жаровню, с сожалением глядя на О'Лири.

- Прости, друг. Я не виноват.

Седовласый, прищурившись, смотрел на Лафайета в упор, и как только дверь за добистом закрылась, подошел к решетке.

- Итак, это все-таки вы, - резко сказал он и умолк, нахмурившись. - В чем дело? Что вы на меня уставились?

- Н-н-никодим? - прошептал О'Лири.

- Если это пароль, я его не знаю, - сурово ответил герцог.

- Вы... не Никодим? Не инспектор Централи? Вы не можете позвонить, чтобы меня быстренько отправили обратно на Артезию?

Родольфо возмущенно посмотрел на Лафайета.

- Прекратите издеваться надо мной, Ланцелот! Сначала вы врываетесь в мой кабинет и устраиваете скандал, затем удираете из моей самой надежной тюрьмы на глазах моей самой неподкупной стражи. После этого вы, не скрываясь, появляетесь на пристани, прямо-таки напрашиваясь на арест. Затем вы опять удираете и

появляетесь в третий раз, приставая к одной леди - не будем называть ее имени - у ворот моего дворца. Очень хорошо, может, я немного упрям, но мне кажется, я вас понял: вы хотите мне что-то сказать.

- Да? - слабым голосом произнес Лафайет. - О, да... значит, вы поняли?

- Я вас слушаю.

- Вы... меня? Герцог нахмурился.

- Значит, ты решил меня шантажировать? Ничего у тебя не выйдет. Валяй, исчезай снова, развлекайся! Но не жди, что я приползу на коленях, умоляя сообщить сведения о леди Андрагорре...

Последнюю фразу он закончил вопросительным тоном и посмотрел на Лафайета тоскливым взглядом.

- Леди Андрагорре? - пробормотал О'Лири. - Сведения?...

Герцог вздохнул.

- Хорошо. Допускаю, я вел себя некорректно и готов признать ошибку. Я был неправ, Ланцелот. Хотя вряд ли ты можешь упрекнуть меня, если вспомнишь историю с тухлым яйцом и бутылкой чернил! И тем не менее, я согласен помириться. Я даже извинюсь, хотя это против моих правил.

Теперь ты согласен поговорить со мной, как джентльмен с джентльменом?

- Э-э-э- давайте мириться, - ответил Лафайет, лихорадочно думая, как бы чего не ляпнуть. - Но камера для пыток - неподходящее место для дружеской беседы.

Герцог хмыкнул и, секунду подумав, громко позвал Стонруба.

- Проследи, чтобы этого дворянина освободили, помыли, накормили, одели, согласно его положению в обществе, и привели в мои апартаменты через полчаса, - приказал он и, бросив на Лафайета угрожающий взгляд, добавил: - И никаких исчезновений, Ланцелот.

- Ну вот, подфартило, - философски заметил Стонруб, глядя в спину герцога, закрывающего за собой дверь. - Жаль, не успел показать тебе несколько славных приемов, но все равно, приятно было познакомиться. До встречи, друг.

- Спасибо, - сказал Лафайет. - Послушай, Стонруб, что ты знаешь о леди Андрагорре?

- Не больше других. Она - самая богатая и самая красивая леди на всем Меланже, а страсть герцога к ней горит как огонь в Чикаго.

- Ты слышал о чикагском пожаре?

- Конечно. Пивнушка. Сгорела на прошлой

неделе. А что?

- Ладно, неважно. Ты говоришь?...

- Увы! Его светлости никогда не удается близко познакомиться с Ее светлостью.

- Почему?

Стонруб ухмыльнулся и игриво ткнул Лафайета локтем в бок.

- Потому что у нее есть другой. Это все знают.

- Другой?

О'Лири почувствовал, что его сердце подпрыгнуло до горла, ушло в пятки и вернулось на прежнее место.

Стонруб понизил голос до шепота:

- Герцог Родольфо ничего не знает, но он играет вторую скрипку после одного мошенника по имени Лоренцо Долговязый, или Ланцелот Счастливчик - точно не помню, как его зовут.

- Лоренцо Долговязый? - прохрипел О'Лири, морщась от боли и глядя, как добист снимает с него колодки.

- Если верить официальному сообщению, миледи отправилась навестить свою тетку-старушку и ее двенадцать кошек, - доверительно сообщил Стонруб. - Но между нами говоря, ходят слухи, что леди Андрагорра уехала в Закличарье и намерена провести медовый месяц в охотничьей избушке.

- М-медовый месяц?

- Да. Пойдем, друг. Отведу тебя к служанке, а дальше - ее забота.

* * *

Когда Лафайета, принявшего ванну, прекрасно накормленного и одетого по последней моде, ввели в кабинет, герцог Родольфо сидел в мягком кожаном кресле за небольшим столиком, уставленном бутылками, фужерами и рюмками.

- Садись, Ланцелот, - сказал он, явно заставляя себя разговаривать дружеским тоном. - Бокал вина? Сигару?

- Благодарю. - Со вздохом облегчения Лафайет опустился в кресло и зевнул, рискуя вывихнуть челюсть. - Прошу прощенья, - извинился он и на всякий случай добавил: - Привык ложиться рано. И кстати, мое имя - Лафайет.

- Хорошо пообедал?

- Немного мешали девушки, которые вшестером терли мне спину, накладывали пластырь на ссадины и массировали ушибы. Но я ценю твою доброту.

- Превосходно. А теперь поговорим без обиняков. Какие у тебя... э-э-э... отношения с леди Андрагоррой?

- Отношения с леди Андрагоррой… - повторил Лафайет. -

Гм-мм… как тебе сказать… я - ее муж. Лицо герцога окаменело.

- Муж?! - голос его рубанул воздух, подобно падающему ножу гильотины.

- Троюродный муж, - торопливо поправился Лафайет. - Мы почти незнакомы.

- Миледи никогда не была замужем, - чеканя каждое слово, сообщил Родольфо. Он потянулся за бутылкой виски, налил себе на два пальца и опрокинул рюмку одним глотком. - К тому же она разведена.

- Очаровательная девушка, - все так же торопливо продолжал Лафайет. - Веселая, жизнерадостная…

- Меня не интересуют интимные подробности, - перебил Родольфо и закусил нижнюю губу. - Капитан Пифпаф доложил, что ты пытался заговорить с ней на улице.

- Прекрасный человек, капитан Пифпаф, - радостно заявил Лафайет, довольный, что может переменить тему разговора. - И… э-э-э- очень настойчивый.

- Хотел бы я знать, чем ты оскорбил несравненную леди? Она тебя просто презирает.

- Все началось с хлопушки в постели, - охотно ответил Лафайет, но, увидев черную тучу, затмившую герцогское чело, мгновенно перестроился. - Хлопушка - это кошка, - объяснил он.

- Андрагорра вбила себе в голову, что будет с ней спать. А у меня от кошек аллергия, так что сам понимаешь, какие у нас были отношения.

- Ты хочешь сказать... что никогда... ни разу...

- Вот именно. - Лафайет отер потный лоб рукавом кружевной рубашки и налил себе большую рюмку виски.

- Считай, что тебе крупно повезло, Ланцелот, - сурово сказал Родольфо. - В противном случае я вынужден был бы немедленно отрубить тебе голову.

- Меня зовут Лафайет. И давай не будем начинать все сначала, - ответил О'Лири, переводя дух после крепкого виски. - Ты хотел поговорить со мной, как джентльмен с джентльменом. Я тебя слушаю.

Герцог забарабанил пальцами по столу.

- Дело в том, что я испытываю чувство привязанности к данной леди, - признался он. - Естественно, я предложил ей провести вместе отпуск. Не пожелав оправдать оказанного мною доверия, она отказалась, сославшись на то, что

еще раньше договорилась навестить престарелую родственницу.

- Ну и что?

- Возможно, я излишне мнителен, но мне показалось, она разговаривала без должной страсти. - Герцог наполнил свою рюмку.

- А может, ты не в ее вкусе, - ответил Лафайет, следуя примеру герцога.

- Не в ее вкусе? Что ты имеешь в виду?

- Во-первых, ты ей в отцы годишься, - напомнил Лафайет.

- Не имеет значения.

- Для тебя. А во-вторых, только не обижайся, ты какой-то невеселый. Даф… леди Андрагорра любит порезвиться.

- Невеселый? Как я могу веселиться, обремененный государственными делами, измученный бессонницей, изжогой и отсутствием денег?

Герцог схватил бутылку за горлышко и наполнил рюмки до краев.

- Вот и я говорю. Твоя светлость. Сплошная работа и никаких развлечений делают Родольфо скучным.

- Сплошная работа и никаких… клянусь своими поджилками, сэр, неплохо сказано!

Они чокнулись. Герцог задумчиво облизнул

губы.

- Теперь я все понял. Каким идиотом я был! Почему ж не подошел к ней честно, открыто, предложив, например, весело прогуляться по музею или бесшабашно поиграть в карты?

- То-то и оно, Родольфо.

На сей раз рюмки наполнил Лафайет.

- Ты мог бы даже предложить ей прогулку в парке, отдых на пляже и пикник на лужайке. Когда муравьи ползают в картофельном салате, для любви нет преград. Твое здоровье!

- Конечно, мой мальчик! Как это мне раньше в голову не пришло? - Наполняя рюмки, Родольфо расплескал виски на скатерть. - Я был дураком! Бесчувственным идиотом!

- Не упрекай себя, Руди, - сказал Лафайет, поднимая рюмку.

- В конце концов, тебе надо было управлять государством.

- Верно. Но теперь я прозрел, и все благодаря тебе, мой мальчик. Я буду кормить ее своими любимыми яствами, мы будем слушать мою любимую музыку, я подарю ей изысканные вина, завалю моими любимыми книгами, духами, закидаю нарядами, которые пойдут ей больше всего...

- Руди! Остановись! Не хочешь ли ты немного подумать о вкусах самой леди?

- Как может она возражать, когда ей подадут нарубленную куриную печенку в белом вине, а мой оркестр сыграет «Траурный марш» Сеула?

- И оденешь ты ее по последней моде? Трудно сказать, Руди. Женщины - странные животные. Никогда не знаешь, что они думают. Напомни мне как-нибудь об одной принцессе, с которой я был обручен...

- И я начну сейчас, немедленно! - воскликнул Родольфо и ударил кулаком по столу. - Я... черт возьми, ничего не получится. Она уехала из города и вернется только через две недели.

- Недурна была девочка, - сообщил Лафайет. - Но стоило мне на минутку отвернуться...

- В конце концов, герцог я или не герцог? И какой смысл быть герцогом, если герцог не может отдать приказ? - Родольфо победоносно посмотрел на Лафайета. - Я прикажу, чтобы ее вернули. Кавалерийский отряд догонит ее за два часа, а я тем временем охлажу мое любимое вино.

- Ах, Руди, - запротестовал Лафайет. - Поклонение, а не сила, разве ты забыл?

- Это слишком хлопотно.

- Неужели ты хочешь иметь забитую рабыню,

угрюмо подчиняющуюся всем твоим прихотям, вместо ласковой и воркующей голубки, восхищенной твоими галантностью и умом?

- Гм-мм... При такой постановке вопроса рабыня кажется мне куда практичнее.

- Ерунда, Руди. Ты ведь не откажешься, если этот лакомый кусочек, этот созревший плод достанется тебе в целости и сохранности? Поэтому не посылай потных солдат, которые притащат ее за волосы, визжащую и царапающуюся, а отряди чрезвычайного посла, который передаст ей твои пожелания с учтивостью, достойной великого герцога. - Лафайет икнул и, опрокинув бутылку над рюмкой, постукал по донышку.

- Черт возьми, сынок, ты как всегда прав. - Родольфо нахмурился. - Но кому из кретинов и пьяниц, меня окружающих, могу я доверить столь важное дело?

- Тебе нужен человек, доказавший свою преданность, ум и храбрость. Благородный рыцарь, находчивый, галантный, образованный, а не мужлан, который продаст лошадь и автограф твоего письма первому встречному.

- Какого письма?

- Того, в котором ты напишешь, что поклоняешься ей издалека, - сказал Лафайет. Он потряс

пустую бутылку и бросил ее через плечо.

- Великолепно! - воскликнул Родольфо и вновь ударил кулаком по столу с такой силой, что бокалы подпрыгнули. - Но… что я ей напишу? - Он задумчиво принялся грызть ногти. - Честно говоря, мой мальчик…

- Зови меня просто Лафайет, Руди.

- Мне казалось, тебя зовут Ланцелот, - рассеянно заметил герцог. - Только вот сочинитель из меня никудышный, а ты говоришь, я должен…

- Что за бред, Руди. С чего ты взял?

- Как! Ты ведь сам предложил мне написать письмо.

- Я имею в виду, что меня зовут Ланцелот?

- Ланцелот… При чем здесь Ланцелот? - Родольфо удивленно посмотрел по сторонам и внезапно расплылся в счастливой улыбке. - Конечно! - воскликнул он. - Конечно, Ланцелот! Ты предан, благороден, изобретателен, и у тебя есть голова на плечах. Ты пьешь? - вызывающим тоном спросил он, выплевывая в бокал кусочек ногтя.

- Как я могу пить, когда бутылка пустая?

- Великолепно. Нельзя доверять человеку, который не умеет пить. Кстати, бутылка пустая. - Родольфо поднялся, неуверенно прошел в угол кабинета, открыл сейф, достал непочатую бу-

тылку виски и по синусоиде вернулся обратно в кресло. - Значит, решено. Отправляйся к этой особе, Ланцелот, излей ей свою душу, признайся в любви, а главное, объясни, что ухаживать за мужем и повелителем - высший долг женщины, и хоть ты можешь предложить ей лишь жалкое существование рабыни, она должна утешиться тем, что жизнь не вечна.

- Очень убедительно, - согласился Лафайет, осторожно вытаскивая пробку из бутылки. - Но мне почему-то казалось, это ты хочешь с ней познакомиться. - Он нахмурился, недоуменно глядя на Родольфо. - Или я что-то напутал?

- Клянусь небом, Ланцелот, ты прав! Это ведь я ее хочу. - Герцог бросил на Лафайета подозрительный взгляд. - Слишком смело с твоей стороны становиться между нами. Она без ума от меня, но стесняется признаться, и я намерен послать за ней чрезвычайного посла, который притащит ее за волосы, ласковую и воркующую.

- Гениальная мысль, - согласился Лафайет, наливая виски между рюмками. - А кого ты хочешь послать?

- Гм-мм… может, Стонруба?

- Ни в коем случае. Какой он дипломат?

- Ланцелот! Я придумал! Почему бы мне не

послать тебя?

- Меня? Ни за что, Руди. Ты нарочно так говоришь, чтобы помешать мне добиться того, чего я хочу.

- А чего ты хочешь?

- Чтобы ты послал меня за леди Андрагоррой.

- Об этом не может быть и речи! Твоя наглость не знает границ!

Родольфо схватился за бутылку и расплескал виски по рюмкам.

- Я готов пойти на уступки, - сказал Лафайет, хитро поглядывая на герцога.

- Что ты имеешь в виду?

- Я передам леди твое устное послание, а ты за это назначишь меня чрезвычайным послом. Можно наоборот. Согласен?

- По-моему, справедливо. Значит, так: когда догонишь Андрагорру, расскажи ей о моем увлечении, о моих выдающихся способностях и безупречном поведении, объясни, что она не прогадает, и не забудь напомнить, как необычайно ей повезло.

- Что-нибудь еще?

- Категорически нет. Я запрещаю. - Родольфо сурово посмотрел на. Лафайета. - Дальнейшие ухаживания я беру на себя.

- Уговорил, Руди. Я готов выполнить твою просьбу.

- Я знал, что могу на тебя положиться, - прочувствованно всхлипнул герцог и, поднявшись с кресла, протянул Лафайету массивный перетень. - Мой дворец в твоем распоряжении. Я никогда этого не забуду, мой мальчик. Ты подарил мне надежду.

- Перестань, Руди. А теперь иди спать. Завтра у меня тяжелый день.

- Какой завтра день?

- Вторник.

- Ах да, конечно. И если мы заговорили о завтрашнем дне, я приготовил для тебя небольшой сюрприз. Смотри, не проговорись, но где-то я слышал, что завтра ко мне в гости приедет одна леди.

- Руди! Какое счастье! Поздравляю!

- Только не болтай лишнего, говорят, это к несчастью. А теперь мне пора идти. Желаю приятно провести вечер.

- Стой, Руди, куда ты? Мы еще не закончили. - Лафайет поднял вверх наполовину пустую бутылку и заморгал глазами. - Даже не начали, - пробормотал он.

- Я никогда не пью, - решительно заявил герцог.

- Алкоголь губит мозговые извилины. Спокойной ночи, Ланцелот.

Он неуверенно подошел к двери и переступил порог, держась за стенку.

Лафайет остался стоять, качаясь, посредине кабинета, который, казалось, вращался вокруг него все быстрее и быстрее. С трудом добравшись до ванной комнаты, он сунул голову под струю холодной воды и яростно растер волосы полотенцем, а затем, достав из платяного шкафа теплый плащ для верховой езды, сунул в карман коробку сигар, заткнул перчатки за пояс и вышел в коридор.

Он разбудил главного конюха, потребовал лучшую лошадь в конюшнях и пятью минутами позже, чуть покачиваясь в седле, предъявил герцогский перстень у ворот. Стражники заворчали, но открыли. Промчавшись по темным улицам до гавани, с помощью того же перстня он реквизировал небольшую баржу, не обращая внимания на возражения сонного хозяина. Часом позже, продрогнув от холодного ветра, О'Лири высадился на западном берегу озера. Узкая проселочная дорога уходила в густой лес.

- Отряд леди Андрагорры тоже вы перевозили? - спросил он у дрожащего лодочника.

- Да, если этот сброд можно назвать отрядом. Ну и ночка. Помяните мое слово, снег выпадет еще до зари. - Хозяин баржи подул на посиневшие пальцы.

- Для полного счастья только этого мне не хватало, - пробормотал Лафайет, обращаясь к поднятому воротнику плаща. На мгновение задумавшись, он вздохнул, пришпорил лошадь и поскакал, не оглядываясь, вперед, в лесную мглу.

Шестая

В течение двух часов Лафайет скакал, не останавливаясь, по извилистой лесной дороге, все время поднимавшейся вверх. Ему приходилось объезжать огромные валуны, переправляться через речки, каменистые берега которых поросли мхом, но он не боялся заблудиться, так как на земле отчетливо были видны следы, оставленные колесами кареты и копытами лошадей. Холодный ветер продувал плащ насквозь.

- Куда я спешу? - бормотал О'Лири, раскачиваясь в седле. - И главное, зачем? С самого начала я повел себя глупее некуда, и прежде всего не настоял, чтобы Фитильзад соединил меня со своим начальством. Правда, не понимал, где нахожусь, и кстати, до сих пор не понимаю. Меланж. Что такое Меланж? Кто о нем слышал? Миазмы... ну и дыра.

И, конечно, он не имел права впутывать Свайнхильду в свои дела. Бедной девочке и так несладко жилось, а он свалился ей, как снег на голову, и всего за двенадцать часов умудрился разрушить семью. А потом, как последний болван, угодил за

решетку и, не успев удрать, набросился на Дафну - то есть леди Андрагорру, - напугав ее до полусмерти. Глупее не придумаешь. Ему следовало догадаться, что она его не знает: на сцене этого сумасшедшего мира все знакомые лица играли другие роли. А затем

- дурацкая попойка с герцогом…

- С какой стати я потерял полночи, пытаясь перепить Родольфо, в то время как леди Андрагорра уезжала все дальше и дальше? - простонал он. - И если на то пошло, какое мне дело до леди Андрагорры? Она меня презирает, если верить Руди, и чего доброго, прикажет высечь кнутами в благодарность за все мои мучения. А что делать? Не могу же я допустить, чтобы ее облапошил Лоренцо Долговязый. Или Ланцелот Счастливчик?

О'Лири приподнялся на стременах. Его руки, пальцы на ногах и мочки ушей онемели от холода. Когда же, наконец, он ее догонит? Следы выглядели не свежее, чем на берегу озера.

Лафайет пришпорил коня, переходя на галоп, пригнулся к холке, уклоняясь от больно стегающих сосновых ветвей, и за

первым же поворотом увидел большой темный предмет. Карета красного дерева неподвижно стояла, преграждая путь. Сорванная с петель

дверца скрипела, раскачиваясь, от порывов ледяного ветра.

- Ого! - сказал О'Лири, резко подбирая поводья и чувствуя неожиданную сухость во рту. - Похоже, здесь поработали разбойники.

Он спрыгнул с лошади, поморщившись от головной боли, подошел к карете и заглянул внутрь. На обитом розовым бархатом сиденье лежал маленький кружевной платок. Лафайет поднял его и принюхался.

- Лунная Роза, - пробормотал он. - Любимые духи Дафны.

Никаких следов поблизости не было. И лошади, и отряд сопровождения как сквозь землю провалились; на дороге валялась лишь одинокая шпора.

- Странно, что нет трупов, - задумчиво произнес Лафайет. - Наверное, солдаты струсили и сдались без борьбы.

Он совсем было собрался сесть в седло, чтобы продолжить поиски верхом, когда кусты зашевелились.

- Ни шагу вперед, или я заколю тебя, как цыпленка, предатель! - прогремел за его спиной угрожающий голос.

Хватаясь за эфес шпаги, Лафайет резко по-

вернулся и увидел разъяренное усатое лицо и обнаженный клинок в нескольких дюймах от своего горла. Он и глазом не успел моргнуть, как его окружили вышедшие из-за кустов солдаты в желтых мундирах.

- Вернулся полюбоваться на свою работу? - Капитан ткнул шпагой в грудь Лафайета. - Решил прикарманить оставшиеся ценности? Сознавайся, жалкое отродье, где леди Андрагорра?

- Но я х-хотел задать в-вам тот же вопрос!

- Говори, или мои ребята разорвут тебя на мелкие кусочки голыми руками!

- Кто ее охранял: вы или я? - ответил Лафайет, постепенно справляясь с изумлением. - Почему вы удрали и оставили ее одну? Струсили?

- Ах вот как ты заговорил! А сам наверняка собираешься запросить выкуп за ее возвращение! - Острие шпаги проткнуло плащ, и Лафайет вскрикнул от бели. - Я тебе покажу выкуп, змея подколодная! Говори! Что ты сделал с прекраснейшей из женщин, которую когда- либо сопровождал наш эскадрон!

- Я - лицо официальное, - тяжело дыша, ответил О'Лири. - Посмотри на перстень.

- Не снимается, - доложил капрал. - Прикажете отрезать?

- Ты хочешь нас подкупить? - рявкнул капитан. - Такой безделушкой?

- Конечно, нет. Перстень принадлежит герцогу Родольфо. Но палец - мой. Будьте любезны, оставьте его в покое.

- Ну и нервы у этого мошенника, - восхищенно сказал сержант. - Свистнул любимый перстень нашего герцога, да еще хвастается.

- Я ничего не крал, а перстень получил из собственных рук Родольфо.

- Зарежем его, да и дело с концом, - предложил все тот же сержант. - Всем известно, что наш герцог и выеденного яйца никому не даст.

- Неужели мне не удастся вбить в ваши тупые головы, что я направлен сюда с важным поручением. Я…

- Каким поручением?

- Догнать леди Андрагорру и привезти ее…

- Вот ты и проговорился!

- Да, но я согласился только для виду, - ответил Лафайет, страстно мечтая, чтобы прошла головная боль, мешающая врать убедительно. - На самом деле я собирался отвезти ее в другое место…

- И задержался на месте преступления, негодяй! - воскликнул капитан. - Прекрасно. Эй, ребята,

готовьте веревку. Повесить его, чтоб другим неповадно было!

- Подождите! - вскричал Лафайет. - Я сдаюсь. Похоже, вас не обманешь. Я... я все скажу.

- Вот это - другое дело. - Капитан ткнул его шпагой. - Говори!

- Э-э-э... - протянул Лафайет. - Право, не знаю с чего начать.

- Начни с того момента, когда Уборнэй отошел в кусты по нужде, - предложил сержант.

- Хорошо. Когда Уборнэй отошел в кусты по нужде, я-, гм-мм...

- Ты стукнул его по голове, - заявил сержант.

- Да. А затем... э-э-э...

- Затем, когда мы послали двух ребят выяснить, почему его так долго нет, ты и их пристукнул. Верно?

- Верно...

- А когда мы бросились на поиски, ты незаметно прокрался к карете и выкрал Ее светлость у Меньшика из- под носа.

- Кто из нас рассказывает, ты или я? - высокомерно осведомился О'Лири.

- Говори, где миледи?

- Понятия не имею. Я был слишком занят тем, что бил Уборнэя по голове и вертелся под носом

у Меньшика.

- А откуда тебе, собственно, известны имена наших ребят? Заранее разнюхал, что к чему?

- Это не имеет отношения к делу, Кваква, - раздраженно сказал капитан. - Мы теряем время. Эй, ты, сознавайся, где миледи, или я сей момент сверну тебе шею!

- Она находится- в охотничьей избушке Лорендо Долговязого!

- Лоренцо Долговязого? А где это?

- В нескольких милях… никуда не сворачивая.

- Лжец! - рявкнул капитан. - Дорога ведет к дому тетушки Цианиды, родственницы Ее Светлости.

- Ты в этом уверен? - тоже рявкнул Лафайет, не желая оставаться в долгу.

- Конечно, уверен. Миледи сама сказала.

- Подзаряди аккумулятор, которым пользуешься вместо мозгов, - посоветовал Лафайет. - Во дворце каждая кошка знает, что Лоренцо Долговязый живет в этих краях. Или как его там- Лотарио, Лохинвар…

- Я не понимаю твоих гнусных намеков, жалкий червь, - решительно заявил капитан. - Не хочешь ли ты сказать, что Ее светлость меня обманула и назначила тайное свидание Лоренцо в глубине Закличарья?

- Оно не могло быть тайным, пока вокруг болтался эскадрон солдат, - справедливо заметил Лафайет.

- Ты имеешь в виду- она специально от нас избавилась?

- Сам подумай, - ответил О'Лири. - Если б я ее похитил, зачем мне было сюда возвращаться?

- Хватит! Я не желаю больше выслушивать грязных подозрений, рыцарь! - воскликнул капитан. - Солдаты, стройсь! Я повешу негодяя собственными руками!

- Эй, кэп, подождите минутку, - сказал сержант, дергая командира за рукав. - Прошу прощенья, но он складно все объяснил. Ведь на поиски Лицебела и Фреда нас отправила миледи, верно?

- Я тоже никогда не слышал, чтобы в этих местах жила ее тетя, - поддакнул капрал.

- Невозможно, - сказал капитан тоном, в котором отсутствовала былая уверенность. - Миледи никогда не стала бы так бессовестно обманывать своего самого преданного слугу.

- Кто знает, кэп. Бабы - они все одинаковы.

- Да как ты смеешь! - Капитан решительным жестом одернул мундир. - Не желаю слушать! Повесить мерзавца, и дело с концом!

- Не торопитесь, ребята! - взвыл Лафайет. - Я го-

ворю правду! Леди Андрагорра всего в нескольких милях отсюда, и чем стоять и спорить попусту, оседлаем коней и догоним ее!

- Он наводит нас на ложный след! - презрительно фыркнул капитан. - Несомненно, Ее светлость лежит в кустах, связанная, а разбойник вернулся к карете с целью ее ограбить!

- Ваш капитан окончательно рехнулся! - крикнул Лафайет. - Он просто струсил, и ищет любой предлог, лишь бы ничего не делать для спасения миледи.

- Достаточно! Приступить к исполнению приговора!

- Подождите! - вскричал Лафайет, чувствуя, как петля затягивается на шее. - Неужели мы не можем заключить джентльменское соглашение?

Внезапно наступила тишина. Сержант посмотрел на капитана, который свирепо нахмурился и в свою очередь уставился на О'Лири.

- Ты требуешь, чтобы с тобой обошлись, как с джентльменом? На каком основании?

- Я - сэр Лафайет О'Лири... почетный член Королевского Географического Общества!

- В этом что-то есть, кэп, - буркнул сержант. - Не имеем мы права вздернуть парня с такими полномочиями.

- Сержант абсолютно прав, - торопливо подтвердил Лафайет.

- Я уверен, что линчевав меня, вы бы долго каялись.

- Все это - напрасная потеря времени, - недовольно произнес капитан. - Но... ладно. Снимите с него веревку.

- Вот и прекрасно. Я рад, что мы стали друзьями. - Лафайет облегченно вздохиул. - А теперь...

- За-аряжай!

- Ч-что вы собираетесь делать? - спросил О'Ли-ри, глядя на солдат, которые отстегнули от пояса огромные пистолеты в фут длиной и принялись сворачивать пыжи.

- Встань рядом с деревом, сэр рыцарь, - приказал капитан.

- И поторопись. Мы не можем возиться с тобой всю ночь.

- В-вы имеете в виду это дерево? - спросил Лафайет, спотыкаясь об извилистые корни. - Но почему? Что?...

- Готовсь! Цельсь!

- Стойте! - крикнул Лафайет ломающимся голосом. - Вы не имеете права!

- Ты ведь сам потребовал джентльменской смерти? Цельсь!

- Но... вы собираетесь стрелять в меня с такого близкого расстояния? Я думал, ребята, вы - снайперы.

- В июне прошлого года мы заняли первое место на полицейском турнире, - гордо сообщил сержант.

- В таком случае почему бы мне не встать подальше? - предложил Лафайет. - Вам представится случай показать свое искусство.

Осторожно пятясь, он отступил на десять футов и уперся спиной в другое дерево.

- Готовсь! - скомандовал капитан. - Цельсь!

- Все еще слишком близко! - крикнул Лафайет и погрозил пальцем. - Вы должны показать все, на что способны.

Он торопливо отступил еще на четыре ярда.

- Достаточно! - взревел капитан. - А теперь стой на месте, сэр, и веди себя прилично! - Он поднял шпагу. - Готовсь! Цельсь!

И в тот момент, когда с губ капитана должно было сорваться неизбежное «пли», кусты зашуршали и ночную тишину нарушил леденящий душу вой. На мгновение солдаты застыли, как вкопанные.

- Ночная кошка! - взревел сержант. Не дожидаясь дальнейшего развития событий, Лафайет

отпрыгнул в сторону, покатился по земле, нырнул за ствол дерева, поднялся на ноги и помчался по лесу, не обращая внимания на крики, гром выстрелов и свинцовые пули, со свистом рассекающие воздух над его головой.

* * *

Полная луна ярко светила на бревенчатую хижину, расположенную в центре небольшой поляны, окруженной высокими деревьями. Лафайет лежал под кустом, страдал от похмелья, усталости и множества синяков и царапин. Прошло полчаса с тех пор, как затихли крики солдат, разыскивающих его по всему лесу, и двадцать минут, как он поднялся на невысокий холм и увидел освещенные окна избушки. «Все возвращается на круги своя», - подумал Лафайет, глядя на посветлевшее небо и ледяные кристаллики инея, покрывшие стебли растений и листья.

- Больше ей негде быть, - пробормотал он, засовывая посиневшие от холода руки под плащ и глядя на освещенное окно.

- В этой глуши спрятаться можно только в избушке.

Конечно, тот, кто ее похитил, наверняка зарядил пистолеты на случай появления незваных

гостей, но…

- С другой стороны, оставшись в лесу, я превращусь в сосульку, - громко сказал Лафайет, поднялся на ноги, и, похлопав себя руками по груди, - чем вызвал приступ кашля, - начал осторожно спускаться на поляну. Он обошел избушку несколько раз, держась на довольно большом расстоянии и напряженно вслушиваясь, но тишину не нарушал ни один звук. Занавески на окне не давали возможности заглянуть внутрь, и Лафайет, прокравшись с черного хода мимо поленницы дров и бочки с дождевой водой, прильнул ухом к двери.

Он услышал слабое похрустывание и какие-те неприятные чавкающие звуки. Монотонный низкий голое бубнил, не умолкая, но слов было не разобрать.

Лафайет почувствовал, как по спине побежали мурашки. Ему необычайно отчетливо вспомнилась детская сказка о Гансе и Гретель, попавших в домик ведьмы…

Ерунда. Враки. Никаких ведьм не существует, а в избушке наверняка скрывается мошенник Лоренцо, связавший несчастную леди Андрагорру по рукам и ногам. Бедная перепуганная девочка, надеющаяся вопреки здравому смыслу, что кто-

нибудь придет и освободит ее. В конце концов, почему бы не вышибить дверь одним ударом и, используя внезапность нападения, схватить Лоренцо за шиворот…

Неприятный хрустящий звук на мгновение усилился, потом затих. В наступившей тишине послышалось какое- то хлюпанье и звяканье металла о металл. Затем заскрипело и захрустело одновременно, да так отчетливо, будто в мясорубке мололи кости.

Он ее пытает, чудовище! Лафайет отступил на несколько шагов, разбежался и изо всех сил ударил плечом. Незапертая дверь распахнулась настежь, и он кубарем покатился по полу, очутившись у противоположной стены чисто прибранной комнаты. В камине горел огонь, отбрасывая квасные отсветы на старушку, отдыхающую в кресле-качалке с кошкой на коленях и голубой фарфоровой миской в руках.

- О, Лоренцо, ты вернулся? - удивленно спросила она и протянула ему миску. - Хочешь немного воздушной кукурузы?

* * *

Сидя у камина с миской хрустящих подсоленных зерен на одном колене и чашкой крепкого

дымящегося какао на другом, Лафайет пытался привести свои мысли в порядок. Старушка что-то шила толстой иглой, которую извлекла из сундучка под окном, и монотонно бубнила себе под нос. О'Лири попытался разобраться в словах, но у него получилась какая-то бессмыслица, вроде кукушка порхает с цветка на цветок, желая чихнуть в лепесток…

Он проснулся, больно стукнувшись подбородком о грудь, и поднял голову.

- Бедный мальчик, ты совсем спишь. Побереги себя, Лоренцо… О, кстати, я забыла сказать: ко мне заходили твои друзья. - Старушка как-то криво улыбнулась одной стороной рта.

- Друзья? - Лафайет зевнул.

Сколько усе времени он не спал? Неделю? Пять-три дня… возможно ли, что прошлой ночью ему постелили чистые шелковые простыни на двуспальную кровать и… -…просили ничего не говорить, потому что хотят сделать тебе сюрприз, но я все-таки решила сказать.

Глаза Лафайета закрывались сами собой. Слова старушки, резкие, многозначительные, с трудом проникали в сознание. Где он раньше мог слышать этот до странности знакомый голос? О'Лири заставил себя сосредоточиться.

- Сказать… о чем?

- О том, что твои друзья еще вернутся.

- Э-э-э… кто?

- Такие красивые джентльмены в желтых мундирах на прекрасных конях.

Внезапно Лафайету расхотелось спать.

- Когда они здесь были?

- Ты с ними разминулся минут на тридцать, Лоренцо.

Старческие глаза с поволокой рассеянно смотрели из-под очков. Старческие? Рассеянно? Если присмотреться, взгляд был острым, проницательным. От удивления Лафайет вздрогнул, не понимая, где раньше мог он видеть эти удивительные глаза.

- Мадам, вы были очень добры ко мне, но боюсь, мне пора идти. И думаю, я должен сказать вам правду: я не Лоренцо.

- Не Лоренцо? А кто же ты? - Стекла очков блеснули в свете камина.

- Я пришел к вам, разыскивая человека по имени Лоренцо, а может, его зовут Лотарио или Ланцелот. Когда вы так любезно меня встретили… я был голоден, продрог до мозга костей, а вы предложили мне пищу, место у камина, и я воспользовался вашей добротой. Спасибо вам

большое. Я уже ухожу.

- Что ты говоришь? И слышать ничего не хочу. В такую ночь недолго и простудиться!

- Наверное, вы не поняли, - сказал Лафайет, направляясь к двери. - Я вас не знаю. Я пришел, чтобы…

- Но ведь ты - тот самый очаровательный молодой человек, который снял у меня комнату. Лафайет покачал головой.

- Вы ошибаетесь. Я был уверен, что найду здесь леди Андрагорру…

- О, ты друг моей племянницы? Как я рада! Почему ты мне сразу не сказал! Тем более я не могу выпустить тебя на улицу в такой холодный ветер, и не думай. И кстати, где же моя дорогая Анди? Может, я совсем поглупела на старости лет, но мне почему-то казалось, вы должны были прийти вместе.

- Вы - тетя Даф… леди Андрагорры?

- Конечно, разве ты не знаешь? И ты не ответил на мой вопрос: где она?

Лафайет с интересом посмотрел по сторонам. Комната была чистой и опрятной, но казалась какой-то убогой.

- Насколько я знаю, леди Андрагорра очень богата, - сказал он. -Неужели она ничем не может

вам помочь?

- О, какой глупый мальчик. Я обожаю жить на природе, среди цветов и птичек. Это так романтично.

- А кто колет дрова?

- Ах! Конечно, рабочий. Приходит по вторникам. Но ты сказал, леди Андрагорра…

- Я ничего не говорил. И где она - понятия не имею. Спасибо вам за все, но…

- Ты никуда не уйдешь, - отчеканила старушка и тут же ласково улыбнулась. - Я и думать об этом не хочу.

Лафайет поплотнее запахнулся в плащ и подошел к двери.

- Боюсь, что не смогу больше пользоваться вашим гостеприимством.

Он услышал легкий шум и, обернувшись, едва успел уклониться от удара ребром ладони по горлу, который попыталась нанести ему подкравшаяся сзади старушка. Правда, ему пришлось подставить согнутую в локте руку, мгновенно повисшую, как плеть; так что сильнейший хук справа, а затем удар костяшками согнутых пальцев в область сердца О'Лири отразить не удалось. Он упал на качалку и чуть не свалился в камин.

- Обманщик! - вскричала старушка. - Неужели

моих обещаний оказалось мало и ты продался длинноносому ублюдку Родольфо? Да еще посмел явиться в мой дом, притворившись, что видишь меня

первый раз в жизни! Такой наглости даже я не могла себе представить! - Лафайет соскочил с качалки, едва успев увернуться от кулака, нацеленного точно в солнечное сплетение.

- Где она, сукин ты сын? И зачем только я подобрала тебя в канаве...

Внезапно старушка умолкла и замерла на месте, сложив ладонь трубочкой и приставив ее к уху. Вдалеке отчетливо слышался дробный стук копыт.

- Бежим! - Она кинулась к двери, схватила с крюка плащ, завернулась в него с головы до ног и неожиданно сказала звучным тенором: - Ты мне за это ответишь, Лоренцо! Погоди, мой мальчик! Я тебе так отомщу, что ты проклянешь день и час, когда впервые увидел Стеклянное Дерево! - И, распахнув дверь, она выбежала из комнаты.

Ошеломленный Лафайет машинально вышел следом. Старушка стояла футах в десяти от двери и громко жужжала, торопливо застегивая пуговицы плаща. Не успел О'Лири сделать и двух шагов, как она взлетела и понеслась по направлению

к дороге, быстро набирая высоту. Плащ ее развевался по ветру.

- Эй, - слабым голосом сказал Лафайет и внезапно услышал стук копыт совсем рядом. Быстро вернувшись в избушку, он вышел черным ходом и побежал в лес, стараясь держаться позади дома, который скрывал его от преследователей.

* * *

Наступило мрачное серое утро. Лафайет, дрожа от холода, сидел под огромным деревом, в стволе которого, при желании, можно было проложить шоссейную дорогу. Голова у него раскалывалась; в желудке, потрескивая, горел костер; глаза, запеченные в тесте, так и норовили выскочить из орбит. Во рту он ощущал привкус маринованного лука, причем тухлого. В ветвях над его головой скорбно чирикала какая-то птица.

- Это конец, - пробормотал О'Лири. - Ничего не попишешь. Скоро я умру от голода, холода и заворота кишок. Меня тошнит с похмелья. Я не знаю, куда подавались моя лошадь и леди Андрагорра. К тому же у меня начались галлюцинации. Летающие старушки, ха! Наверное, избушка тоже мне приснилась. Я был в стельку пьян. А может, меня расстреляли, и я умер? - Он принялся тщатель-

но себя ощупывать, но ранений не обнаружил. - Вечно я болтаю всякие глупости. У мертвецов не болит голова.

О'Лири встал, потуже затянул пояс, на котором висела шпага, и, добравшись до небольшого ручейка, журчащего рядом, сделал несколько глотков воды, сполоснул лицо и тщательно вытерся полой плаща.

- О'кэй, - громко сказал он своему отражению. - Чем стоять да болтать, лучше заняться делом.

- Прекрасно, - ответило отражение. - Каким?

- Я могу вернуться, - предложил Лафайет. - До Миазм всего двадцать миль.

- Но Родольфо не раскроет тебе объятий, - последовал ответ, - если ты явишься к нему с пустыми руками. Возможно, тебе удастся все объяснить... Стонрубу. И кстати, в каком направлении ты собираешься идти?

- Опять ты сам с собой разговариваешь! - прикрикнул Лафайет на свое отражение и поднял голову, глядя сквозь густую листву на мрачное серое небо без малейшего просвета.

- Ни о каком возвращении не может быть речи, - мрачно сказал он. - Не могу я бросить леди Андрагорру в беде.

- Тогда отправляйся на поиски. Только куда ты

пойдешь? - О'Лири закрыл глаза, повернулся три раза вокруг оси, остановился и вытянул руку. - Вот сюда.

- В принципе, - заявил он, делая первый шаг, - разговаривать самому с собой даже полезно. Во-первых, с умным человеком и поговорить приятно, а во-вторых - один ум хорошо, а два - лучше.

- Ты забыл добавить, что тебе некого будет винить за дурацкий совет.

- Зато я помню, что так ведут себя шизофреники.

- Подумаешь! На тебя обрушилось столько несчастий, что шизофрения не в счет.

Лафайет отправился в путь, прихрамывая то на правую, то на левую ногу: обе лодыжки были слегка растянуты после прыжков, падений и бега прошлой ночью. Постепенно лес начал редеть, а кустарник, наоборот, стал гуще. Вскоре О'Лири очутился на каменистом склоне горы, где росли одинокие кедры. Накрапывал мелкий дождик, и колючие капли били по онемевшему лицу, попадали в глаза и стекали за воротник. Через пятьдесят футов склон горы закончился бездонной пропастью. Лафайет осторожно подошел к ее краю, посмотрел вниз, но не увидел ничего,

кроме густого тумана.

- Замечательно! - воскликнул он. - Лучше не придумаешь! Впрочем, мне так не везет; что этого следовало ожидать. Неудивительно, что старушка улетела на помеле без помела и жужжала как муха.

- Делать нечего, придется тебе идти по краю, пока не увидишь дороги, тропинки или лестницы, ведущей вниз.

- Ты забыл об эскалаторе и фуникулере.

- Верно, сплоховал малость. Итак, - энике, бенике, сика, леса, энике, бенике… это сюда!

Лафайет пошел направо. Спустя час, в течение которого он спотыкался, падал и один раз чуть не свалился в пропасть, никаких изменений не произошло.

- Совсем ты расклеился, О'Лири, - тяжело дыша, пробормотал он. - Всего несколько лет назад ты скакал бы здесь как молодой козлик.

- Но ведь я привык к легкой жизни, так что нечего себя винить.

- В таком случае, пусть это послужит тебе хорошим уроком.

Ветер усилился, дождь стал хлестать сильней. Спотыкаясь на каждом шагу, Лафайет продолжал упорно идти вперед. Его руки и ноги окончатель-

но онемели от холода.

Он молча прошел еще с полмили и остановился передохнуть и провести очередное совещание.

- Осталось совсем немного, - с фальшивой уверенностью заявил он, растирая посиневшие уши. - Вот увидишь, я обязательно…

БИИ-бип, БИИ-бип, БИИ-бип. Негромкий звук раздавался совсем рядом.

Лафайет осторожно огляделся по сторонам, но ничего не увидел.

- Слушай, ты! Я согласился с тобой разговаривать, но по-человечески, а не азбукой морзе! - Он яростно принялся тереть уши.

БИИ-бип, БИИ-бип, БИИ-бип. Звук стал резче, отчетливее.

О'Лири посмотрел на руки. Перстень герцога Родольфо подмигивал ему со среднего пальца. Рубиновый свет то вспыхивал, то гас…

- Эй! - слабым голосом произнес Лафайет и приложил перстень к уху. Бибиканье усилилось.

- Оно что-то не делало этого раньше, - подозрительно сказал он, глядя на рубиновые вспышки.

- А вот сейчас делает, - последовал презрительный ответ. - И наверняка неспроста.

- Может… может, это какой-нибудь маяк или пеленгатор, как в самолете?

- Все может быть. Надо проверить. Лафайет осторожно прошел вверх по склону, прислушался…

Би-БИИП, би-БИИП, би-БИИП.

- Ага! Значит, я сбился с курса. - О'Лири вернулся на прежнее место и осторожно пошел вперед по самому краю пропасти. Перстень начал издавать ровный гудящий звук.

- Так я и знал! Все в порядке! Интересно, куда я приду?

- Тебе не все равно? Куда угодно, лишь бы убраться отсюда!

Низко пригнув голову, прищурившись, Лафайет продвигался к неизвестной цели, прижав перстень к уху, и, перебравшись через несколько поваленных стволов, неожиданно оказался в пустоте. Судорожным движением он попытался ухватиться за небо, но в следующую секунду почувствовал ветер, свистящий в ушах с ураганной силой. Склон ущелья понесся вверх, как скоростной лифт. О'Лири успел заметить огромную белую цифру 21, затем 20, 19… и в это время гигантская теннисная ракетка размахнулась и ударила по нему, посылая на другую половину поля, а тысячи болельщиков взревели в одно горло.

Седьмая

Кто-то спутал его спину со старым пыльным ковром, который необходимо было тщательно выбить тяжелыми дубинками. В груди работала бригада рабочих, заливающих дорожные выбоины кипящим асфальтом. Головой почему-то играли в баскетбол, а глазами - в настольный теннис.

- Кажется, очухался, - раздался над его ухом чей-то голос.

- Стонет, совсем как здоровый.

- Тебе виднее, Кроль. Помрет - доложишь. Послышался звук удаляющихся шагов, скрип двери. Лафайет осторожно открыл один глаз и увидел идеально белый потолок с лампами дневного света. Стараясь не обращать внимания на гарпун, которым его шею пригвоздили к подушке, он поднял голову. Невысокого роста толстячок с добродушным лицом и огромным носом тревожно следил за каждым его движением.

- Ну ты даешь, парень, - сказал он. - Как дела?

- Болтошка! - воскликнул Лафайет слабым голосом и бессильно откинулся на подушки.

- Вот те на, иностранец! - проквакал голос. - Прости, Везунчик, меня не говорить хангарски по, понимать ты?

- Конечно, никакой ты не Болтошка, - дрожащим шепотом произнес О'Лири. - Все мои друзья в этом кошмарном сне как две капли воды похожи на тех, кого здесь нет.

- Э, да ты умеешь говорить по-человечески! Ну и заставил ты меня поволноваться, приятель. Я еще ни одного клиента не потерял, а сейчас чуть было не открыл счет. Ну и торопыга ты, Везунчик, даже лифта не дождался!

Толстячок вытер потное лицо огромным краевым платком с вышитой зелеными буквами монограммой.

Лафайет посмотрел по сторонам. Стены из слоновой кости, мраморный пол… кондиционеры…

- Что случилось? - спросил он, безуспешно пытаясь принять сидячее положение.

- Да ты не волнуйся, Везунчик, - ответил толстячок. - Док говорит, ничего страшного, будешь, как новенький.

- Я… у меня что-то с памятью, - сказал О'Лири. - Я свалился в шахту лифта? В этой глуши? Толстячок бросил на него удивленный взгляд.

- А как еще нам спускаться и подниматься?

Слушай, уж не собрался ли ты подать в суд на Компанию? Я поспешил тебе навстречу, как только услышал сигнал: кто виноват, что ты такой торопыга?

- Нет, нет, я никого не виню. Кстати, кто ты такой?

Толстячок с готовностью протянул руку.

- Меня зовут Пешкороль, Везунчик. Из отдела «Услуги Заказчикам». Рад познакомиться. Но ты пришел за день до срока. Сам понимаешь, заказ еще не готов.

- Ах да-, заказ. - Лафайет задумался. - Честно говоря, у меня в голове все перепуталось. Должно быть, после падения. О каком заказе ты говоришь?

- У тебя, наверное, легкое сотрясение мозгов, Везунчик. Очень даже отшибает память. - Пешкороль сочувственно покачал головой. - Твой хозяин, принц Круппхим, заказал нам двухместный ковер-самолет, плащ- невидимку и дюжину иллюзий, согласно прейскуранту номер семьдесят восемь.

- А-а, двухместный плащ и дюжину невидимок, - пробормотал О'Лири. - Превосходно. Говоришь, завтра будет готово?

- Послушай, парень, ты не напрягайся, а то у

тебя мозги немного набекрень. Полежи спокойно, и все пройдет.

- Нет, нет, я прекрасно себя чувствую. Лафайет с трудом сел в кровати, и комната поплыла у него перед глазами. Переведя дух, он понял, что его вымыли, побрили, перевязали и одели в просторную пижаму, желтую в красный горошек.

- А откуда вы знаете… э-э-э… что я прибыл по поручению принца?

Пешкороль посмотрел на него и недоуменно заморгал глазами.

- У тебя на пальце направленный перстень- передатчик, специально для него изготовленный.

- Ах да, конечно, как я мог забыть? - О'Лири осторожно встал с кровати. Колени у него подогнулись, но он удержался на ногах. - Мне необходимо делать сейчас побольше тумана, чтобы прояснились движения в голове, - пояснил он. - Я имею в виду, чтобы голова затуманилась прояснениями… нет, не то. Толова гумана. Я хочу сказать, голова…

Рука Пешкороля подхватила его за локоть.

- Успокойся, Везунчик. Хочешь пожевать чего-нибудь вкусненького? Тебе не помешает.

- Пожевать, - хрипло повторил Лафайет. - Пойдем скорее.

- Если сможешь идти.

Толстячок помог ему надеть толстый халат и, поддерживая, повел по коридору в комнату с низким потолком, обшитую деревянными панелями, в конце которой находилась стойка бара, лежащая на столбиках, обитых медью.

За столиками, покрытыми тяжелыми парчовыми скатертями, на которых стояли большие кофейники, сидели гномы, очень похожие на Пешкороля. С некоторыми из них он приветливо поздоровался, усаживая О'Лири за столик у занавешенного окна, за которым, колотя по стеклам, шумел дождь. От ароматов свежесмолотого кофе и пшеничного хлеба рот Лафайета наполнился слюной. Пухлая официантка, ростом Лафайету по грудь, засуетилась, расставляя чашки, подмигнула и занесла карандаш над блокнотом.

- Вам что, ребята? Горячие булочки? Бифштекс с яйцом? Землянику со сливками? Тосты с вареньем?

- Давайте, давайте, - с готовностью согласился О'Лири. - Все давайте. И большой стакан молока.

- Звучит неплохо, Шашка, - сказал Пешкороль. - Тащи в двух экземплярах.

- Будет сделано.

Пешкороль потер руки и улыбнулся.

- Ну что, Везунчик, полегче стало? Сейчас перекусишь, и усталость как рукой снимет. Нравится тебе у нас?

- Лучше, чем там. - Лафайет ткнул пальцем в окно, за которым продолжал хлестать дождь. - Теперь осталось только выяснить, где это «у нас».

- Не пойму я тебя, Везунчик. Ты попал, куда хотел: Комплекс Аякс, Спецмастерские, отделение на Меланже. Мы сидим с тобой в ресторане «Цейтнот» и ждем, когда подадут завтрак.

- Спецмастерские? Завод? Слава богу. Представляешь, мне приснилось, что я попал внутрь горы!

- Совершенно верно. Само собой, когда начинали строить, никаких гор и в помине не было: геологические процессы начались позднее, и нас накрыло. Но мы привыкли. К тому же здесь очень красиво.

- Геологические процессы? - Лафайет нахмурился. - Ты имеешь в виду землятресения?

- Конечно, нет. Горообразование. Не удивлюсь, если в скором времени наше предприятие окажется на дне морском.

- Ну-ка, ребята, уберите локти, - произнесла Шашка, подошедшая к столику с подносом, уставленным тарелками.

Лафайета не пришлось долго уговаривать.

- Послушай, Везунчик, давно ты работаешь у принца? - спросил Пешкороль, прожевывая бифштекс.

- Э-э-э. - не очень, - ответил Лафайет, накидываясь на еду.

- Честно говоря, только устроился.

- Послушай,, строго между нами, он платежеспособен?

- Платежеспособен? - О'Лири набил рот до такой степени, что разобрать дальнейших слов было невозможно.

Агент отдела «Услуги Заказчикам» многозначительно погрозил пальцем.

- Пойми правильно, мы ничуть не беспокоимся, - сказал он голосом, в котором слышалось беспокойство. - Но принц должен нам кучу денег за Стеклянное Дерево.

Лафайет замер, не донеся вилки до рта.

- Стеклянное Дерево? - задумчиво произнес он. - Где я раньше мог о нем слышать?

- Ну, ты даешь, Везунчик. Здорово все-таки тебя шарахнуло.

- Послушай, Пешкороль, - сказал О'Лири. - Мне пришла в голову прекрасная мысль. Почему бы нам не сделать вид, что я вообще ничего не пом-

ню? Рассказывай все по порядку, и может быть, ко мне вернется память.

- Называй меня просто Кроль. Ладно, начну, пожалуй. Впервые, мы услышали о Его высочестве несколько лет назад. В то время он был простым смертным, и свалился нам как снег на голову, попросив взять его на работу. Голова у него варила, и шеф дал ему научно-исследовательскую лабораторию, но через несколько месяцев уволил. Мошенник затратил огромные средства и не произвел никакой продукции. Мы и оглянуться не успели, как он вернулся в качестве покупателя и пожелал сделать спецзаказ. Естественно, мы согласились: Круппхим оплачивал услуги нешлифованными драгоценными камнями, и это всех устраивало. Затем он объявил себя принцем, пришел к нам с готовыми чертежами и предложил выполнить еще один заказ. За ценой он не постоял, и мы заключили контракт. Поработали на совесть, не пожалели ни силикона, ни микровставок, а внутреннюю отделку произвели плюшем. Хочешь верь, хочешь - нет.

- Но… при чем здесь Стеклянное Дерево?

- Наши архитекторы так окрестили эту конструкцию, и словечко прижилось. Дворец действительно похож на дерево: башенки, балконы,

декоративные пристройки. Сверкает на солнце как стекло. Вот только за него не заплачено, - хмуро добавил Пешкороль.

- Послушай, у принца случайно нет в услужении старушки, которая летает на помеле… я хочу сказать, без помела? Пешкороль внимательно посмотрел на О'Лири.

- Послушай, Везунчик, может, тебе все-таки лучше полежать?

- Видишь ли, Кроль, прошлой ночью о Стеклянном Дереве говорила одна старушка, которая пыталась меня убить.

- Вот это да! Промахнулась?

- Ты не понял. Она…

- Ну и старушка! Неужели ножом?

- Нет. Она на меня накинулась…

- Бессовестная! На спящего человека!

- Нет! В конце концов, дай мне объяснить! Я…

- Послушай, Везунчик, ты сказал, что она - старушка. Верно?

- Да. Но…

- Везунчик, я хочу дать тебе добрый совет. Займись штангой, ладно? Не успеешь оглянуться, как обретешь форму, и любая старушка будет тебе нипочем. Ты с ней справишься одной левой. Кстати, наш отдел как раз торгует набором

«Атлас», номер двести восемьдесят три. К набору бесплатно прилагаются наушники, передающие вдохновляющие речи, и…

- Не нужны мне вдохновляющие речи! Я пытаюсь объяснить, что старушка замешана в похищении леди Андрагорры!

- Какой леди?

- Андрагорры. Моей жены. То есть, не совсем жены, а…

- Понятно, понятно. - Пешкороль подмигнул. - Не беспокойся, Везунчик, я никому не скажу!

- Ты опять ничего не понял! Она исчезла в тот самый момент, когда ее должны были похитить. Я хочу сказать, ее похитили как раз тогда, когда она должна была исчезнуть! Неважно, что я хочу сказать! Одним словом, ее похитили! А эта старая ведьма в избушке говорила о Стеклянном Дереве!

- Ну и что? В этих краях его каждая собака знает. - Пешкороль нахмурился. - Правда, если разобраться, в этих краях собак нет.

- Старуха - сообщница принца Круппхима. Я в этом убежден. Она близорука и приняла меня за другого, а потом проболталась, что ждет леди Андрагорру.

- Честно говоря, Везунчик, я тебя не понимаю.

Старушка служит у Круппхима, ты тоже, так чего вы не поделили?

- Она решила, что я ее обманул и сговорился с герцогом Родольфо.

- Ты и герцога знаешь? Его светлость недавно пытался заказать генератор личного нимба над головой. Не сошлись в цене.

- Я уверен, что Круппхим приказал старушке ее похитить. Только ничего не вышло, и девушку увели у них из-под носа.

Пешкороль покачал головой.

- Непонятно. Если леди А. живет в герцогстве Родольфо, принц ни за что не поедет за ней в такую даль.

- Он выманил ее из города. Девушка была уверена, что едет на свидание с мошенником Лоренцо, который втерся к ней в доверие. Она понятия не имела, что эта жалкая личность собирается запродать ее Круппхиму. - Лафайет потер кончик носа

- единственную часть лица, на которой не было царапин. - Куда она могла запропаститься, ума не приложу.

- Перестань, Везунчик. Не ломай голову. В лесу полным-полно разбойников и бандитов. Мало ли что могло произойти? Забудь ты о ней, и давай

поговорим о деле. Так вот, относительно просроченных платежей…

- Забыть самую красивую, самую прекрасную, самую преданную, самую изумительную женщину из всех, что когда-либо носили бикини? Кроль, ты опять ничего не понял! В эту самую минуту ей может грозить страшная опасность, пытки, наконец! Одинокая, несчастная, беззащитная, испуганная…

- Ты только что сказал, она торопилась на свидание к Лоренцо, - напомнил Пешкороль, намазывая варенье на толстый кусок поджаренного золотисто- коричневого хлеба. - Похоже, Круппхим остался с носом, так чего ты переживаешь?

- Но ее бессовестно обманули!

- Другое дело. Значит, этот мошенник сделал вид, что хочет показать ей домик, новую модель кушетки, а сам воспользовался…

- Нет. Я слышал, они собирались провести в избушке медовый месяц, - неохотно признался Лафайет. - Но тем не менее, она как сквозь землю провалилась. Леди Андрагорру похитили, и я хочу ей помочь!

- Послушай, а может ее похитил именно Лоренцо? Взял, да и украл.

- Гм-мм… может быть. Передумал в последнюю

минуту и решил надуть Круппхима. Знаешь, Кроль, наверное, так оно и есть. Он похитил ее из кареты, как было задумано, но отвел не в избушку, а... в другое место.

- Слушай, Везунчик, тебе надо было в сыщики идти. Гляди, как складно получилось. Победил сильнейший, а потом они жили вместе долго и счастливо. Может, и не сильнейший, может, он тоже боится старушек, но наш набор...

- Хватит, Кроль! - воскликнул Лафайет. - Все равно а должен -ее найти!

- Не могу не восхищаться твоей преданностью хозяину. Везунчик, но боюсь, придется ему подыскать другую...

- Плевать я хотел на хозяина! Если хочешь знать, он вообще мне не хозяин!

- Как! Ты уволился?

- Я никогда у него не работал. Мне очень жаль, но ты ошибся.

- Тогда откуда у тебя передатчик?

- Если ты имеешь в виду перстень, мне его дал герцог Родольфо.

- А? - Пешкороль схватил О'Лири за руку и уставился на рубин. - Это - передатчик Круппхима, двух мнений быть не может.

- Толстячок снизил голос до шепота. - Признай-

ся, Везунчик, строго между нами: ты ему перерезал горло, а потом обокрал?

- Ты с ума сошел! Я никогда в жизни не видел принца Круппхима!

Пешкороль покачал головой, не спуская с О'Ли-ри испытующего взгляда.

- Ты уж прости меня, Везунчик, но у тебя концы с концами не сходятся. Как у герцога мог оказаться передатчик принца? Его высочество берег эту побрякушку пуще глаза, уж я-то знаю.

- Лично мне известно только одно: я получил перстень из собственных рук Родольфо. - Лафайет сдернул его с пальца. - Вот. Можешь забрать. Мне чужого не надо. Единственное мое желание - найти леди Андрагорру.

Его гостеприимный хозяин, продолжая хмуриться, подкинул перстень на ладони.

- Везунчик, у тебя будут крупные неприятности, - сказал он, вставая из-за столика. - Пойдем, надо немедленно доложить обо всем Флемингу, нашему судье, присяжным заседателям и исполнителю приговора в одном лице, а также шефу комитета безопасности, состоящего из одного человека, и тоже Флеминга. И послушай моего совета, Везунчик, ври, да не завирайся. Ты мне такое наплел, что ни один дурак не поверит. Если

не придумаешь чего правдоподобнее, боюсь, придется тебе ответить по всей строгости Коммерческих законов Аякса.

- И что это означает? - иронически осведомился О'Лири. - Я лишусь кредита?

- Не совсем, - ответил Пешкороль. - Скорее головы.

* * *

Флемниг был круглолицым лысым гномом. Его очки, казалось, росли прямо из головы, сверкая стеклами по меньшей мере в полдюйма толщиной. Пока Пешкороль объяснял суть дела, шеф безопасности барабанил пухлыми пальцами по столу.

- Я проверил: перстень изготовлен в наших мастерских по заказу Круппхима, - закончил Пешкороль свой рассказ.

- Дело ясное: убийство и ограбление при отягчающих вину обстоятельствах, а именно: проникновение на нашу территорию без допуска, попытка назваться чужим именем, лжесвидетельство. - Голос Флеминга хрипел, как испорченная детская свистулька. - Приговоренный, будешь произносить последнее слово? - Он смотрел на О'Лири, напоминая разозленную золотую рыбку в аква-

риуме.

- Последнее слово? А можно сказать первое? Я шел по своим

делам, тихо-спокойно, никого не трогал, а потом свалился в пропасть. Почему Кроль решил, что меня послал Круппхим, я понятия не имею, и никаким чужим именем тоже не назывался. К тому же, с какой стати вы мне шьете убийство? Вот и говори после этого о непредвзятости судебного разбирательства!

- Принц Круппхим никогда бы не расстался с личным передатчиком, а следовательно, ты его убил и перстнем решил воспользоваться в корыстных целях. Это ясно, как дважды два. Властью, которой я облечен…

- Говорю вам, перстень мне дал Родольфо!

- Версия неправдоподобна. Принц Круппхим не расстался бы с передатчиком и ради герцога…

- Но он это сделал! По-моему, проще проверить мои показания, чем перебивать на каждом слове!

- Послушай, Ян, - сказал Пешкороль, задумчиво потирая подбородок. - Я вот тут думаю и никак в толк не возьму: Везунчик так нагло врет, что похоже на правду. Ведь если б он хотел нас надуть, зачем ему было признаваться, что он не

работает у Круппхима? А надуть он меня мог запросто: этот парень до тонкостей осведомлен о всех делах принца.

- Эй, - слабо запротестовал Лафайет.

- Старый трюк, - сказал шеф безопасности. - Мы называем его хитростью навыворот, которую невозможно отличить от непроходимой глупости.

- Сам дурак, - ответил Лафайет. - Неужели не ясно, что Круппхим дал перстень Родольфо, а Родольфо - мне. Я попал к вам совершенно случайно и хочу только как можно скорее уйти отсюда и...

- Невозможно. Тебя поймали с поличным. Незаконное владение чужой личной собственностью - самое страшное преступление во всем уголовном кодексе. Тебе грозит триста лет исправительно-трудовых работ, которые ты проведешь, прикованный к мельничным жерновам, расположенным на двенадцатом подземном этаже.

- Боюсь, мне придется вас разочаровать, - фыркнул Лафайет.

- Я не проживу трехсот лет.

- А-а! Прости, я не знал, что ты болен. В таком случае я приговорю тебя к пожизненному тюремному заключению, и не обижайся, если не сможешь отбыть срок заключения полностью.

- Как трогательно! Послушайте, хотя бы ради тренировки серого вещества, почему бы вам не потратить секунд тридцать на обдумывание того факта, что перстень оказался у Родольфо?

- Перстень Его высочества у Его светлости? - Ян Флеминг

сложил вместе кончики пальцев и сосредоточенно на них уставился. - Во-первых, это было бы вопиющим нарушением правил продажи. Во-вторых, непохоже на Круппхима, который ничего не делает без причины.

- Значит, у него была причина! Неужели вам не интересно, какая?

- Любопытно. - Пешкороль взял перстень в руки и поднес его к самому носу. - Может, он тут нахимичил…

- Глупости. Только специалист, стажировавшийся в наших мастерских- - Внезапно Флемниг умолк. - - Вспомнил. Круппхим стажировался в наших мастерских.

- И он - крупный специалист по микромоделированию, - вставил Пешкороль.

Шеф безопасности выхватил из кармана ювелирную лупу и принялся рассматривать рубин.

- Ну вот, так я и знал, следы инструментов, - раздраженно сказал он и, отложив лупу в сторону,

ткнул пальцем в кнопку на столе. - Первый отдел вызывает лабораторию, - рявкнул он.

- Микропчик слушает, - отозвался рассеянный голос. - Вы прервали меня в момент проведения сложнейшей операции!

- Установка модифицированной телекамеры под хоботок комара?

- Ничего подобного. Попытка достать оливку из коктейля с помощью соломинки. У меня почти получилось, когда раздался ваш дурацкий звонок!

- К черту оливку! У меня в руках вещественное доказательство, и мне необходимо ваше заключение, прежде чем я вынесу смертный приговор шпиону!

* * *

Лаборатория располагалась в подземной каменной пещере, заставленной сложнейшими приборами, конструкциями и аппаратурой, говорившими Лафайету не больше, чем юмористический журнал на китайском языке. Начальник лаборатории сидел на высоком стуле перед верстаком, покрытом клеенкой, на которой стоял непонятный агрегат из витой проволоки и стеклянных трубочек, заполненных кипящими

желтой, розовой и зеленой жидкостями, исходящими почему-то фиолетовым паром.

Шеф безопасности Флемниг протянул перстень начальнику лаборатории, который, не торопясь, включил яркий свет, потянулся за лупой и склонился над рубином.

- Ага. Пломба сорвана, - сказал он и бросил на О'Лири неодобрительный взгляд, одновременно ковыряясь в оправе тонким, как игла, инструментом и откидывая верхнюю площадку камня, под которой обнажилось сложное переплетение тончайших проводков. - Ясно. Долго тебе пришлось возиться? - буркнул он и, положив перстень на верстак, быстро накрыл его пустой кофейной чашкой.

- Вам понятно, в чем дело? - встревоженно спросил Кроль.

- Чего тут не понять? Передатчик переделан в следящее устройство. - Начальник лаборатории свирепо посмотрел на О'Лири. - Интересно, что ты надеялся узнать? Хотел выведать наши производственные секреты? Но мы ничего не скрываем от широких трудящихся масс...

- Нечего сверлить меня взглядом, - сказал Лафайет. - Я к вашему перстню никакого отношения не имею.

- Э-э-э... перстень был изготовлен по заказу принца Круппхима, - объяснил Кроль.

- Вот как? Никогда ему не доверял, вечно у него глаза бегали: туда-сюда, туда-сюда.

- Да, но Везунчик утверждает, что получил перстень от герцога Родольфо.

- Глупости. Я вспомнил, что сам выполнил этот заказ по чертежам Круппхима. Теперь понятно, почему он не позволил внести в схему изменения. Ему ничего не стоило заземлить А-провод, подсоединить В-проводник к А, С-проводник к Р, поменять местами контакты Д и Е и подключить триод Е к сопротивлению Х, а затем вмонтировать черный ящик. Проще простого.

- И тем не менее перетень мне всучил Родольфо, - упрямо заявил Лафайет, - после того, как я согласился выполнить одно его поручение. Он дал понять, что, показав перстень, я могу получить все что угодно.

- Врет и не краснеет, - решительно заявил Флемниг. - С помощью передатчика получить можно только сигнал.

- Послушай, - вмешался Кроль, - может, он хотел дать тебе герцогскую печатку? Когда мы торговались, я видел у него кольцо с рубином, на котором были вырезаны инициалы «РР». Свет-то

хоть горел?

- Этого я не помню, - честно признался Лафайет. - Но раз недоразумение улажено и вы убедились в моей невиновности, я, пожалуй, пойду. Выдайте мне одежду и…

- Еще чего! - воскликнул Флемниг. - Не беспокойся, мы сумеем наказать каждого, кто невнимательно читал мелкий шрифт, подписывая контракт.

- Но подписывал не я, а Крупхим.

- Гм-мм, - Парень верно говорит, - согласился Микропчик. - Крупхим несет полную ответственность за соблюдение условий договора. А этот человек - всего- навсего сообщник.

- Значит, меня все равно осудят?

- На значительно меньший срок, - неохотно ответил Флемниг.

- Всего сто лет у мельничного жернова.

- Ну и везучий же ты, Везунчик, - поздравил его Кроль.

- Спасибо, - поблагодарил Лафайет. - Послушайте, друзья, а нельзя получить условное наказание? Или взять меня на поруки?

- Давайте, действительно, поручим ему что-нибудь, и дело с концом, - предложил Кроль. - Тут у нас галстуки завалялись, никак не продаются.

Дадим ему...

- Все равно несправедливо! - возразил Лафайет. - Виноват один Круппхим, а я - невинный свидетель обвинения! К тому же принц замешан в деле о похищении леди Андрагорры.

- Это нас не касается.

- Может быть, но мне казалось, вы сурово наказываете каждого, кто использует ваши приборы в корыстных целях.

- Гм-мм... - Флемниг поковырял в носу. - Ты прав.

- Послушайте, - сказал Лафайет, - насколько я понял, Круппхим сделал из передатчика следящее устройство. Почему бы вам не последовать его примеру?

- А?

- Сделайте так, чтобы перстень передавал информацию не от вас к нему, а от него к вам.

Микропчик нахмурился, помахал рукой, требуя тишины, поднял кофейную чашку и принялся за работу, бормоча под нос:

- «провод к контакту А... проводник Е к сопротивлению Х... красный... голубой» зеленый... Ха! - Он закрыл рубин, поднес его к уху и широко улыбнулся. - Я его слышу. Несомненно, у принца есть второй перстень, который работает на при-

ем. - Микропчик протянул рубин Флемингу.

- Гм-мм… Это его голос.

- А что он говорит? - поинтересовался Лафайет.

- Он поет. Что-то насчет дороги в Миндалию.

- Дайте послушать.

Флеминг протянул перстень, и Лафайет поднес его к уху.

…был из глины сделан бо-ог, все на свете делать мо-ог…

Слова доносились неотчетливо, теряясь в журчании и плеске воды. Лафайет нахмурился. Голос показался ему на удивление знакомым. Внезапно пение прекратилось. О'Лири услышал легкий стук, невнятное ругательство, шаги, звук открывающейся двери…

- Ну? - высокомерно спросил голое.

- Ваше высочество, герцо… ваша гостья отклонила приглашение к завтраку и приносит свои глубочайшие извинения.

- Черт бы подрал эту девку, неужели она не понимает, что все делается для ее блага? Только и умеет, что топать ногами да требовать манны небесной. И прекрати мне лгать, Ляжка, извинений от нее не дождешься. Иногда мне хочется плюнуть на задуманное, как оно ни заманчиво, лишь бы не связываться с бабами.

- Надо ли мне... э-э-э... передать миледи приглашение к ленчу?

- Можешь не беспокоиться. Проследи, чтобы ей подали в комнату и постарайся ублажать, насколько возможно. Мне вовсе не хочется, чтобы у гостьи появились морщинки, пока она находится под моим покровительством.

- Слушаюсь, Ваше высочество.

Шаги, звук закрывающейся двери, веселое посвистывание, которое резко оборвалось... тяжелое дыхание.

- Черт, - пробормотал голос. - Неужели они...

Раздался тупой удар, и наступила мертвая тишина.

- Ото, - сказал Лафайет. - Ничего не слышно. Каждый из присутствующих по очереди поднес перстень к уху.

- Наверное, сообразил, что дело нечисто, и сунул кольцо в коробку, - предположил Микропчик. - Вот тебе и контрразведка.

- Как жаль! - с воодушевлением воскликнул О'Лири. - На самом интересном месте!

- Ладно, хватит болтать, - сказал Флемниг. - Пойдем, ты приговорен к ста годам исправительно- трудовых работ на мельнице.

- Что ж... прощай, Кроль. Я обязан заплатить

долг обществу. Обидно, конечно, что не удастся мне стать свидетелем волнующих событий под вашей горой, но ничего не попишешь.

- Что ты, Везунчик. На заводах Аякса жизнь тихая, смотреть особо не на что.

- Я имел в виду вторжение, - сообщил Лафайет. - Яркое будет зрелище, когда Круппхим прибудет сюда со своей армией, флотом и военно-воздушными силами.

- Что такое? - резко спросил Флемниг. - О чем ты говоришь?

- Ах, совсем забыл, что я один слышал. Впрочем, неважно. Может, он решил пошутить.

- Кто?

- Принц Круппхим. Он проводил совещание генералитета, объясняя им план захвата территории горы. И замолчал в тот момент, когда обсуждалось время нанесения удара одновременно с суши, моря и воздуха.

- Глупости! Круппхим не посмеет напасть на Аякс.

- Вот я и говорю, наверное, он пошутил. Конечно, принц не знал, что его подслушивали, но, может, он решил поразвлечь своих генералов?

- Неужели Круппхим настолько непорядочен, что использует против нас изготовленное нами

оружие? - тревожно спросил Флемниг.

- Чего еще ждать от человека, у которого глаза бегают? - фыркнул Микропчик.

- Отведите меня на мельницу, друзья, - попросил Лафайет. - Потом вы будете слишком заняты, составляя завещания, закапывая драгоценности...

- Минутку, минутку. Что он еще сказал? На какой день и час назначено вторжение? Какова численность войск? Откуда последует первый удар?

- Мне очень жаль, но когда начали обсуждать подробности, передатчик замолк.

- Черт побери! Почему мы не начали слушать раньше!

- Нам необходимо знать о планах принца, - решительно заявил Флемниг. - Микропчик, придумай что- нибудь.

- Не могу. На другом конце должен быть приемник.

- А если послать птицу-робота, которая разбросает микрофоны по всему дворцу?

- Бессмысленно. Радиус действия слишком мал. Необходимо приемное устройство либо на самом человеке, либо в непосредственной от него близости.

- Значит, придется послать человека.

- Ерунда. Наши ребята - гномы, и их разоблачат в одну секунду. Разве что…

Взгляды присутствующих устремились на О'Лири.

- Как! Вы хотите, чтобы я отправился в это волчье логово?

- сказал он, поднимая брови. - Ни за что. Меня ждет тихая, спокойная работа на мельнице- вы не забыли?

- Ну-ну, мой мальчик, - произнес Флемниг, улыбаясь, как отец невесты ее нареченному. - Мельница подождет. Отработаешь, когда вернешься.

- Забудь ты о приговоре, - раздраженно сказал Микропчик. - Тут дело серьезное. Неужели ты не хочешь помочь торжеству справедливости?

- Я тоже хотел справедливости, а в результате получил шиш!

- напомнил Лафайет. - Нет уж, слуга покорный. Жили вы без меня раньше, и сейчас не пропадете.

- Послушай, Везунчик, - вмешался Кроль. - Вот уж не думал, что ты бросишь друзей в беде.

- А где были мои друзья полчаса назад, когда я попал в беду? Что-то не припомню.

- Сэр! - торжественно произнес Микропчик. - Мы взываем к твоему благородству! Помоги нам, и ты заслужишь нашу вечную признательность!

О'Лири подавил зевок.

- Признательностью сыт не будешь.

- Может... более приемлемая форма оплаты? - вкрадчиво предложил Флемниг.

О'Лири поджал губы.

- Мы снабдим тебя всеми техническими новинками, разработанными в нашей лаборатории, - быстро сказал Микропчик. - Только что я закончил работу над плащом- невидимкой твоего размера...

- Мы высадим тебя на балконе главной башни Стеклянного Дерева, - вторил ему Флемниг. - Полетишь на одноместном ковре-самолете. Все путешествие не займет и часа.

- Вы совсем рехнулись, - сказал О'Лири. - Единственный шанс попасть во дворец - незаметно подкрасться ночью и найти незапертую дверь...

- Ха! - Микропчик вскочил со стула, схватил длинный зеленый бархатный плащ с капюшоном и завернулся в него. Тяжелая материя зашуршала, заблестела... и исчезла, вместе с маленьким начальником лаборатории.

- А? - растерянно оказал О'Лири.

- Неплохо, правда? - Голос Микропчика звучал из пустоты, с того места, где он стоял секунду назад.

- К-колдовство? - заикаясь, спросил О'Лири.

- Глупости. Электроника, - ответила внезапно появившаяся голова. - Теперь ты согласен?

- Э-э-э- допустим, я выполню вашу просьбу. Но мне необходим двухместный ковер-самолет.

- Как скажешь, так и будет, Везунчик, - весело согласился Пешкороль. - Не сомневайся, для такого героя-добровольца, как ты, нам ничего не жалко.

- Не беспокойся, доставим тебя на место в целости и сохранности, - заверил Флемниг.

- А обратно? - спросил О'Лири.

- Там видно будет. Пойдем, мне необходимо тебя проинструктировать. Я хочу, чтобы ты попал в Стеклянное Дерево до темноты.

Восьмая

Ранним вечером Пешкороль провел Лафайета извилистым коридором на небольшой балкон с прекрасным видом на долину внизу.

- Ты смотри, поосторожнее с ковром, Везунчик, - сказал Кроль, расстилая прямоугольник шесть на восемь футов. - Угнать его невозможно - контуры настроены на излучения твоего тела. Управление осуществляется с помощью голоса, так что сначала думай, а потом говори. И полегче на поворотах: перила в этой модели не предусмотрены. Координационный центр, конечно, сработает, но если зазеваешься... в общем, парашюта у тебя нет.

- Очень утешительно, - ответил Лафайет, завязывая тесемки плаща-невидимки и стараясь проглотить ком, застрявший в горле.

- Ваш Микропчик нашпиговал меня таким количеством аппаратуры, что ни встать, ни сесть.

- Воспользовался случаем проверить оборудование, не прошедшее испытаний в полевых условиях, - сообщил Пешкороль. - Ребята вечно что-нибудь изобретают в свободное от работы время. Однажды они сконструировали чих-гене-

ратор, так наш директор запретил исследования даже на добровольцах. Или возьмем, к примеру, плоскоход. Придумано здорово, но если не сработает, взлетишь на воздух вместе с лабораторией.

- Если ты немедленно не замолчишь, я останусь. - О'Лири передернул плечами. - Лучше скажи, в какую сторону лететь, а то мой здравый смысл возьмет верх, и я окажусь не там, где надо.

- Держи курс на запад. Везунчик. Не промахнешься.

- Если бы ты знал, сколько промахов я совершил за свою жизнь, тебе бы страшно стало. И между прочим, меня зовут не Везунчик, а Лафайет О'Лири.

- Правда? Надо же, как не повезло. Ну да ладно. Счастливого пути. Везунчик, и не забудь включить микрофон, прежде чем сунешь его в карман принцу.

- Ну, - сказал Лафайет, усаживаясь поудобнее и скрестив ноги, - поехали!

Он закрыл глаза, вспоминая координаты, которые Флеминг терпеливо повторял ему в течение получаса. Толстый шерстяной ковер задрожал, зашевелился, задергался, словно паралитик, и стал твердым, как камень. Лафайет с трудом подавил в себе желание за что- нибудь уцепиться.

- Сделали из меня мешок с картошкой, - пробормотал он, не осмеливаясь даже вытереть капли пота, стекавшие по лицу. - Холщовый мешок со свежим картофелем из Айдахо…

Появившееся тошнотворное ощущение никак не желало проходить; поднявшийся ветерок неприятно обдувал разгоряченное тело, проникая под тяжелую материю плаща.

- Поднимайся, черт побери! - хрипло прошептал Лафайет. - Пора убираться отсюда, пока Флемниг не сообразил, что его надули. - Ничего не изменилось. Ковер оставался таким же твердым и неподвижным. - Замечательно, - громко сказал О'Лири.

- Так и знал, что ничего не получится.

Он открыл глаза и недоуменно уставился на голубое пространство, окружавшее его со всех сторон…

Далеко внизу крохотная фигурка стояла на балконе и махала шарфом. Скала быстро уменьшалась в размерах; ветер шумел в ушах с удвоенной силой; зеленый пейзаж земли слился в одно пятно, исчезающее вдали с сумасшедшей скоростью. О'Лири изо всех сил зажмурился.

- Мамочки, - прошептал он. - Они забыли дать мне бумажный пакет на тот случай, если все-таки

вытошнит.

* * *

Крепость-дворец, известный под названием Стеклянного Дерева, сверкал, подобно звезде, на вершине горы. В лучах заходящего солнца он переливался всеми цветами радуги, и по мере приближения становилось очевидно, что каждая хрустальная башенка сияет своим светом.

- Ну, невидимка, делай свое дело, - пробормотал О'Лири, заворачиваясь в тяжелую ткань и одновременно пытаясь прикрыть ковер широкими полами плаща. Пешкороль, правда, утверждал, что у Крупхима нет средств противовоздушной обороны, но Лафайет решил не рисковать.

Примерно в полумиле от дворца он громко приказал сбавить скорость, но ожидаемого эффекта не произошло. Башня стремительно приближалась, угрожающе вырастая на глазах, и лишь в самый последний момент ковер затормозил, дернулся, чуть не скинув О'Лири, и стал плавно спускаться.

- Мешок с картошкой, - страстно прошептал Лафайет. - Господи, прошу тебя, если ты есть там, наверху, помоги мне выбраться из этой передряги, и я обязуюсь регулярно платить церковную

десятину...

Ковер замедлил скорость, остановился, дрожа, и повис в воздухе у открытого арочного окна.

- Самый малый вперед, - прошептал О'Лири. Подлетев вплотную к отполированной до зеркального блеска стене, он осторожно ухватился за хрустальный карниз, перекинул ногу через подоконник и очутился в небольшом эркере. Ковер, освободившийся от тяжести, затрепыхался как рыба на крючке и медленно поплыл по воздуху, подгоняемый легким бризом. Лафайет поймал его за край, притянул к себе, скатал в тугую трубку и поставил в угол.

- Жди меня здесь, - строго сказал он, тыкая в ковер пальцем.

Заправив за пояс выбившуюся рубашку, он нажал на один из драгоценных камней, украшавших эфес шпаги.

- Летун вызывает Бабочку, - прошептал он. - Полный порядок. Я на месте.

- Очень хорошо, - скрипучим шепотом ответил эфес. - Продолжайте проникать в стан врага. Вам надлежит проследовать в опочивальню принца на двенадцатом этаже главной башни. Будьте бдительны, не выдайте своего присутствия, случайно разбив вазу или наступив кому-нибудь

на ногу.

- Спасибо за совет, - раздраженно буркнул Лафайет. - А я было собрался поиграть на укулеле и спеть любимую песенку.

Он дернул за ручку двери эркера, которая, по счастью, оказалась незапертой, и вошел в полутемную комнату, окна которой были занавешены серебристо- алыми портьерами, а полы устланы мягкими красными коврами с серебряной нитью. Серебристо-розовая кровать с пологом на четырех столбиках стояла напротив входа. Серебристые купидоны улыбались с розового потолка. Хрустальная люстра сверкала звенящими серебряными подвесками. Лафайет пересек комнату и остановился перед серебристой дверью, за которой слышались голоса.

- ...всего лишь на секундочку, - произнес слащавый мужской тенор. - И кроме того, - проблеял он как козел, - вдруг вам потребуется моя помощь с молниями или застежками?

- Какая наглость, сэр! - игриво ответил до боли знакомый Лафайету женский голос. - Но я разрешаю вам задержаться на минуту-другую.

- Дафна?! - растерянно прошептал О'Лири.

В замке звякнул ключ, и Лафайет, забыв обо всем на свете, одним прыжком забрался под

широкую кровать как раз в тот момент, когда дверь открылась. Прижавшись щекой к ковру, он увидел изящные ножки в кожаных туфельках с серебряными пряжками, неотступно преследуемые парой черных, начищенных до блеска сапог со звенящими шпорами, усыпанными драгоценными камнями. Две пары ног, не останавливаясь, пересекли комнату и скрылись из виду. Послышались звуки какой-то возни, игривый смешок…

- Оставьте, сэр! - лукаво сказал женский голос. - Вы испортили мне всю прическу!

Лафайет изогнулся, приподнял полог и случайно задел шпагой о столбик. В ту же секунду наступила мертвая тишина.

- Милорд Занудни… вы слышали?

- Ну, мне пора, - громко сказал чуть дрожащий мужской голос. - Его высочество - а лучше человека я не встречал в целом свете - приказал мне исполнять любые ваши желания, миледи, но боюсь, мое присутствие в вашей спальне может быть неверно истолковано.

- Ну, знаете! - Послышался звук, не вызывающий сомнений в том, что женская ручка основательно приложилась к наглой мужской физиономии. - Можно подумать, я вас приглашала!

- Итак, миледи, прошу извинить…

- И не подумаю! Извольте сначала обыскать комнату. А вдруг здесь живет крыса?

- Да, но…

Изящная ножка топнула об пол.

- И немедленно, Занудни, или я пожалуюсь принцу, что вы хотели овладеть мною силой!

- Кто, я. Ваша светлость?

- Повторять не собираюсь.

Сапоги пересекли комнату и остановились у шкафа. Послышались звуки открываемых и закрываемых створок. Ноги проследовали в ванную, исчезли из поля зрения, вновь появились и, потоптавшись в эркере, вернулись на прежнее место.

- Никого нет. Возможно, вам показалось…

- Можно подумать, вы ничего не слышали! Не притворяйтесь, милорд! И вы забыли посмотреть под кроватью!

Лафайет замер, глядя на внезапно появившиеся перед кончиком его носа блестящие шпоры. Из-под полога показалось узкое лицо со свирепыми стрелками усов и крохотными глазами.

- Тоже никого. - Полог опустился. Лафайет облегченно вздохнул, только сейчас вспомнив, что на нем надет плащ. - А раз так, - весело заявил козлиный тенор, - можно не торопиться.

- Не сродни ли вы осьминогу по отцовской линии, милорд? - кокетливо спросил голос Дафны. - Откуда у вас столько рук? Тише, тише, милорд, вы сломаете мне молнию.

- Ах, ты! - пробормотал Лафайет и прикусил язык. В комнате вновь наступила мертвая тишина.

- Занудни, тут кто-то есть, - произнес женский голос. - Я. - я это чувствую!

- Э-э-э… Сожалею, миледи, но я совсем забыл, что мне совершенно необходимо пересчитать постельное белье и полотенца…

- Ночью? Глупости, Занудни. Неужели вы боитесь?

- Я? Боюсь? - ответил тенор дрожащим голосом. - Конечно, нет. Но я очень люблю считать, а тут представился такой удобный случай поработать всю ночь…

- Занудни, разве вы забыли? Мы собирались погулять с вами в парке, при луне. Только вы и я.

- Да, но…

- Подождите, милорд, я сейчас переоденусь. Постараюсь не задержать вас…

- Эй! - слабо воскликнул Лафайет.

- Странная акустика в этой комнате, - нервно произнес Занудни. - Я мог бы поклясться, что

кто- то только что сказал «эй».

- Глупенький, - ответил нежный женский голос. Послышалось мягкое шуршание ткани, за которым последовал взволнованный блеющий возглас. Женские ножки остановились у шкафа; изящные женские ручки сняли одну туфлю, потом другую. Ножки поднялись на цыпочки, и пышная в складках юбка упала на ковер. Мгновением позже рядом с ней легла еще более воздушная принадлежность женского туалета.

- Но, миледи! - вскричал задыхающийся голос. - Его высочество… К черту Его высочество!

Сапоги кинулись вперед и с размаху наступили на крохотную женскую ступню. Раздался дикий визг и послышался звук второй за вечер увесистой пощечины.

- Кретин! - взвыл женский голос. - Лучше мне на всю жизнь остаться в этой дыре, чем…

- Ах вот в чем дело! - вскричал Занудни. - Заманила меня, чтобы я устроил ей побег, а сама решила нарушить договор! Ну нет, миледи, номер не пройдет! Я получу все, что мне причитается, сейчас, немедленно.

Лафайет, откинув полог, быстро выбрался из-под кровати и вскочил на ноги. Обладатель черных сапог - высокий худой мужчина лет пяти-

десяти - резко обернулся, хватаясь за эфес шпаги, и окинул комнату диким взглядом. Дафна - или леди Андрагорра - в коротенькой рубашке стояла на одной изящной ноге и массировала пальцы другой.

Лафайет осторожно приподнял подбородок Занудни, чуть повернул ему голову и нанес сильнейший удар правой, от которого милорд нелепо взмахнул руками, пролетел до стены и, стукнувшись о нее с тупым звуком, свалился на пол.

- Занудни! - прошептала леди Андрагорра, испуганно следившая за необычным полетом. - Что… как… почему…

- Я покажу этому мерзавцу как расстегивать молнии! - вскричал Лафайет, угрожающе надвигаясь на полуголую женщину. - А ты, ты… мне стыдно за тебя! Что ты нашла в этом сутенере!

- Я слышу твой голос… о, любимый… я слышу тебя… но я тебя не вижу! Где ты? Ты… ты не дух?

- Еще чего! - Лафайет откинул капюшон плаща. - Я из плоти и крови, но должен тебе сказать…

В течение нескольких секунд она неотрывно смотрела на голову Лафайета, обрамленную пустотой, затем глаза ее закатились, и с легким вздохом девушка упала на красный ковер.

- Дафна! - вскричал Лафайет. - Очнись! Я тебя

прощаю! Бежим скорее, нам нельзя терять времени! В дверь громко постучали.

- В спальне миледи находится мужчина! - раздался зычный голос. - Стража, ломайте дверь!

- Подожди, сержант, у меня есть ключ.

- Выполняйте приказ! - Сильный удар потряс дверь до основания. Послышались звуки падающих тел. - Ладно, давай сюда ключ!

Лафайет нагнулся, подхватил лежащую без сознания девушку на руки и попятился, прячась за широкими портьерами. Замок щелкнул, дверь распахнулась настежь, и в комнату ворвались трое мужчин в вишневых рубашках с кружевными воротниками и манжетами и розовых бриджах в обтяжку.

Они остановились как вкопанные и недоуменно огляделись по сторонам.

- Никого нет, - сказал один из них.

- Пусто, - согласился второй.

- Но мы слышали чьи-то голоса!

- Значит, ошиблись.

- Или…

- Или сошли с ума.

- Или здесь место заколдованное.

- Э-э-э… мне пора, - заявил третий, пятясь к двери. -

Ребята не могут играть без четвертого, а партия осталась незаконченной.

- Смир-рна! - рявкнул сержант. - Доиграешь, когда найдешь!

- Вот как? Может, тебе не терпится поздороваться с каким-нибудь всадником без головы?

- Ты меня не дослушал, - твердым голосом произнес сержант.

- Приказываю всем идти играть в карты. Кругом!

Шаги начали удаляться, и в это время Лафайет услышал знакомое потрескивание в эфесе шпаги. «Ох, только не сейчас», - взмолился он.

- Бабочка вызывает Летуна, - захрипело в районе его левого локтя. - Летун, Летун, почему не выходите на связь?

- Ты слышал? - раздался взволнованный голос. - За портьерами.

- Летун! Немедленно доложите обстановку!

- Заткнись, кретин! - прошипел Лафайет в направлении левого бедра и быстро отступил в сторону, когда чья-то грубая рука отдернула портьеры.

- Ик! - сказал первый солдат, уставившись на ношу Лафайета широко открытыми глазами.

- Эк! - ответил его товарищ, заглядывая первому

через плечо и облизывая пересохшие губы.

- Святой Мося! - произнес третий. - Она- она плавает в воздухе!

- У нее… крохотные розочки на подвязках! Вы только посмотрите, ребята!

- Плавает не плавает, а такой фигурки я давно не видел.

- Эй, да она плывет к двери! - вскричал сержант. - Оцеп-ляй!

Пытаясь обойти взявшихся за руки солдат, Лафайет ударил одного из них под коленку. Пока несчастный, неистово ругаясь, скакал на одной ноге, путь был свободен и О'Лири кинулся к двери эркера, но, пробегая мимо кровати, случайно зацепился за столбик. Тесемки, завязанные у горла, лопнули, и прежде чем он успел остановиться, плащ оказался на полу.

- Смотри-ка! Этот тип прямо из воздуха появился! - вскричал сержант. - Хватай его, Сквозняга! Лафайет отпрыгнул в сторону, попытался спрятаться за кровать, но ему подставили ножку, выхватили девушку из рук, когда он упал, больно стукнувшись головой, и полуоглушенного поставили на ноги, прислонив к стене.

- Какую рыбину мы поймали! - удивленно воскликнул сержант, расплываясь в довольной

улыбке, в то время как его подчиненные шарили по карманам О'Лири, доставая многочисленные устройства, которыми снабдил его Микропчик.

- А ты - парень не промах. Только зря старался. Думаю, Его высочество не обрадуется, когда узнает, что ты забрался к миледи, которая порхала по спальне в чем мать родила.

- Мать ее не в том родила, - пробормотал Лафайет, пытаясь разглядеть окружающее сквозь застилающий глаза туман. - На ней розовые подвязки.

- Сержант! - возбужденно крикнул один из стражников. - У стены за диваном лежит милорд Занудни, и челюсть у него на сторону!

- Добавим нападение на Его светлость к преступлениям этого молодчика, - важно ответил сержант. - Ну ты даешь, парень. И чего тебе не сиделось на месте? Не понимаешь ты хорошего обращения!

Пока двое стражников держали Лафайета за руки, третий положил на кровать девушку, все еще не пришедшую в себя.

- Не стой, как пень, Мул, наслаждаясь своей работой, - проворчал сержант. - Надо отвести этого типа обратно в камеру, прежде чем кто-нибудь узнает, что он умудрился бежать. А то неприят-

ностей не оберешься. Стражников ругают все, кому не лень.

- Можно-, можно я скажу ей пару слов? - взмолился Лафайет, проходя мимо кровати.

- Что ж… только быстро. Считай, что заслужил.

- Дафна! - воскликнул Лафайет, глядя на девушку. - Дафна! С тобой все в порядке?

Веки задрожали и открылись. Недоуменный взгляд скользнул по лицам солдат, остановился на Лафайете.

- Ланцелот? - прошептала она. - Ланцелот… любимый…

- Ладно, хватит, - буркнул сержант. Когда Лафайета выводили из комнаты, он с отчаянием посмотрел через плечо.

Девятая

Дрожа от холода, Лафайет сидел в кромешной тьме, прислонившись к сырой каменной стенке. Гробовая тишина нарушалась возней мышей в охапке соломы да тяжелым дыханием второго заключенного, его товарища по несчастью, который так и не проснулся, когда О'Лири швырнули в камеру несколько часов назад. Несмотря на удушливый затхлый запах тюрьмы, он продолжал ощущать аромат Лунной Розы, любимых духов Дафны. Перебирая в уме все, что с ним приключилось, Лафайет Каждый раз вспоминал

теплое мягкое тело, которое так недавно держал на руках, и чувствовал, как щемит сердце.

- Ничего не скажешь, операцию я провел блестяще, - с горечью произнес он. - У меня был ковер-самолет, плащ-невидимка, я сразу попал в ее комнату; короче, мне неслыханно повезло, а я взял и все испортил. С того момента, как дворец превратился в мельницу, я не сделал ничего путного и только подвел Свайнхильду, Родольфо и Микропчика, не говоря о Даф... леди Андрагорре. - О'Лири поднялся на ноги и принялся ходить

по камере, делая четыре шага вперед (дальше, как показал эксперимент, находилась стена, о которую можно было больно удариться) и четыре назад. - Неужели я ни на что не способен? А может…

Он зажмурился, хотя в данной ситуации это было необязательно, и попытался сконцентрироваться.

- Я - на Артезии, - пробормотал он. - Только что вышел в сад после бала-маскарада (вот почему на мне такой нелепый костюм) подышать свежим воздухом. Сейчас я открою глаза и вернусь… - Постепенно голос его становился все слабее. Зловоние камеры мешало убедительно представить прогулку в парке, где хуже других цветов пахла только гортензия. - «Я инспектирую трущобы… но в Артезии нет трущоб… а в Колби Корнерз?… Ну, конечно, там есть прекрасные трущобы, счастливые обитатели которых хранят уголь в ваннах… Нет, не то. - Лафайет зажмурился еще сильней и собрался с силами. - Я - член Федеральной комиссии содействия молодоженам. Собираю материал для книги, в которой исследуется время, необходимое молодой семье для устройства привычного беспорядка в новой квартире…

- Послушайте, вы не могли бы бредить потише?

- вызывающе произнес неприятный голос из дальнего конца камеры. - Я хочу спать.

- О, значит, вы все-таки живы? - так же вызывающе ответил Лафайет. - Не могу не восхищаться вашей способностью дрыхнуть без задних ног в этом стойле.

- А что вы можете предложить? - последовал незамедлительный ответ. - Жаловаться, не умолкая?

- Нам надлежит думать, как отсюда выбраться, - назидательно сказал Лафайет.

- Думайте на здоровье, я не помешаю. «Наглый, высокомерный, самоуверенный тип», - неприязненно подумал О'Лири, с трудом сдерживаясь, чтобы не ответить в том же тоне.

- Дверь, к сожалению, стальная, - с наигранной веселостью сообщил он. - Надо искать другой путь...

- Неужели вас смущает какая-то стальная дверь? Судя по вашему голосу, я решил, что вы сорвете ее с петель и стукнете по голове первого, кто вас остановит.

- ...и как можно скорее, - закончил свою мысль Лафайет, заскрежетав зубами.

- Прекрасно. Советую не терять времени. А я посплю. За последние двое суток совсем выбился

из сил.

- Неужели? А я, наверное, пировал и развлекался! За последние двое суток, спустившись с ветряной мельницы, я воевал с великанами и пиратами, два раза сидел в тюрьме, чуть не лишился головы, упал в пропасть, был приговорен к каторжным работам за шпионаж, едва не свалился с ковра-самолета и снова оказался в тюрьме!

- Аууаухм! - зевнул его товарищ по камере. - Счастливчик! Лично мне пришлось заключить договор с сумасшедшим принцем, обмануть доверие герцога, провести одну спасательную операцию, улизнуть от злой колдуньи; и все это время меня пинали, били, царапали, колотили и напоследок засадили в тюрьму.

- Понятно. Что вы намерены предпринять?

- Ничего. Видите ли, все это - сон. Когда я проснусь, вы исчезнете, как дым, и я спокойно займусь своими делами.

- Вот оно что! Бедняга, вы, должно быть, свихнулись от одиночества. Это просто смешно, - О'Лири усмехнулся, - считать меня плодом своего воображения. К сожалению, мы живем в реальном мире.

- Если вы прекратите болтать и позволите, наконец, мне заснуть, я буду вам крайне призна-

телен, - вежливо заявил наглый голос.

- Послушай, Спящая красавица! - не выдержал О'Лири. - Заруби себе на носу, ты сидишь в самой настоящей вонючей тюрьме, по которой бегают мыши, и сгниешь в ней заживо, если не потрудишься приподнять свой зад!

- Убирайся! Я хочу спать.

- Убрался бы, если б мог. Вставай, соня! Может, вдвоем нам удастся что-нибудь придумать.

- Глупости. Тебя здесь нет. Мне необходимо заснуть, а проснусь я, как обычно, на Хетчэр Кроссроудз, в лавке зеленщика Боусера.

Лафайет злорадно рассмеялся.

- Рассказывай сказки! Где находится Хетчэр Кроссроудз?

- В Оклахоме. Тебе не понять. К моему сну это не имеет отношения.

- Оклахома… ты из Америки?

- Надо же, он знает об Америке. Впрочем, неудивительно. Ведь я разговариваю сам с собой, а следовательно, знаю столько же, сколько я сам. Прощай. Не мешай мне спать.

- Подожди, подожди, - взволнованно произнес О'Лири. - Ты хочешь сказать, что прибыл из Соединенных Штатов? Разве ты не туземец?

- Соединенных Штатов? Первый раз слышу. И,

естественно, я не туземец. Я же не бегаю в набедренной повязке, размахивая копьем.

- Не знаю, здесь темно. Но если ты из Оклахомы, то не мог не слышать о США!

- Ты имеешь в виду СКА?

- Это еще что?

- Соединенные Колонии Америки. Прошу тебя, будь добрым воображаемым другом и дай мне уснуть. Пошутили, и ладно. Я устал, а завтра - тяжелый день. Мистер Боусер получил соленые грецкие орехи, и к нам сбежится вся округа.

- Попытайся вбить в свою тупую башку, - прорычал О'Лири, - что ты находишься на Меланже. Когда тебя повесят или отрубят голову, ты уже никогда не проснешься. Нам необходимо серьезно поговорить… Похоже, мы с тобой попали сюда из других измерений…

- Никогда не думал, что мое второе я такой зануда! Если б я не был уверен, что тебя нет, то мог бы поклясться, что ты существуешь.

- Послушай, хватит. Если тебе так больше нравится, давай сделаем вид, что я существую, и начнем действовать. Скажи, как ты сюда попал?

- Меня арестовал принц Круппхим. Теперь доволен?

- Нет… как ты очутился на Меланже?

- А-а, тебя интересует, каким образом мне удалось сфокусировать психическую энергию? - заключенный хрипло рассмеялся. - Лучше бы я тихо-спокойно торговал селедками да сладкими орехами. Нет, сунул нос не в свое дело. Тем более, что мне попалась книга профессора Хоззлемшрумпффа «Современные заклинания, или Легкий Путь Самообмана». Вот я и не выдержал. Сконцентрировался, как полагается, и… из комнаты, которую сдавала мне миссис Гинсберг, попал в знойную пустыню.

- А дальше?

- Я пошел на восток и через некоторое время увидел холмы. Попил воды в ручейке, съел горсть орехов и ягод, отдохнул. Потом вновь отправился в путь и вскоре оказался на возделанном поле неподалеку от города. Нашел какую-то забегаловку, и только собрался перекусить свежим пшеничным хлебом и сыром, как появилась полиция. Они отвели меня к принцу Круппхиму, и я начал у него работать. В общем, новая жизнь пришлась мне по душе, и я ни о чем не думал, пока не встретил леди Андрагорру.

- Леди Андрагорру! - воскликнул Лафайет. - Ты тоже с ней знаком?

- Твое счастье, что я сплю, - ответил возбужден-

ный голос.

- Иначе мне пришлось бы свернуть тебе шею! К счастью, это - сон, бред, иллюзия. Милая Беверли не попала в руки мерзавца Крупхима; меня не обманули и не посадили в тюрьму; и я совершенно не голоден. А когда ты, наконец, заткнешься и уберешься вон, я смогу выспаться и завтра с утра пойти в лавку Боусера.

- Вернемся к леди Андрагорре!

- Хоть сейчас. Эти нежные мягкие губки, это прекрасное податливое тело…

- Ах ты… - Лафайет с трудом взял себя в руки. - Послушай, как тебя там! Ты должен мне помочь! Леди Андрагорра попала в беду…

- …Всего лишь на прошлой неделе мистер Боусер сказал мне: Лоренцо, мой мальчик, ты далеко пойдешь. Я сделаю тебя старшим продавцом…

- Лоренцо?! Значит, это ты украл леди Андрагорру?! - Вне себя от ярости Лафайет прыгнул вперед и ударился лбом о стену, добавляя к синякам и царапинам легкую контузию. - Ты где? - крикнул он, тяжело дыша и махая руками в воздухе. - Спрятался, жалкий трус! Грязный обманщик! Змея подколодная!

- Чего ты разбушевался? - осведомился из другого конца

камеры наглый голос. - Тебе-то что за дело до Бев… леди Андрагорры, рецидивист несчастный?

- От рецидивиста слышу. Как вам это понравится? Сидит в собственной камере… - Лафайет прыгнул. Он чуть было не схватил соперника за рукав, но в следующую секунду получил увесистый удар кулаком в глаз.

- Не смей подходить ко мне, психованный! - воскликнул голос. - О, господи, только маньяка мне и не хватало!

- Ты выманил несчастную девушку из города сладкоречивыми обещаниями, а сам хотел отвезти к старой карге, ее тетке, которая работает у Крупхима!

- Родольфо тоже так думал, но… Впрочем, не суй нос, куда не следует.

- Небось заранее свил любовное гнездышко?

- Вот именно. Правда, мне помешал отряд охраны, невесть откуда появившийся в лесу. Нам пришлось бежать, но мы наткнулись на лорда Занудни с охотниками и попали в плен.

- Оно и к лучшему. По крайней мере здесь у нее имеется приличная постель.

- Вот как? Могу я поинтересоваться, откуда тебе известно о постели Бев. - леди Андрагорры?

- Можешь. Я провел под ней незабываемые

полчаса.

- Под ней?

- Под ней. Я подслушивал, как она отбивается от приставаний Занудни. Мой личный ковер-самолет, Марк IV, стоял в эркере, и только мы собрались бежать, в спальную ворвалась стража.

- Говорил я Круппхиму, чтобы приглядывал за Занудни! И судя по всему, стража прибыла вовремя!

- Лучше бы они задержались. Я как раз взял ее на руки и…

- Ах ты…

Невидимый узник проскочил мимо О'Лири, который немедленно выставил вперед ногу, с удовлетворением услышав грохот падающего тела.

- Квиты, - сказал он. - Послушай, Лоренцо, зачем нам ссориться? Совершенно очевидно, мы оба стремимся выручить из беды леди Андрагорру. Так не проще ли объединить усилия? А когда она окажется на свободе, разберемся, как мужчина с мужчиной.

- Объединить усилия! - иронически пробормотал голос. - Какие? В этой вонючей камере ни зги ни видно, и у нас нет оружия. Или ты что-нибудь припрятал?

- У меня все отобрали, - огорченно признался

Лафайет. - А ведь было чем похвастать: шпага- передатчик, плащ-невидимка, ключ-на-все-замки, плоскоход... - внезапно он умолк, схватился за пояс, отстегнул его, вывернул наизнанку и нащупал молнию. - Подожди, Лоренцо, - охрипшим от волнения голосом сказал он. - Еще не все потеряно.

- Что ты мелешь? - осведомился наглый голос. - Плащи-передатчики? Ключи-невидимки? Я предпочел бы хороший заряд динамита и два железных лома.

- Кажется, нашел, - заявил Лафайет, вынимая из потайного кармана небольшой прямоугольник из гибкого пластика, размерами два на один дюйм. - Они не заметили плоскохода.

- Что это?

- Если верить Микропчику, плоскоход генерирует поле, которое изменяет пространственную конфигурацию объекта в экзокосме. Аппарат преобразует любое одномерное пространство, перемещает его вдоль объемных осей по перпендикуляру и одновременно складывает гармошкой, создавая тем самым эффект обратной величины в эпицентре...

- Ты не мог бы объяснить то же самое простому смертному? - перебил его Лоренцо.

- Плоскоход уничтожает одну из физических

характеристик материального тела, компенсируя данное временное изменение повышением плотности поля объекта в двухмерном квазипространстве.

- Послушай, как ты объяснишь это полному идиоту?

- Плоскоход делает тебя плоским.

- Чем нам поможет корсет? - взвыл Лоренцо.

- Ты не понял. Человек становится по-настоящему плоским и получает возможность проникать между молекулами материи. Другими словами, можно проходить сквозь стены. Именно поэтому аппарат назван плоскоходом.

- Великий боже, а ведь я уже удрал от солдат, когда меня сцапал сукин сын Занудни! Кошмар какой-то!

- Молодец, Лоренцо! Вот таким ты мне нравишься! А теперь посторонись; я попробую вспомнить, что мне говорил Микропчик. Значит так: продольные оси должны совпадать, гладкую поверхность прижать к груди… или наоборот?

- Они придумали мне новую пытку, - простонал Лоренцо. - Заперли с сумасшедшим. Я мог бы раньше догадаться и не обращать на него внимания. Бедная Беверли. Она, конечно, будет сопротивляться из последних сил, но нахальство

ее похитителя и перспектива стать принцессой и хозяйкой замка могут сломить ее волю.

- Я тоже через это прошел, - признался Лафайет, тщательно ощупывая плоскоход и нажимая на крохотную кнопку в центре. Ничего не изменилось. О'Лири разочарованно уставился в окружавшую его кромешную тьму. - Черт побери! - рассеянно сказал он. - Не везет, так не везет. Будем думать. Послушай, Лоренцо, в камере высокий потолок? Если там есть потайная дверь и один из нас встанет на плечи другому, можно будет удрать. - Лафайет приподнялся на цыпочки, вытянул руку над головой, но ощутил под пальцами пустоту. Он подпрыгнул, но тоже безрезультатно. - Что скажешь? Я заберусь на твои плечи, или ты на мои? - Ответа не последовало. Стояла мертвая тишина, даже мыши перестали шуршать в соломе. - Эй, Лоренцо! Заснул ты, что ли?

Вытянув руки, О'Лири пошел вперед, пытаясь нащупать стену. Через десять шагов он стал двигаться медленнее, а еще через пять - остановился.

- Странно, - пробормотал он. - Мне почему-то казалось, что камера меньших размеров.

Повернувшись, О'Лири пошел обратно, отсчи-

тывая пятнадцать шагов, двадцать, двадцать пять, тридцать... Внезапно в глаза ему брызнул яркий свет. Уставившись на стену из сверкающего прозрачного стекла, внутри которой извивался непонятный темный предмет, он заморгал и наклонил голову. Стена поплыла, сжимаясь; в ней появились волнистые линии, точки и черные пятна, сливающиеся в реальную, хоть и искаженную картину тускло освещенного пространства с хрустальными стенами, хрустальным полом и массивными дверьми из черного хрусталя.

- Я вышел из камеры! - воскликнул О'Лири. - Плоскоход сработал! Лоренцо- - Он повернулся, и в то же мгновение Стены расширились и вытянулись, словно отражаясь в кривом зеркале. - Эффект двухмерного пространства, - пробормотал Лафайет, вспомнив объяснения Микропчива. - Интересно, откуда я пришел? - Он нерешительно шагнул вперед и оказался в темноте. Сделав пятнадцать шагов, О'Лири остановился. - Лоренцо! - сдавленным шепотом произнес он. - Мы спасены! - Ответа не последовало. - Ну конечно, он не может меня слышать, пока плоскоход включен...

Лафайет нажал на вторую кнопку, расположенную с обратной стороны прямоугольника. Видимых изменений не произошло, но стали

отчетливо слышны звуки приглушенных рыданий.

- Только этого не хватало! - прикрикнул Лафайет. - Не раскисай, Лоренцо! Слезами горю не поможешь.

Он услышал удивленный возглас.

- Лэйф? - прошептал знакомый голос. - Это правда ты?

О'Лири принюхался. Пахло чесноком.

- Свайнхильда! - вскричал он. - Как ты сюда попала?

* * *

- Т-ты с-сказал, чтобы я з-за тобой не ходила, - объяснила Свайнхильда пятью минутами позже, всласть наплакавшись на плече О'Дири, который успокаивающе похлопывал ее между лопатками. - Но я видела, как ты выезжал из ворот, а рядом с пивнушкой была привязана лошадь. Я вскочила на нее, и перевозчик на барже показал, какой дорогой ты поехал. Когда я подскакала к карете, тебя как раз собирались вешать.

- Так это ты завыла пантерой?

- Прости, Лэйф, ничего другого в голову не пришло.

- Ты спасла мне жизнь, Свайнхильда!

- Ага. От солдат я, конечно, удрала, но совсем заблудилась. Моя лошадь шла и шла, а потом споткнулась и сбросила меня в кусты. Когда я из них выползла, смотрю, откуда ни возьмись, сидит на пне старуха и курит сигару. Я так обрадовалась, что даже с ней поздоровалась, все-таки - живой человек. Старушка подскочила, будто на кактус уселась, и уставилась на меня, как на привидение. «Великий боже, - говорит она. - Невероятно. Но в конце концов, почему бы нет?» Только я хотела спросить, окончательно она рехнулась или нет, старая перечница соскочила с пня, сунула мне под нос какую-то жестянку, из которой несло нафталином, а потом я ничего не помню.

- Мне кажется, я знаком с этой старушкой, - угрюмо сказал Лафайет. - Придется когда-нибудь сполна заплатить ей по счетам.

- Затем мне снился дурацкий сон, словно я лечу по воздуху. Проснулась я в красивой комнате, и рядом сидел старикашка, гладкий такой, ухоженный, должно быть, брат старушки. Начал задавать кучу дурацких вопросов, не скажу, чтобы скромных, а когда я хотела уйти, стал меня хватать, ну я и засветила ему как следует. А потом я оглянуться не успела, как в комнату ворвались солдаты и отвели меня в эту камеру. - Свайнхиль-

да вздохнула. - Может, я поторопилась поставить ему фонарь под глазом, но уж больно руки у него были холодные. И я знала, Лэйф, что ты никогда меня не бросишь. - Мягкие губы осторожно сжали мочку его уха. - Кстати, - прошептала она, - хочешь пожевать? Я прихватила с собой бутерброды с салями и сыром. Раскрошились немножко, потому что пришлось прятать их под юбку, но…

- Спасибо, не хочется, - торопливо ответил Лафайет, высвобождаясь из ее объятий. - У нас совсем мало времени. Придется выйти и поискать ключ…

- Эй, а как ты сюда попал? Я не слышала, чтобы дверь открылась.

- Прошел сквозь стену. Никакого волшебства. Электроника. Потом объясню. Но я не могу взять тебя с собой. Так что придется поискать ключ от камеры…

- Ты хочешь оставить меня одну?

- Ничего не поделаешь, Свайнхильда. Не волнуйся. Я постараюсь вернуться как можно скорее.

- Х-хорошо, Лэйф. Только не задерживайся. Я никогда не любила сидеть одна в темноте.

- Ну-ну, не бойся, будь умницей. - Он потрепал ее по плечу. - Попытайся вспомнить что-нибудь

приятное. Оглянуться не успеешь, как я за тобой приду.

- Д-до свидания, Лэйф. Береги себя. О'Лири ощупью добрался до стены и вновь вышел в переливающееся светом пространство. К разительным -переменам трудно было привыкнуть. Убедившись, что коридор пуст, Лафайет нажал на крошечную кнопку, с облегчением убедился, что мир приобрел привычные очертания, и, крадучись, пошел вперед. Двое мужчин в алых мундирах стояли спиной к нему в освещенном дверном проеме, футах в двадцати от выхода из тюрьмы. У одного из них за поясом висела огромная связка ключей. Приблизиться незамеченным было невозможно, и О'Лири включил плоскоход, глядя, как сливаются пол с потолком, а светящаяся стена перед глазами становится прозрачной.

- Главное, не растеряться, - сурово приказал он себе. - Подойти вплотную, материализоваться, выхватить ключи и снова стать плоским. Понятно?

При первом же его шаге светящаяся стена заколебалась, рухнула, превратилась в полупрозрачную вуаль. Лафайет вытянул руку, но ничего не почувствовал.

- Очередной пространственный эффект, - про-

бормотал он. - Не страшно. Надо идти.

Пробираться в густом молочном тумане было крайне неприятно. Посмотрев в сторону, О'Ли-ри увидел аккуратно сложенные хрустальные кирпичи, убегавшие вдаль по мере того, как он продвигался вперед. Постепенно у него сложи-лось впечатление, что он попал в кривое зеркало, из которого нельзя выбраться. Через пять шагов у Лафайета закружилась голова. Через десять - он вынужден был остановиться, чтобы справиться с приступом морской болезни.

- Придется Микропчику попотеть, - сказал он, с трудом сглатывая слюну, - прежде чем пустить плоскоход в свободную продажу.

Пересилив себя, О'Лири сделал еще пять шагов. Может, пора?

Внезапно он очутился в калейдоскопе красок. Желтый, красный, бронзовый... буквально в дюйме от его носа возникла явственная картина позвоночника, в розовато-белом студне.

Рванувшись изо всех сил, Лафайет отпрыгнул в сторону и, очутившись в полной темноте, облег-ченно вздохнул.

- Микропчик не говорил, - пытаясь унять бе-шено колотящееся сердце, пробормотал он, - что можно проходить сквозь человека.

Прошло не меньше пяти минут, прежде чем О'Лири удалось успокоиться. Не зная, в каком направлении идти, он пошел наугад и, сделав несколько шагов, выключил плоскоход. Яркий солнечный свет ударил ему прямо в глаза.

- Как тебе удалось удрать? - раздался чей-то удивленный голос.

На мгновение Лафайет увидел небольшой открытый дворик, ухмыляющееся лицо под шляпой с плюмажем, занесенную для удара дубинку, а в следующую секунду ближайшая башня упала ему на голову, и мир взорвался, погружаясь в темноту.

Десятая

- Да ну вас. Ваша светлость, этот парень появился в нашем дворике, моргая, как сова. - Монотонный мужской голос шумел и грохотал, напоминая морской прилив. - Я его вежливо попросил: мол, пойдем со мной, а он сразу за нож. Я чуть не на коленях умолял: отдай, говорю, ножик, не надо, совсем как вы велели, чтобы не применять насилия, а он попытался удрать, и поскользнулся на банановой кожуре, и упал, и ударился головой о ручку двери. Я же знаю, что Ваше высочество приказали, и я никогда не посмел бы, и вообще не понимаю, после двадцати лет преданной службы…

- Заткнись, кретин! Я тебе приказал обращаться с ним как с любимой девушкой! А ты приносишь его с шишкой на голове размером с королевскую печать. Еще одно слово, и я скормлю тебя львам!

Сделав невероятное усилие, Лафайет приоткрыл один глаз и убедился, что стоит на ногах, а сзади его поддерживают за плечи. Он находился в большой комнате, завешанной гобеленами, устланной коврами, заставленной зеркалами в

золоченых рамах, канделябрами и полированной мебелью красного дерева. Прямо перед ним, в большом удобном кресле, сидел маленький седовласый человечек с угрожающим выражением на лице, которое Лафайет так хорошо знал.

- Го-го-го-го-го, - пробормотал О'Лири и остановился, чтобы перевести дыхание.

- Сержант, если вы сделали из него идиота, я отрублю вам голову! - взвыл человечек, вскакивая и кидаясь к Лафайету. - Лоренцо! Лоренцо, это я, твой друг, принц Круппхим! Ты меня понимаешь? - Он взволнованно посмотрел О'Лири в глаза.

- Я... вас... понимаю, - выдавил из себя Лафайет. - Но... но... вы... вы...

- Прекрасно, мой мальчик! Эй, вы, кретины, усадите гостя на подушки! Принесите вина! Как твоя голова, сынок?

- Ужасно, - ответил Лафайет, морщась от каждого удара пульса. - Я почти протрезвел, когда свалился в шахту лифта, и едва пришел в себя, как получил дубинкой по голове. У меня три сотрясения мозга, как минимум. Мне нужен врач. Мне нужно выспаться. Мне нужна таблетка аспирина.

- И ты ее получишь, мой мальчик. Вместе с

моими глубочайшими извинениями за это ужасное недоразумение. Надеюсь, ты не в обиде за невыдержанность, которую я проявил при нашей последней встрече? Нервы разгулялись. Честное слово, я как раз хотел попросить у тебя прощения, когда сержант доложил, что ты прогуливаешься в моем дворе. Ах да, кстати, могу я спросить, как ты туда попал?

- Я прошел сквозь стену. Точно не помню. У меня все в голове перемешалось.

- О, конечно, конечно. Не имеет значения. Постарайся ни о чем не думать, расслабься, выпей бокал вина. Как следует выспишься и будешь как новенький, только сначала поговорим немного.

- Я не хочу говорить. Я хочу спать. Мне необходимо снотворное. Мне необходимо переливание крови и трансплантация почки. А так как я умираю, мне ничто не поможет, усилия врачей окажутся напрасными…

- Глупости! Возьми себя в руки, Лоренцо, и сам не заметишь, как поправишься. Но сначала ответь мне на один - ха, ха! - деликатесный вопрос. Где она?

- Кто?

- Не играй с огнем, мой мальчик! Ты прекрасно понимаешь, о ком идет речь.

- О ком?

- О леди Андрагорре, - резко сказал Круппхим. - Что ты с ней сделал?

- Кто, я?

Его высочество засверкал глазами и, сложив пальцы рук, хрустнул суставами с такой силой, что у Лафайета еще сильней разболелась голова.

- У кого еще хватило бы наглости выкрасть ее из роскошных апартаментов, в которые я, по доброте сердечной, поместил это неблагодарное создание.

- Интересный вопрос, - пробормотал О'Лири. - Скорее всего, у Лоренцо, если бы он не сидел в тюрьме. Но…

- Вот именно! Итак, где она?

- Понятия не имею. Но если ей удалось бежать, я от души рад.

- Ничтожный червь! Ты скажешь мне правду, не добром, так под пытками.

- А я-то думал, со мной будут обращаться как с любимой девушкой, - сказал Лафайет, закрывая глаза и с любопытством наблюдая за огненными кругами, которые то сжимались, то расширялись, в такт ударам его сердца.

- Я тебе покажу -любимую девушку! Всю шкуру спущу плеткой-девятихвосткой… - Круппхим

умолк и с шумом выдохнул воздух сквозь стиснутые зубы. - Тяжела полнота государственной власти, - скорбно сказал он. - Но такова моя участь. Я пытаюсь помочь этому обманщику, хочу поступить с ним по справедливости, а вместо благодарности он плюет мне в лицо…

Лафайет с трудом открыл глаза.

- Просто удивительно, - произнес он, еле ворочая языком. - И разговариваете вы в точности, как он. Если б я не встретил на своем пути Свайнхильду, и Борова, и леди Андрагорру, и Пешкороля, и герцога Родольфо, то мог бы поклясться, что вы…

- Ах, вот в чем дело! Этот слизняк Родольфо тебя соблазнил, заставил свернуть с пути истинного? Что он тебе обещал? Я дам вдвойне! Втройне!

- Гм-мм… насколько я помню, он говорил о неувядающей благодарности…

- Моя благодарность не увянет в десять раз больше, чем у этого жалкого мелкопоместного дворянчика!

- Я бы предпочел, чтобы вы окончательно решили, - сказал Лафайет, - чего мне ждать, немилости или почестей?

- Ну-ну, мой мальчик. Я пошутил. Мы с тобой горы свернем! Весь мир окажется у наших ног! Богатства земли, морей и лесов, сказочные со-

кровища Востока будут нашими! - Круппхим наклонился, и глаза его мечтательно заблестели. - Посуди сам, кому, кроме нас, известны месторождения алмазов, залежи золота, изумрудные копи? И мы не промахнемся, сынок, верно? - Он подмигнул. - Ты будешь моим компаньоном. Объединив мой гений организатора и твой особый талант, мы покорим вселенную!

- Особый талант? Я играю немного на гармошке: обучился, слушая курсы по телевизору...

- Можешь быть со мной откровенен, мой мальчик, я все знаю.

- Круппхим добродушно погрозил пальцем.

- Послушайте, принц, вы зря теряете время. Если леди Андрагорры нет в отведенных ей комнатах, я понятия не имею, где она может быть.

Лафайет поставил локти на колени, закрыл лицо руками и бережно, как переспелую дыню, опустил голову на ладони, глядя на Круппхима сквозь раздвинутые пальцы. Рот принца открылся, потом захлопнулся, и он замер, изумленно глядя на О'Лири.

- Ну конечно, - прошептал Круппхим. - Как я сразу не догадался?

- Что-нибудь померещилось? - резко спросил Лафайет.

- Нет-, ничего не померещилось. Удивительно! Нет, нет, все в порядке, мой мальчик. Не обращай внимания. Мне внезапно пришло в голову, что ты устал, прямо на ногах не стоишь. Уж, наверное, не откажешься сейчас от горячей ванны? Или от девушек, которые потрут тебе спинку, а потом уложат в постель? А когда отдохнешь, мы с тобой поговорим, и ты скажешь, чего тебе еще не хватает. Да? Вот и прекрасно. Эй, вы! - Принц щелкнул пальцами, сзывая слуг. - Приготовить царские покои для почетного гостя! Душистую ванну, моих личных массажисток, придворного врача. И пусть не забудет принести мазь и микстуру для этого благородного дворянина!

Лафайет зевнул во весь рот.

- Ванна, - пробормотал он. - Спать... о, боже... Он почти не помнил, как его провели широким коридором, помогли подняться по лестнице и добраться до большой комнаты, устланной мягкими коврами. Нежные женские ручки сняли с него грязную одежду, бережно опустили в душистую ванну, помыли, насухо вытерли, уложили между двумя накрахмаленными простынями. Свет померк, и О'Лири впал в забытье.

* * *

Внезапно он вздрогнул, глаза его сами собой открылись. В комнате было все так же темно.

«Кому, кроме нас, известны месторождения алмазов, залежи золота, изумрудные копи». - зазвучал в его ушах голос Круппхима. - Твой особый талант…»

- О залежах золота и изумрудов может знать человек из высокоразвитого параллельного мира, но никак не коренной житель Меланжа, - пробормотал О'Лири. - Месторождения полезных ископаемых в разных измерениях находятся на пересечении одних и тех же координат, и пришелец не ошибется, отправившись, прямо в Кимберли. А следовательно, принц Круппхим такой же пришелец, как я. - Лафайет уселся на кровати. - И он тоже знает, что я - пришелец. Но тогда мы должны были встречаться раньше, а значит, я не ошибся: принц Круппхим и бывший король Артезии Горубль - одно и то же лицо, способное путешествовать по другим измерениям. А в этом случае он может помочь мне вернуться на Артезию!

Лафайет, сам того не заметив, очутился на ногах. Нащупав выключатель, он зажег лампу,

подошел к шкафу и достал одежду, в том числе злополучный плащ- невидимку, выстиранный и отглаженный.

- Но зачем ему леди Андрагорра? - продолжал размышлять он, торопливо одеваясь. - И Свайнхильда? Ну, конечно! Ведь Горубль понимает, что Свайнхильда - двойник принцессы Ацоранны, а леди Андрагорра - Дафны... Впрочем, сейчас это не имеет значения, - строго сказал он, глядя в зеркало. - Прежде всего ты должен помочь Даф... леди Андрагорре. И Свайнхильде. А затем мы отведем их в безопасное место и попытаемся договориться с позиции силы, может, заключим сделку, пообещав не выдавать Горубля Централи, если он поможет нам вернуться домой. Верно? - спросил он, глядя, как отражение согласно кивает головой. - Умница.

О'Лири подошел к окну и отодвинул штору. Наступили глубокие сумерки, и башенки Стеклянного Дерева сверкали и переливались в призрачном свете. Он попытался вспомнить многочисленные переходы, коридоры и воздушные мосты, среди которых ему надо было выбрать маршрут до той башенки, где томилась леди Андрагорра.

Только бы не заблудиться. Неслышно ступая,

он вышел из комнаты. Один-единственный солдат, стороживший в самом конце освещенного коридора, даже не оглянулся.

* * *

Три раза за последние полчаса коридоры заводили Лафайета в тупик, вынуждая возвращаться. Но в конце концов он нашел лестницу, по которой стражники тащили его несколько часов назад в тюрьму. На верхней площадке скучал солдат, вооруженный до зубов. Затянув потуже тесемки плаща-невидимки, О'Лири бесшумно подошел к часовому и аккуратно ударил ребром ладони по шее. Бережно подхватив падающее тело, он положил его на пол и попытался открыть дверь. Она оказалась запертой. Лафайет постучал.

- Леди Андрагорра! Откройте! Я - ваш друг! Я помогу вам бежать! - Он прислушался, но за дверью царила мертвая тишина. Быстро обыскав солдата, Лафайет нашел кольцо с ключами и через минуту вошел в темную пустую комнату. - Дафна? - негромко позвал он.

Ни звука в ответ. О'Лири заглянул в ванную, открыл дверцы шкафа, осмотрел прихожую.

- Все сходится, - пробормотал он. - Круппхим - Горубль сказал, что она исчезла. Но куда? - Он пе-

ресек комнату, вошел в эркер и уставился в угол. Ковер- самолет Марк IV бесследно исчез. - Почему я, старый дурак, его не спрятал? Понадеялся на устройства Микропчика, болван самоуверенный, и решил, что справлюсь за пять минут и убегу вместе с Дафной. А теперь я здесь застрял, и даже если найду ее, на чем мы улетим?

Лафайет вышел из комнаты, закрыл за собой дверь. Часовой

пришел в сознание и что-то бормотал себе под нос. О'Лири невольно прислушался.

- ...не виноват я, начальник, как же это можно улететь из башни, коли ты не птичка? А во дворе ни одного кусочка нет, так что я считаю, этой дамы тут вовсе не было...

- Гм-мм... - пробормотал Лафайет. - Верно подмечено. Действительно, как ей удалось бежать? Разве что на Марке IV. Но ведь это невозможно. Кроме меня, никто не может им воспользоваться.

- А? - Стражник, держась за шею, принял сидячее положение.

- Брошу пить. Обязательно. То в обморок падаю, то голоса какие-то слышатся...

- Ерунда, - раздраженно заявил Лафайет. - Ничего тебе не слышится.

- Фу, слава богу! А то ведь и рехнуться недолго. - Цепляясь за стенку, солдат поднялся на ноги. - Надо бы выпить по этому поводу.

«Теперь я ничем не могу помочь леди Андрагорре, - подумал Лафайет. - Но. - боже всемогущий, я совсем забыл о Свайнхильде! Бедная девочка, одна, в темноте…»

Он кинулся вниз по лестнице.

Коридор, высеченный в скале, был узок и извилист. Лафайет шел мимо запертых на тяжелые засовы дверей, за которыми томились потерявшие надежду пленники в грязных лохмотьях, с отросшими бородами, лежащие на гнилых соломенных матрасах. Вдоль стен горели тусклые лампочки по пятнадцать ватт. В самом конце коридора путь преграждала массивная дверь, запертая на несколько ржавых замков.

Значит, так… правое крыло дворца- где-то близко. - примерно здесь…

Лафайет нашел место, на котором появился, первый раз выйдя из камеры, и принялся внимательно изучать стену. Ему вовсе не хотелось повиснуть в воздухе или вновь оказаться во дворе. Неожиданно он услышал сзади чьи-то крадущиеся шаги. В ту же секунду О'Лири включил плоскоход, сделал несколько шагов в темноту и

вернулся в нормальное состояние.

- Свайнхильда? - негромко позвал он. - Свайнхильда?

За его спиной послышался негромкий звон и шуршание одежды, потом появилась полоска света, постепенно расширяющаяся. В дверном проеме возник силуэт мужчины в помятой шляпе и со связкой ключей в руках.

- Лафайет! - прошипел раздраженный голос. - Ты здесь?

- Лоренцо! - воскликнул О'Лири. - Откуда? Я думал...

- Значит, ты все-таки вернулся, - сказал Лоренцо, облегченно вздыхая. - Как раз вовремя! Я уже третий раз спускаюсь в эту вонючую дыру! Пойдем скорее. Когда- нибудь мое везение кончится.

- Как тебе удалось бежать?

- Когда ты ушел и даже не попрощался, я понял, что в камере есть потайной ход, и в конце концов обнаружил на потолке небольшую дверцу. С тех пор меня могли сцапать тысячу раз. Наверное, ты был прав, когда говорил, что этот мир реален. И играть в кошки-мышки с солдатами понравилось мне куда больше, чем спать с мышами в камере. Пойдем!

- Не могу. Леди Андрагорра исчезла...

- Она со мной. Сидит за окном на Марке IV. Полезная вещь, должен тебе сказать. Нет, хорошо все- таки, что я сплю, иначе никогда не поверил бы, что ковры-самолеты существуют на самом деле. Послушай, долго тебя ждать?

- Прекрасно! - проворчал О'Лири. - Подразумевалось, что он настроен на мою личную длину волны...

- Не шуми. Солдаты играют в карты на верхней площадке лестницы.

- Подожди минутку, - попросил Лафайет. - Мне необходимо задержаться, чтобы...

- Ты в своем уме? Я всем рискнул, даже не зная, вернешься ты за мной или нет, повинуясь никчемному чувству ответственности, которое помешало мне удрать на Марке IV и бросить тебя в беде, а ты собираешься задерживаться! Делай что хочешь, я пошел! - Он швырнул ключи на пол.

- Жди меня на ковре, - прошипел Лафайет вдогонку, подхватывая ключи на лету и выходя в коридор.

Отперев первую дверь, он распахнул ее и тут же захлопнул, услышав из темноты разъяренное рычание, напоминающее рев гризли. Мгновением позже дверь сотряслась от тяжелого удара. Во

второй раз О'Лири повел себя осмотрительней и сначала заглянул в щелку.

- Свайнхильда!. - шепотом позвал он и был вознагражден удивленным и радостным восклицанием. Зашуршала солома, запахло чесноком, и теплое-тело прижалось к его груди.

- Лэйф, а я думала, ты меня бросил. Мускулистые руки с удивительно мягкой кожей обвили его шею. Нежные губки прижались к его губам.

- Ммммхххххнннммммм, - сказал О'Лири, но внезапно понял, что испытываемое им ощущение никак нельзя назвать неприятным. Кроме того, он просто не имел права оскорбить бедную девушку, отказавшись принять ее дружескую благодарность... В течение тридцати секунд Лафайет добросовестно исполнял свой долг.

- Ну же, Лэйф, хватит, не время сейчас, - сказала Свайнхильда, с трудом, переводя дыхание. - Давай сначала удерем из тюрьмы, слишком она похожа на мой дом. Держи завтрак. Он мне всю грудь натер.

О'Лири машинально сунул промасленный пакет в карман, взял девушку за руку и повел за собой по темному коридору, стараясь двигаться бесшумно. Внезапно они услышали грубые голоса, крики, взволнованное восклицание, похоже,

произнесенное Лоренцо, и женский визг.

- Скорей! - Лафайет побежал вперед.

Звуки борьбы, тяжелого дыхания и увесистых Ударов слышались все отчетливее. О'Лири завернул за угол и увидел своего бывшего товарища по камере, которого пытались скрутить двое высоких стражников. Третий крепко держал леди Андрагорру за талию.

Один из стражников швырнул Лоренцо на пол и поставил ему ногу на спину, не давая подняться. Солдат, державший девушку, увидел О'Лири, поперхнулся, открыл рот…

Лафайет запахнулся в плащ, сделал шаг вперед, утопил кулак в солнечном сплетении ближайшего стражника и ударил носком сапога по бедру второго. Увернувшись от обоих солдат, нелепо размахивающих руками в воздухе, он подскочил к третьему и резко стукнул костяшками согнутых пальцев по почке. С удовлетворением услышав дикий вопль, Лафайет взял леди Андрагорру за руку.

- Не бойтесь, я - ваш друг, - прошептал он и потащил девушку за собой, лавируя между ругающимися солдатами. Один из них попытался схватить ее за плечо, - получил сильнейший удар в челюсть и отлетел к стенке, медленно оседая на

пол. В это время из-за угла появилась Свайнхильда и широко открытыми от изумления глазами посмотрела прямо сквозь О'Лири.

- Лэйф, - выдохнула она. - Откуда ты взял эту шляпу?

- Скорее! Спускайся на следующую лестничную площадку и посади леди Андрагорру на ковер за окном, - крикнул Лафайет и подтолкнул девушек друг к другу.

- Ой, Лэйф, я и не знала, что ты чревовещатель! - восхищенно воскликнула Свайнхильда, но О'Лири, не дослушав, подбежал к своему товарищу по несчастью, стоявшему на четвереньках в неизменной шляпе, окончательно помятой и со сломанным плюмажем. Рывком подняв на ноги ничего не соображающего Лоренцо, у которого был подбит глаз и шла кровь из носа, Лафайет подтолкнул его вслед за женщинами.

- Я задержу этих клоунов, пока вы сядете на ковер! - крикнул он. - Поторопитесь!

Сделав шаг вперед, О'Лири подставил ножку первому солдату, бросившемуся вдогонку за беглецами; ударил ребром ладони по шее второго; потом повернулся и побежал вниз по лестнице.

Он увидел за окном лицо Свайнхильды, которая тянула за руку полуоглушенного Лоренцо,

никак не желавшего перекидывать ногу через подоконник.

- Ты кто такая? - бормотал он. - Аспера Адастра, королева Мюзик-холла? Все равно не люблю тебя, люблю Бев… леди Андрагорру. Или все-таки Беверли?

- Не бойся, она на борту, - сказала Свайнхильда, резко откидываясь назад. Лоренцо описал короткую дугу и скрылся из виду. Из темноты послышались приглушенные возгласы.

Когда Лафайет подбежал к окну, в шести футах от него Марк IV медленно провисал под тяжестью трех копошащихся тел.

- Перегрузка вышла. - Голос Свайнхильды звучал совсем тихо и казался каким-то далеким. - Видно, здесь один лишний, и, ох, Лэйф, наверное, мы не увидимся больше. Прощай… и спасибо тебе за все.

И на глазах замершего от ужаса Лафайета она соскользнула с ковра, а Марк IV, мгновенно выпрямившись, скрылся в ночи.

* * *

- Ох, нет, - взмолился Лафайет. - Она не умрет, она опустится на балкон, зацепится за прутья… - Он быстро высунулся из окна и посмотрел вниз.

Изящная фигурка, зацепившаяся за развесистый куст, непонятным образом выросший из голой скалы, раскачивалась в пятнадцати футах от него. - Свайнхильда! Держись!

О'Лири перекинул ногу через подоконник и начал быстро спускаться, используя неровности камня. Добравшись до девушки, он схватил ее за кисть руки и, подняв на узкий уступ, поставил рядом с собой.

- Дурочка, -сказал он, едва отдышавшись. - Зачем ты это сделала?

- Лэйф... ты... ты за мной вернулся, - ответила она дрожащим голосом и улыбнулась, глядя на него заплаканными глазами. - Но-, тогда Ее светлость осталась совсем одна.

- С ней Лоренцо, черт бы его побрал, - успокоил ее Лафайет, поеживаясь от холодного ветра и внезапно понимая, в каком опасном положении они очутились.

- Лоренцо? Кто это?

- Придурок в мятой шляпе. Вбил себе в голову, что леди Андрагорра - его девушка, которую зовут Беверли. Он давно хотел увезти ее в какой-то домик, но ему помешали люди Круппхима.

- Знаешь, Лэйф, я совсем запуталась. Слишком все стремительно происходит, ни минуты покоя.

Не гожусь я, наверное, для светской жизни.

- И я тоже, - рассеянно сказал Лафайет, глядя на уходящую ввысь каменную стену и переводя взгляд на черную пропасть внизу. Он крепко ухватился за шероховатый выступ пальцами и закрыл глаза.

- Куда пойдем, Лэйф? - спросила Свайнхильда. Лафайет попытался подтянуться, сделал неосторожное движение, поскользнулся и повис на руках, изо всех сил прижавшись к скале и стараясь дышать как можно ровнее, чтобы не потревожить камней и не вызвать обвала. Он вновь нащупал уступ ногами. Порывы ледяного ветра пронизывали насквозь, раздували юбку Свайнхильды, как парус.

- Единственное, что нам может помочь, - сказал он приглушенным голосом, - это хоть какая-нибудь дверь неподалеку.

- Вот эта не подойдет? - громко спросила Свайнхилъда.

- Какая?

О'Лири осторожно повернул голову и увидел в десяти футах слева дубовую дверь на тяжелых железных петлях.

- Попробуем! - изумленно пробормотал он. - Это - наш единственный шанс.

Разжав плохо слушающиеся пальцы, Лафайет осторожно нащупал сбоку от себя небольшой камень и продвинулся на шесть дюймов. Через пять минут, показавшихся ему вечностью, он ухватился за пучок травы, растущей рядом с дверью, и с бесконечной осторожностью взялся за ее ручку.

Он дергал, тянул, толкал, пытался поднять, опустить и сдвинуть ее в сторону. Бесполезно. Лафайет застонал.

- Ну почему я не пожелал об открытой двери, пока у меня была такая возможность?

- Попытайся постучать, - предложила Свайнхильда сдавленным голосом.

О'Лири заколотил в дверь кулаком, не обращая внимания на мелкие камешки, посыпавшиеся из-под его ног.

- Поторопись, Лэйф, - спокойно сказала Свайнхильда, подобравшаяся к нему почти вплотную. - По- моему, я падаю.

О'Лири заколотил еще сильнее.

- Наверное, нет смысла прощаться во второй раз, - вздохнула Свайнхильда. - Но все равно знай, что я рада была с тобой познакомиться. Ты один обращался со мной, как с порядочной девушкой...

- Свайнхильда! - Глядя, как она начинает скользить вниз, Лафайет откинулся назад, поймал ее за руку, удержал на месте. Он почувствовал, что сейчас упадет…

Раздался щелчок, протяжный скрип, и дверь открылась, обдавая его потоками теплого воздуха. Коренастый гном, уперев руки в боки, стоял и смотрел на них, нахмурившись.

- Ну, долго вас ждать? - рявкнул Микропчик. - Входите!

Заскорузлая рука схватила Лафайета за шиворот и втащила внутрь вместе со Свайнхильдой.

* * *

- К-к-как ты здесь оказался? - выдавил из себя О'Лири, прислонившись к стене каменного тоннеля, освещенного факелами.

- Я прибыл сюда с бригадой сотрудников, чтобы осуществить конфискацию имущества за неуплату долгов. - Микропчик ронял

слова, будто гвозди заколачивал. - Мы сочли необходимым действовать быстро и решительно, пока он не успел опомниться.

- Здорово придумано, пупсик, - игриво сказала Свайнхильда.

- Опоздай ты на минуту, и нам крышка.

- Не смей называть меня «пупсиком», девчонка! - взъярился Микропчик. Вынув из кармана большой носовой платок, он вытер лоб и звучно высморкался. - Я запретил этому дураку, Жмохрюте, доставлять товар по неоплаченным счетам, а ему в одно ухо влетело, в другое вылетело. Жаден, как черт, а в результате остался с носом.

- Ты хочешь конфисковать Стеклянное Дерево?

- Ни за что. «Пока существует шанс получить с Круппхима валютой, нам не нужен этот белый бронтозавр. Я собираюсь изъять последнюю партию товара, которую мы, по своей наивности, ему доставили.

- Как вовремя ты появился, Микропчик! Послушай, Круппхима необходимо немедленно арестовать! Он не тот, кем кажется с первого взгляда. Вернее, он именно тот, кем с первого взгляда кажется! Он меня узнал, понимаешь, а это значит, что Круппхим на самом деле не Круппхим, а его двойник, король Горубль, но он, конечно, не знает, что я знаю, что он не знает, что…

- Угомонись, сэр! - перебил его Микропчик. - Я опоздал. Этот шулер нам все карты спутал: удрал за несколько минут до нашего появления, прихватив с собой самое ценное.

Одиннадцатая

- Опять не повезло, - простонал Лафайет, взявшись за голову.

Он сидел за столиком сверкающей гостиной Стеклянного Дерева. Несколько слуг и солдат нерешительно переминались с йоги на ногу, не решаясь, в отсутствие хозяина, выпроводить наводнивших замок коротышек. Повара покинули сверхсовременные кухни, но Свайнхильде удалось состряпать яичницу с ветчиной и сварить кофе. Гномы из бригады Микропчика уныло сидели за соседними столиками, мысленно подсчитывая потери. Представитель Аякса обиженно произнес:

- А мне тогда что сказать? Этот обманщик, втершийся в наше доверие, по уши залез в долги. За последние три года, ссылаясь на какие-то грандиозные планы, он заставил Аякс выполнить огромное количество заказов. Разумеется, в кредит. И вдруг он исчезает за несколько минут до моего появления, оставляя здесь весь этот хлам. - Для пущей убедительности Микропчик помахал рукой. - Кто оплатит счета?

- Почему он так внезапно отказался от своих планов? - задумчиво произнес Лафайет. - Может, он меня испугался? Доложи я в Централь,, что Горубль принялся за старое, ему несдобровать.

Микропчик нахмурился и недоуменно посмотрел на О'Лири.

- Послушай, друг, ты хочешь сказать, что знаешь о Централи? Но... это второй по важности секрет спецмастерских Аякса!

- Еще бы мне не знать! Я-ее внештатный сотрудник, - ответил Лафайет. - Но Горубль наверняка струсил и, отправив меня спать, удрал вместе со своей свитой. А я до такой степени одурел от усталости, что почти ничего не соображал. И когда разобрался, что к чему, было поздно. - Он с трудом выпрямился, откидываясь на спинку стула, и опять застонал. - Если б я, старый дурак, вместо того, чтобы спасать леди Андрагорру, сразу отправился к Горублю, то давно был бы дома!

- Не убивайся ты так, Лэйф, - сочувственно сказала Свайнхильда. - Ты сделал все, что мог.

- Нет, не все! - Лафайет ударил кулаком по столу. - Может, мне еще удастся его опередить. Он не знает, что я знаю, что я знаю, а я знаю... К черту! Короче, он не знает, что я знаю, кто он такой! И он не знает, что у меня неограниченный кредит

в Аяксе!

Микропчик, с тревогой смотревший на О'Лири, при последних его словах встрепенулся.

- Кто сказал, что у тебя Кредит в Аяксе? - возмущенно спросил он.

- Э-э-э... в создавшейся ситуации... ведь у нас одна цель, вывести Круппхима-Горубля на чистую воду...

- Гм-мм... - пробормотал Микропчик. - Разумеется, кредит будет строго ограничен. У тебя есть определенный план?

- Мне необходимо вернуться в Миазмы и предупредить Родольфо. Может, вдвоем нам удастся остановить Горубля. Дело за тобой, Микропчик. Поможешь?

- Почему не помочь? Только не забудь, что ты нам должен за доставку в Стеклянное Дерево и прочие мелкие услуги...

- Мы обсудим этот вопрос позже. Мне предстоит долгий путь, а время не ждет.

- Постараюсь устроить тебя на поезд метро, в котором мы приехали, - неохотно сказал Микропчик. - Хотя, конечно, посторонним вход в него строго запрещен.

- Метро? Ты хочешь сказать, что от комплекса Аякс до Стеклянного Дерева проложена подзем-

ка?

- Естественно. Я же говорил, что никогда не доверял принцу, потому что у него глаза…

- В таком случае, - зловещим тоном произнес О'Лири, - почему ты заставил меня лететь на ковре, Марк его IV, самолете? Я мог сломать себе шею!

- Все хорошо, что хорошо кончается, - примирительно сказал Микропчик. - Мне нужно было провести отвлекающий маневр, чтобы Круппхим не догадался о задуманной мною операции по изъятию его собственности. И когда еще мог мне предоставиться случай испытать оборудование в полевых условиях? Пойдем. Сам говорил, время не ждет.

Крохотный, словно игрушечный, вагончик метро проносился по извилистым пещерам, громко стуча колесами. Свайнхильда, скрючившись на узком сидении, спала как убитая, и в конце долгого путешествия ее пришлось разбудить. Девушка охала и ахала, пока они шли мимо гигантских цехов, мастерских, лабораторий, вдыхая непонятные ей запахи, глядя на кипучую работу, не прекращавшуюся даже ночью.

- Я слышал сказки о гномах, которые работают под горой, - признался Лафайет, - но мне всегда

казалось, что это - маленькие бородатые человечки, кующие золото на наковальнях.

- Мы давно модернизировали производство, Везунчик, - объяснил Пешкороль. - В результате только последние сто лет производительность труда увеличилась на восемьсот процентов!

Они миновали помещения, отведенные для администрации, и спустились на склад, где группа техников, повинуясь указаниям Микропчика, развернула на полу небольшой темно-зеленый ковер.

- Марк XII, последняя модель, - гордо заявил начальник лаборатории. - Ветровое стекло, магнитофон с наушниками, ремни безопасности, мягкое сиденье.

- Дурацкий ковер, - убежденно сказала Свайнхильда. - А я где сяду?

- Ты не полетишь, - резко ответил О'Лири. - Слишком опасно.

- Нет, полечу! Попробуй меня не пустить!

- Я не позволю тебе рисковать жизнью на этой половой тряпке!

- А я не собираюсь торчать на этом идиотском заводе и ходить пополам согнувшись, чтоб не расшибиться о потолок!

- Конечно, нет, мадам, - сказал Пешкороль.

- Фицпромах, разверни Марк XIII, двухместный. - Он вызывающе посмотрел на О'Лири. - Если кто-нибудь считает, что меня можно оседлать и поехать, взвалив на мои плечи заботу о кобыле на два фута выше меня ростом, он ошибается. К тому же, - мстительно добавил он, - мне ее не прокормить.

- Ну... раз так-. - сдался Лафайет. Прошло десять минут, в течение которых техники тщательно проверяли рабочие контуры ковра-самолета и регулировали взлетно- посадочное устройство. Потом Марк XIII вынесли на балкон и развернули.

- Половая тряпка? - вполголоса фыркнул Микропчик. - Он безопаснее океанского лайнера. Только не гони больше шестидесяти первые несколько миль, и не забудь, что управление осуществляется голосом.

- Конечно, конечно, - рассеянно пробормотал Лафайет, ежась от холода и плотнее запахиваясь в подбитый мехом плащ-невидимку.

Свайнхильда уселась сзади, обхватив его руками за талию.

- Поехали! - сказал О'Лири.

У него появилось знакомое ощущение тошноты. Ковер выровнялся, ложась на заданный

курс. Ледяной ветер засвистел в ушах, огни Аякса начали удаляться и исчезать вдали.

- Ты ведь не сердишься, что я тебе навязалась? - прошептала Свайнхильда, прижавшись к начинавшему замерзать Лафайету.

- Нет, - буркнул он, не оборачиваясь. - Только, ради бога, не вмешивайся в мои дела. Круппхим удрал, испугавшись, что я его узнаю и в бараний рог скручу с помощью пси-энергий. - О'Лири иронически хмыкнул. - Узнать-то я его узнал, но он понятия не имеет, что у меня не осталось и крупицы былой силы.

- Зато тебе везет, - успокоила его Свайнхильда, - а это - самое главное. Если б не дверь в скале...

- Странное везение, - задумчиво сказал О'Лири. - В парке я нашел маскарадный костюм, а до этого, на баркасе - кухонный нож, который появился в критический момент. У меня возникает ощущение, что опять удалось сфокусировать пси-энергию, но когда я пытаюсь еще раз что-нибудь изменить, ничего не получается. Ужасно раздражает.

- Да, трудное это дело, Лэйф, быть героем. Но раз взялся - терпи.

- Герой? Я? - О'Лири скромно рассмеялся. - Нет, Свайнхильда, ты ошибаешься. Герои любят опас-

ности, вечно суют нос не в свое дело, шляются по свету в поисках разных приключений, а я хочу одного: мира и покоя.

- Но ведь это так просто, Лэйф. Разверни ковер и полетим на юг. Я слышала, там очень красивые острова. Построим шалаш, будем ловить рыбу, собирать кокосовые орехи…

- Может, ты и права, Свайнхильда. Но сначала я должен посчитаться с мерзавцем Круппхимом! Горубль проклятый! Ничего на свете не пожалею, лишь бы он оказался у меня в руках! Представляю его физиономию, когда я скажу, что мне известно, кто он такой! О, если б мне до него добраться…

- Осторожно! - воскликнула Свайнхильда, глядя на белую стену, приближающуюся к ним с угрожающей скоростью.

Лафайет закричал, приказывая Марку XIII подняться, но поздно. Ковер резко наклонился влево, скользнул по сугробу, подпрыгнул и скачками понесся вниз по склону горы, вздымая за собой туманный шлейф снега. Свайнхильда крепко обхватила Лафайета руками, ремень безопасности врезался ему в ребра, встречный ветер ударил в лицо со страшной силой.

Подпрыгнув на глыбе льда, ковер пролетел по воздуху и упал в глубокий снег. О'Лири с трудом

выпрямился и увидел прямо перед собой движущиеся огни, неясные фигуры, услышал хриплые голоса, стук копыт…

- Это… ты! - заикаясь, произнес знакомый голос. - Как… почему… откуда. - Когда я уезжал, ты сладко храпел в моих самых роскошных апартаментах! Что ты здесь делаешь?

- Думал меня надуть? - задыхающимся голосом произнес Лафайет. - Фигу с два. Ваше высочество! Я знаю, кто ты такой и что задумал… - Он заерзал, пытаясь освободиться, но внезапно понял, что ковер, непонятным образом завернувшийся вокруг тела, туго спеленал его по рукам и ногам.

- П-послушай, мой мальчик, - неуверенно сказал Горубль, жестом приказывая солдатам отойти в сторону. - Давай договоримся. Ты ведь отхватил тепленькое местечко, зачем же мне мешать? Сам понимаешь, как тяжело королю превращаться в простолюдина. Почему бы тебе не проявить милосердие? С твоей помощью я снова смогу занять трон Артезии и в долгу не останусь. Хочешь, я подарю тебе Меланж?

- Дудки! - ответил О'Лири, лихорадочно пытаясь высвободить одну руку. - На Артезии я могу получить все, что захочу. С какой стати я буду тебе помогать?

- Но здесь ты станешь властелином мира. Земли, моря, полезные ископаемые, женщины, наконец, - все будет твоим.

- Остаться на Меланже? Ты сошел с ума! С тех пор, как я попал в эту дыру, меня преследуют одни несчастья!

Горубль открыл рот, собираясь что-то сказать, но передумал. Склонив голову набок, он внимательно посмотрел на О'Лири.

- В таком случае, мой мальчик, почему ты ничего не предпринял?

- Э-э-э…

- Насколько я помню, ты оказался в затруднительном положении, когда моя стража тебя захватила. А сейчас, судя по манере твоего появления, похоже, ты перестал быть хозяином своей судьбы. - Экс- король задумчиво потер подбородок. - Ты - Лафайет О'Лири, я видел кольцо. Только у тебя есть печатка с изображением топора и дракона. Но… - тут голос, его стал вкрадчивым, как у тигра, собирающегося плотно пообедать, -…мой дорогой мальчик, ты случайно не потерял способности манипулировать вероятностями по желанию?

- Конечно нет! Я… я только что изъявил желание побеседовать с тобой, и вот… я здесь.

- Вот именно. Весь в снегу и с очередной шишкой на голове. Итак, сэр Лафайет, прежде чем мы возобновим переговоры, не угодно ли тебе будет продемонстрировать свое мастерство? Например, я бы не отказался продолжить беседу за бутылкой вина в небольшой палатке с теплой печкой.

- Ерунда. Не собираюсь тратить времени на всякие глупости.

- Хорошо. Тогда что-нибудь попроще, скажем, веселый костер в пещере неподалеку. - Горубль неопределенно махнул рукой в пелену падающего снега.

- К чему столько сложностей? - пробормотал Лафайет. - Лучше сдайся мне в плен, а я обещаю замолвить за тебя словечко Фитильзаду...

- Признавайся! - прошипел Горубль вполголоса, наклоняясь к самому лицу О'Лири. - Ты ничего не можешь! Даже сейчас ты абсолютно беспомощен! Признавайся!

- Вовсе нет, - отчаянно закричал О'Лири. - Мои силы в полном моем распоряжении!

- Что ж, тогда попробуй выбраться из ковра. Лафайет дергался, извивался, выкручивался, но добился того же результата, что муха в паутине. Горубль расхохотался.

- Замечательно! Просто замечательно! Значит,

мои ночные треволнения яйца выеденного не стоят! Я не знаю, как тебе удалось проникнуть в мои планы, сэр О'Лири, но вреда тут

большого нет. Скорее наоборот... - Он перестал смеяться, задумался и кивнул головой. - Вот именно. Ты подал мне прекрасную мысль. С какой стати я буду себя ограничивать каким-то Меланжем? Почему бы не расширить мою империю, включив в нее все измерения Континуума? Что скажешь? И кстати, куда подевалась капризная милашка, которую ты у меня украл?

- Ты никогда ее не найдешь, - угрюмо ответил О'Лири.

- Упрямишься? Ничего, мой мальчик, скоро ты по- другому запоешь. О, нас с тобой ждет не одна дружеская беседа! На службе моего подданного, герцога Родольфо, состоит очень искусный человек, некто Стонруб, который быстро развяжет тебе язык!

Горубль резко повернулся, громким голосом отдал приказ. Солдаты в красных мундирах подбежали, подняли Лафайета на ноги, развернули ковер...

- Баба! - воскликнул один из них, с изумлением глядя на появившуюся из-за спины Лафайета Свайнхильду, у которой зуб на зуб не попадал

от холода.

Горубль весело рассмеялся.

- Наконец-то мне пошла карта! - вскричал он. - Это судьба подает знак не сворачивать с избранного пути! Я выиграю, ты слышишь? - Он поглядел по сторонам, сияя счастливой улыбкой, в то время как ухмыляющиеся солдаты, схватив девушку за руки, оттащили ее от О'Лири. Марк XIII остался лежать на снегу, оставленный без присмотра. Лафайет рванулся, что было сил, и хотя был немедленно схвачен, успел поставить ногу на заснеженный край ковра и громко крикнул:

- Лети домой! Полный вперед, никуда не сворачивая!

Марк XIII захлопал краями, разбрасывая снег и сосульки, подпрыгнул на шесть футов в воздух, завис, отряхиваясь как собака после купания, а затем, ловко увернувшись от подпрыгнувшего солдата, взмыл вверх и исчез в снежной пелене.

- Колдовство! - взвыл солдат, падая на спину.

- Глупости! - рявкнул Горубль. - Знаем мы эти штучки. Значит, ты связался с вымогателями из Аякса, сэр Лафайет? Ничего, разберусь и с ними, и с Меланжем, дай только срок.

- Слишком ты высокого о себе мнения, - презрительно сказал Лафайет. - В прошлый раз тебе

не удалось захватить власть, и сейчас ничего не выйдет.

- Привяжите этого выскочку к седлу, - приказал Горубль капитану стражи. - Может, холод и сознание собственного бессилия научат его хорошим манерам.

* * *

- Эй, друг, никак опять ты? Давно не виделись, - весело приветствовал О'Лири добист герцога Родольфо, глядя, как четверо стражников швырнули Лафайета, скорее живого, чем мертвого, на деревянную скамью рядом с большой жаровней, на которой лежали раскаленные добела с полдюжины щипцов и кусачек.

- Ммнннрррггггхххх, - выдавил из себя Лафайет, не в силах шевелить губами и пытаясь придвинуться поближе к огню. - Жги меня, только дай погреться!

- Как скажешь, друг, так и будет. Погоди-ка, я соображу, на чем мы остановились. - Послышался звук рвущегося полотна: это Стонруб скреб щеку. - Ладно, уговорил, начнем с прижигания, потом разгоним кровь по телу стальной плеткой, а напоследок распнем тебя на раме, чтоб все тело загуляло. Неплохо придумано?

- Замечательно, - еле ворочая языком сказал Лафайет. - Двух мнений быть не может. Скажи, а ты не мог бы для начала немного помешать угли?

- Вот это правильно, друг. Так держать! Послушай, только для тебя: хочешь, испытаем новое оборудование? Прислали мне давеча гидравлический пресс для суставов, сплошная автоматика. Закручивает все подряд, от бедренных костей до костяшек пальцев. А может, оставим пресс и аппарат для снимания кожи на потом? После них обратного хода нет, сам понимаешь. Нельзя же допустить, чтобы ты покинул нас навсегда, пока не расколешься. Герцог, бедняга, так прямо рвал и метал, как ему хотелось выведать все твои секреты.

- Это не герцог, а мерзавец Круппхим вбил себе в голову, что я все ему расскажу, - объяснил Лафайет. - Послушай, Стонруб, как сознательный гражданин ты должен бороться против принца Круппхима, а не помогать ему. Он собирается захватить власть и использовать Меланж как плацдарм для нападения на Артезию!

- Политика, - извиняющимся тоном ответил Стонруб, - никогда не была моим хобби. Правительства уходят и приходят, а спрос на добистов только растет.

- Неужели ты не патриот? - вызывающе спросил О'Лири. - Этот человек - маньяк. Он разорит Меланж, уничтожит запасы сырья, не оставит ресурсов...

- Все понимаю, друг, как не понять? Послушай, если не возражаешь, давай начнем, а о патриотизме поговорим, пока я работаю. Скажи, тебя не затруднит снять рубашку и встать к этой дыбе?

- М-можно я с-с-начала погрею ноги?

- Прекрасная мысль. Я помогу тебе снять ботинки, и мы осторо-ож-ненько раздвинем лодыжки, придавая им оптимальное положение. Слишком близко, и будет куча дыма; слишком далеко - не тот эффект. Так что...

- Послушай, почему бы мне сразу во всем не признаться? - торопливо спросил О'Лири. - И тебе хлопот меньше. Итак, с чего начать? Как я очутился на мельнице две недели назад? Или три? Точно не помню. А может, рассказать, как я жил себе припеваючи, о чем любой нормальный человек может только мечтать, но был этим недоволен? Или...

- Эй, друг, постой! Подожди! - вполголоса произнес Стонруб, нервно оглядываясь по сторонам. - Что ты делаешь? Хочешь, чтобы я лишился работы?

- Ничего подобного. Просто сегодня вечером настроение у меня такое разговорчивое.

- Сейчас утро. Эх, друг, у тебя все в голове перепуталось.

- Утро, вечер - какая разница? Мне хочется говорить день и ночь, не умолкая. Итак…

- Шшшшш! - Стонруб приложил толстый палец к выпяченным губам. - У тебя нет сердца! Знаешь, сколько завистников метят на мое место? Если ты начнешь болтать до того, как я тебя одним крючочком тронул, кое-кто начнет поговаривать о сокращении штатов. А я, друг, слишком стар, чтобы переквалифицироваться. Будь человеком, помолчи хоть немного, ладно?

- Я… я вот что тебе скажу, - предложил Лафайет, косясь на дымящиеся щипцы в волосатой руке добиста. - Ты на несколько минут отложишь в сторону свои железяки, - мне бы хотелось поупражняться по системе йогов, чтобы по достоинству оценить твою виртуозную работу, - а я попытаюсь на время придержать язык.

- Ничего не скажу, что благородно, то благородно. Спасибо, друг.

- Не стоит благодарности. Чем могу. Кстати, ты ничего не слышал о молодой девушке, которую привезли в замок одновременно со мной?

- И слышал, и видел. Если ее малость помыть, девочка будет что надо. По-моему, твой приятель, принц Круппхим, хочет подзаняться с ней отдельно. - Добист подмигнул.

- Гадина! - яростно сказал Лафайет и стиснул зубы. - Стонруб, ты ведь честный человек. Неужели ты потерпишь, чтобы этот грязный жулик использовал тебя в своих интересах?

Добист вздохнул.

- Эх, повидал я идеалистов на своем веку. Вы, юноши, весь мир хотите вылечить от болезней. Но с возрастом начинаешь разбираться, что к чему. Вот я, например, искусный техник, и этом горжусь. Я всю душу в работу вкладываю, чтобы потом не стыдно было людям в глаза смотреть, и чтобы люди смотрели на мою работу, а я стоял с гордо поднятой головой. Теперь ясно? И раз уж мы о работе заговорили, не пора ли начинать, а то старый плут Родольфо может появиться в любую минуту и начнет скандалить...

- Он уже появился, - холодно произнес герцог Родольфо, заходя в камеру.

Стонруб подпрыгнул на месте и резко повернулся. - Ну и ну! - воскликнул он. - Чего это вы крадетесь как кошка, Ваша светлость? Вы меня так напугали, что я и работать больше не смогу.

- Добист вытянул руки и стал внимательно смотреть, не дрожат ли пальцы.

- Не имеет значения. Его высочество окажет тебе честь своим посещением. Подтянись и попытайся произвести на него хорошее впечатление, как и подобает человеку твоей профессии…

- Услышав шаги в коридоре, герцог умолк. - Ах, сюда, сюда, мой принц, - елейным голосом произнес он, выдавливая улыбку. - К сожалению, наша скромная камера пыток не оборудована по последнему слову техники, но…

- Да, вижу, - перебил его Круппхим, появляясь собственной персоной в сопровождении двух лакеев, которые согнулись до такой степени, что, казалось, чистили ему сапоги. Маленькие глазки забегали по камере, остановились на Лафайете. Принц фыркнул.

- Оставь нас, Руди, - приказал он. - И забери с собой этих шутов гороховых. - Пинком ноги Круппхим отшвырнул одного из лакеев, пытавшегося что-то поправить в складках одежды. - А ты останься, - обратился он к Стонрубу.

- Но я не успел показать вам новые…

- Мы разрешаем тебе удалиться! - рявкнул Горубль- Круппхим.

И пока свита, пятясь, торопливо выходила из

комнаты, принц подошел к поднявшемуся со скамейки О'Лири, оглядел его с головы до ног и засунул большие пальцы за усыпанный драгоценными камнями пояс, выпятив нижнюю губу.

- Ну хорошо, сэр Лафайет, - тихо сказал он, явно не желая, чтобы их разговор слышал добист, который переминался с ноги на ногу в углу камеры, полируя железный сапог. - Последний шанс. Твоя ценность - минус твои бывшие способности - практически равна нулю, но все же я могу тебя использовать. События последних нескольких часов в корне изменили мои планы. Подумаешь, Меланж! Как ты справедливо заметил, это - дыра. Надо мыслить масштабно! Когда-то, благодаря твоему вмешательству, я потерял трон Артезии. Сейчас ты поможешь мне вернуть его.

- Никогда, - устало ответил Лафайет. - Вспомни, как ты обошелся с принцессой Адоранной. Тебя закидают камнями, как только ты покажешься на Артезии, если, конечно, тебе удастся туда попасть, в чем я искренне сомневаюсь.

Горубль ткнул Лафайета пальцем в грудь.

- Откинь прочь свои сомнения, сэр Лафайет! Нет ничего проще, чем попасть на Артезию! Час назад я отослал нашим общим знакомым из Аякса чертежи Путепроходца, который будет готов

через несколько дней.

- Боюсь, тебя ждет разочарование. Ты - некредитоспособен. Насколько я понял, гномы собираются получать по счетам, а не брать тебя на иждивение.

- Правда? - спросил Горубль-Круппхим, расплываясь в улыбке и лаская пальцами большой бриллиант, вставленный в воротничок его манишки. - Благодаря любезности моего верноподданного, герцога Родольфо, я получу новый кредит. Что же касается недружелюбного отношения ко мне со стороны артезианцев, я уверен, оно рассеется как дым, когда принцесса Адоранна публично объявит, что все предыдущие слухи обо мне - наглая ложь и клевета, распространяемая врагами народа; что я, на самом деле, единственный ее благодетель; и что - желает передать мне корону, как умудренному опытом монарху, который заботится лишь о благе государства.

- Она никогда этого не сделает, - не задумываясь, ответил Лафайет.

- Может быть, - спокойно сказал Горубль, кивая головой. Он опять ткнул пальцем в грудь, словно приглашая насладиться хорошей шуткой. - За нее это сделает Свайнхильда.

- При чем здесь Свайнхильца- - Лафайет умолк.

- Ты собираешься подменить ею Адоранну? - Он с сожалением посмотрел на своего собеседника. - Опомнись, Горубль! Свайнхильда - девушка хорошая, но ей никогда не удастся обмануть королевский двор.

Горубль повернулся, кивнул Стонрубу. Добист подошел к двери и что-то сказал. Послышались легкие шаги. Стонруб отступил в сторону, вскрикнул от изумления и низко поклонился воздушному созданью, вошедшему в комнату. У О'Лири невольно открылся рот при виде изящной красавицы в роскошном платье, усыпанном драгоценными камнями, надушенной, элегантной, с золотистыми волосами, уложенными вороной на голове, и совершенными чертами лица.

- Принцесса Адоранна! - воскликнул он. - Откуда...

- Лэйф! С тобой все о'кэй, милый? - спросил взволнованный и озабоченный голос Свайнхильды.

- Придется немного поработать над ее лексиконом и дикцией, прежде чем вывести в свет, - спокойно заметил Горубль, - но это не в счет. Маленькая деталь.

- Свайнхильда... ты ведь не станешь помогать этому негодяю, правда? - настойчиво сказал Ла-

файет.

- Он... он говорил... если не помогу, он изрубит тебя на куски, Лэйф... и...

- Достаточно! Уберите ее! - взревел Горубль, покраснев от злости, и резко повернулся к О'Лири, в то время как Стонруб с поклоном выпроваживал девушку из комнаты. - Девчонка притворяется, чтобы ты не подумал о ней плохо, - сердито сказал он. - Она ухватилась за мое предложение обеими руками, чего еще ждать от кухарки? Естественно, она мечтает спать на шелковых простынях, кушать с золотой посуды...

- А что ты собираешься сделать с настоящей Адоранной?

- При межпространственном переносе, - ответил Горубль, хитро улыбаясь, - нельзя нарушать симметрии. Бывшая принцесса окажется на Меланже в роли обычной девки: достойное наказание за то, что она отняла у меня трон. - Горубль потер руки. - Как только я понял, кто ты такой, мой мальчик, передо мной распахнулись новые горизонты. Сначала я планировал захватить леди Андрагорру, чтобы держать в повиновении распоясавшегося болвана Родольфо. Но сейчас - другое дело. Она станет проходной пешкой в новой партии и не посмеет меня ослушаться,

впрочем, как и все остальные. И для тебя я тоже приготовил маленькую роль. - Лицо его стало суровым. Помоги мне, и сохранишь свое место в королевском дворце Артезии. Откажись, и тебя ждет участь, которой никто не позавидует!

- Ты совсем спятил, если считаешь, что я буду помогать тебе в осуществлении каких-то жалких планов!

- Вот как? Обидно. А я было совсем решил - конечно, когда они мне больше не понадобятся, - передать тебе обеих женщин в полное твое распоряжение. Увы! Раз ты не хочешь помочь, придется подарить их более преданному слуге!

- Не посмеешь!

- Еще как посмею! - Горубль яростно погрозил пальцем. - Истинный секрет успеха, мой дорогой мальчик, - полная безжалостность. Я уже получил один хороший урок. Избавься я с самого начала от маленькой девочки - принцессы Адоранны - и маленького мальчика - принца Лафайета, - мне бы не пришлось сейчас ломать голову, как вернуть былое величие.

- Я не стану тебе помогать. - Лафайет закашлялся. - Делай, что хочешь. Централь все равно тебя поймает…

Горубль рассмеялся.

- Ты недооцениваешь изящество моего плана! Должен признать, что Централь, повсюду сующая нос, до сих пор сдерживала порывы моего богатого воображения. Но новое уравнение энергий полностью исключает возможность ее вмешательства. Ведь при переносе ничего не изменится: Адоранна и Дафна останутся на своих местах, только получат новые роли. В матрице вероятностей не возникнет дисбаланса, который мог бы привлечь внимание Централи в мирной Артезии, теряющейся в океане других измерений. Поверь, как бывший инспектор Континуума, я знаю, о чем говорю. А теперь будь благоразумен, соглашайся, и я честно разделю с тобой власть.

- А пошел ты к... - предложил Лафайет. - Без меня Свайнхильда никогда не согласится тебе помогать, а без нее - все твои планы рухнут.

- Как хочешь. - Горубль лукаво улыбнулся. - Я - человек сентиментальный, и предпочел бы видеть тебя в числе друзей, но у меня в запасе есть и другие варианты.

- Блеф! - презрительно сказал Лафайет. - Ты говорил, что заменишь Дафну леди Андрагоррой, но мне доподлинно известно, что ей удалось бежать.

Горубль сладко зевнул, повернулся к Стонрубу.

- Кстати, - сказал он. - Можешь не пытать изменника по поводу того, где находится леди Андрагорра. Ее схватили вместе с любовником полчаса назад, и я жду их с минуты на минуту. А этого бродягу - бросить в клетку Горога Прожорливого. Говорят, он несколько дней не получал пищи, а кушать всем хочется.

- Эх, не везет мне, друг, - пожаловался Стонруб, проводя Лафайета тускло освещенным коридором. - Нет, теперь совершенно ясно, что у меня куча завистников. Это у меня-то, который и мухи не обидит! Вот и говори после этого о долгих годах преданной службы! - Добист вздохнул и остановился у решетки с прутьями дюймовой толщины. - Порядок, он в своем логове и спит, так что не придется отгонять его электрическим прутом, когда открою дверь. Терпеть не могу мучить животных.

- Послушай, Стонруб, - сказал Лафайет, чувствуя зловонный запах и невольно отшатываясь от соломенного тюфяка, на котором валялись обглоданные кости, - ввиду нашей старинной дружбы, не мог бы ты выпустить меня с черного хода? Ведь герцогу необязательно знать…

- Оставить Горога без обеда? Мне стыдно за тебя, друг. Такое предложение не делает тебе

чести. - Добист приоткрыл дверь и, как О'Лири ни упирался, втолкнул его в клетку. - Прощай, друг, - сказал он, звеня засовами. - Эх, и тебе не повезло! Сколько секретов ты бы мог от меня узнать!

Когда шаги Стонруба замерли в отдаленьи, из темной ниши в стене раздался низкий гортанный рев. Лафайет резко повернулся и увидел углубление, напоминающее пещеру саблезубого тигра. В темноте засверкали маленькие красные глазки. Потом появилась голова - не с острыми клыками, как у тигра, и не тупая, как у медведя, а заросшая длинными волосами, падающими на человекообразное лицо, испачканное грязью и с жесткой щетиной на щеках и подбородке. Животное вновь зарычало.

О'Лири попятился. Голова приблизилась; стали видны массивные плечи, бочкообразный торс. Огромное существо поднялось на задние лапы, отряхнуло колени, уставилось на Лафайета голодным взглядом.

- Ха! - проревел глубокий низкий голос. - Я тебя знаю! Здорово ты меня надул, приятель, врезав веслом по голове!

- Хват! - Лафайет поперхнулся. - Как... как ты сюда попал? Я думал, это клетка Горога Прожорливого...

- Так оно и есть, голуба. Псевдоним. Пришел я в город, чтобы тебя разыскать, а ребятишки герцога засадили меня за бродяжничество. Я, конечно, очистил от них пару улиц, но потом притомился, а они возьми да кинься на меня со всех сторон сразу, да еще пушечное ядро на голову уронили. - Гигант нежно почесал затылок двумя пальцами.

- Ч-чтобы м-меня разыскать? - О'Лири вновь попятился и уперся в стену, не в состоянии проглотить бильярдный шар, почему-то застрявший в горле и мешавший воздуху проникать в легкие. - З-зачем?

- Должен же я с тобой рассчитаться, кэп. Не из тех я, кто бросает дело на полпути.

- Послушай, Хват, у меня на иждивении две беспомощные старушки, и я их единственная опора, - сказал Лафайет ломающимся голосом. - И вообще, нечестно, если все так глупо кончится.

- Кончится? Приятель, это только начало! - взревел Хват. - Чтобы мне с тобой как следует рассчитаться, понадобится куча времени!

- Чем я заслужил такую участь? - простонал Лафайет. - Ну что я такого сделал?

- Лучше подумай, босс, чего ты не сделал.

- Не сделал?

- Ага. Ты ведь не вышвырнул меня за борт лод-

ки, а мог. Хоть я и туго соображал, но все слышал: когда маленькая леди предложила от меня избавиться, ты сказал, что коли он без сознания, нельзя его швырять акулам.

- И т-такова моя н-награда?

- Точно, кэп. - Гигант положил руку на живот, из которого донеслось еще одно низкое рычание. - Это ж надо, я и не помню, когда последний раз жрал. Наверное, мои кишки скоро друг с дружкой начнут грызться.

Лафайет изо всех сил зажмурился.

- Слушай, давай скорее, а то я не выдержу и соглашусь на все условия Горубля. Начинай.

- Что начинать, голуба?

- Ешь м-м-меня, - сказал О'Лири, едва шевеля губами.

- Чтобы я тебя съел? - недоуменно спросил Хват. - Слушай, кэп, да ты не так понял. Как я могу слопать своего спасителя? О'Лири приоткрыл один глаз.

- Ты… ты не собираешься разрывать меня на куски?

- Зачем бы я стал это делать?

- Не имеет значения, - сказал Лафайет, чувствуя, как у него подкашиваются ноги и он оседает по стенке - пол. - Существуют темы, которые я пред-

почел бы не обсуждать. - Он глубоко вздохнул, сел поудобнее и посмотрел на гиганта, участливо наблюдающего за ним с восьмифутовой высоты. - Послушай, если ты действительно хочешь мне помочь, давай подумаем, как отсюда выбраться.

Хват почесал в затылке пальцем, толщиной с топорище.

- Ну...

- Можно пробить тоннель в стене, - предложил О'Лири, засовывая руку в щель между двумя огромными валунами. - Но это займет несколько лет, и у нас нет инструментов. - Он задумался.

- Может, в потолке есть потайная дверь?

Хват покачал головой.

- Всю неделю ходил согнувшись, чтобы не стукнуться. Цельнодубовая плита, четырехдюймовка.

- Э-э-э... тогда пол.

- Скала, шесть дюймов.

Следующие десять минут Лафайет ходил по камере, тщательно осматривая стены, дверь и нишу, и в конце концов устало облокотился о решетку.

- Надо смотреть правде в глаза, - с отчаянием в голосе произнес он. - Я проиграл. Свайнхильду заставят подчиниться, Адоранна станет посудо-

мойкой в Миазмах, Горубль захватит Артезию, леди Андрагорру поменяют на Дафну… а Дафну, может быть, подарят Родольфо или отдадут Лоренцо Счастливчику, которого зовут Ланцелот Долговязый.

- Эй, кэп, я тут кой-чего придумал, - сообщил гигант.

- Приляг, Хват, отдохни, - безжизненно сказал О'Лири. - Ничего тут не придумаешь.

- Ага. Но…

- Это самая настоящая пытка. Лучше бы ты разорвал меня на куски.

- Ага. Но если…

- Я должен был знать, что этим кончится. Нельзя все время удирать из тюрьмы; рано или поздно поймают и упрячут раз и навсегда.

- Конечно, мой план не такой, чтобы очень шикарный, но какого черта? - сказал Хват.

- Какой план? - тоскливо спросил О'Лири.

- Я тебе о том и толкую, кэп. Мой план.

- Валяй, говори.

- Ну, я вот что придумал… хотя нет, тебе, наверное, надо, чтобы был шик, вроде секретных тоннелей или дыр в потолке.

- Ничего, говори, не стесняйся.

- Ага… только не думай, я понимаю, что такому

джентльмену, как ты, это не подойдет, но- что скажешь, если я сорву дверь с петель?

- Сорвешь две... - Лафайет повернулся, посмотрел на стальную решетку и громко рассмеялся.

- Ну, конечно! Давай!

Гигант выпрямился, стукнувшись головой о потолок, схватился за толстые прутья, широко расставил ноги в сапогах шестидесятого размера, сделал глубокий вдох и рванул решетку на себя. Раздался неприятный визг металла, сопровождаемый диким скрежетом. Огромный камень вывалился из кладки стены и с грохотом рухнул на пол. С душераздирающим звуком, напоминающим столкновение двух «роллс-ройсов», притершихся боками на бешеной скорости, решетка покорежилась, изогнулась и выскочила из гнезд. Хват отшвырнул изувеченную решетку в сторону и спокойно вытер ладони о кожаные штаны.

- Это все ерунда, голуба, - сказал он. - Дальше что?

* * *

Лафайет, освобожденный от кандалов одним движением руки Хвата, шел по коридору вместе с гигантом мимо клеток, в которых сидели, болта-

ли или дрались заключенные с растрепанными волосами и дикими лицами. В камере пыток никого не было.

- Плохо, - сказал Лафайет. - Я рассчитывал, что Стонруб нам поможет.

- Ой, смотри, какие забавные! - воскликнул Хват, поднимая с жаровни набор острых как бритвы кусачек, предназначенных для постепенного откусывания носов и прочих мягких частей тела. - Мне всегда хотелось заполучить хорошие щипчики для ногтей.

- Послушай, Хват, нам необходимо составить план действий,

- сказал О'Лири. - Если мы начнем шататься по дворцу, нас опять схватят и закуют в кандалы. Все помещения наводнены солдатами Родольфо и личной охраной Горубля. Нам необходимо организовать диверсию, чтобы отвлечь их внимание, а тем временем выкрасть Свайнхильду и леди Андрагорру.

- Эй, вы! - проорал громкий голос в глубине коридора. - Я требую адвоката! Я требую американского консула! Я требую, чтобы мне разрешили позвонить по телефону!

- Похоже на Лоренцо... - Лафайет кинулся к камере, из которой доносились вопли. Человек

с ван- дейковской бородкой и усиками, прической Эдгара Аллана По и высоким воротничком времен Гувера и Наполеона, тряс решетку, схватившись за прутья холеными руками.

- Эй, вы... - он недоуменно посмотрел на О'Лири. - Э-э-э... я случайно вас не знаю?

- Лоренцо? - Лафайет улыбнулся. - Все-таки тебя сцапали? Когда мы последний раз виделись, ты меня бросил на произвол судьбы, а сам, конечно, удрал. Зачем ты нацепил этот дурацкий костюм и бороду?

- Не болтайте глупостей, - заявил узник наглым голосом, который раздражал Лафайета еще в темной камере Стеклянного Дерева. - Не ваше дело, но меня зовут Лафкадио. И вообще, кто вы такой? Могу поклясться, мы где-то встречались...

- Не валяй дурака, - сердито сказал Лафайет. - Нам с Хватом удалось бежать, но леди Андрагорра...

- Насколько я понимаю, речь идет о Цинтии. Значит, вы тоже участник заговора? Номер не пройдет! Не смейте даже на пушечный выстрел подходить к моей невесте...

- Мне казалось, ее зовут Беверли. Впрочем, неважно. Если я тебя выпущу, поможешь нам устроить небольшую диверсию? Мне необходимо

незаметно пробраться в глубь дворца.

- Выпускайте скорее! - взвыл бородач. - Об условиях позже договоримся!

- Хват! - позвал Лафайет. - Займись. - Он пошел по коридору. Заключенные с любопытством следили за каждым его движением. - Послушайте, ребята! - сказал О'Лири. - Нам с приятелем удалось освободиться. Если я вас выпущу, обещаете ли вы бегать сломя голову по коридорам, нападать на стражников, бить мебель и посуду, вопить во все горло и шуметь как можно больше?

- О чем речь, мистер!

- Конечно обещаем!

- Считай, что договорились!

- Вот и прекрасно. - Лафайет быстро вернулся к Хвату, дал соответствующие указания, и через несколько мгновений гигант принялся деловито крушить тюрьму. Заключенные постепенно заполняли камеру пыток. Внезапно Лафайет увидел Лоренцо, успевшего избавиться от нелепого маскарадного костюма.

- Послушай, Лоренцо, - сказал О'Лири, проталкиваясь сквозь толпу, - почему бы нам с тобой... - Он умолк, поймав на себе изумленный взгляд бывшего товарища по камере, лицо которого впервые видел при хорошем освещении.

- Эй, приятель! - послышался голос Хвата. - А я- то думал, ты пошел в другую сторону... У-угх, - Гигант растерянно завертел головой, глядя то на Лафайета, то на его собеседника.

- Ребята, может, я немного не того, но кто из вас мой босс, с которым я сидел в камере?

- Я, Лафайет, - ответил О'Лири. - А это - Лоренцо...

- Какая чушь! Меня зовут Лотарио, и я не имею чести быть знакомым с питекантропами. - Он презрительно посмотрел на Хвата.

- И чего ты мне сразу не признался, что у тебя есть брат-близнец? - укоризненно спросил Хват.

- Брат-близнец? - воскликнули они в один голос.

- Ага. Скажи-ка, парень, чего ты так вырядился? Может, ты артист?

Лафайет буквально пожирал глазами Лоренцо, или Лотарио, одетого в кожаный пиджак, облегающий кожаный жилет, грязную рубашку и помятые брюки.

- Он совсем на меня не похож, - высокомерно заявил О'Лири.

- Может, есть отдаленное сходство, но я не шныряю глазами и выражение...

- Я на тебя похож?! - восклицал в это время Дру-

гой. - Мы недостаточно хорошо знакомы, чтобы я выслушивал подобные оскорбления. Где ближайший телефон- автомат? Я немедленно подам рапорт министру, и ваше осиное гнездо хебефреников засадят в сумасшедший дом, прежде чем вы успеете сказать «ноблесс оближ».

- Эй, Лафайет! - перекрывая шум толпы, прозвучал громкий голос.

О'Лири повернулся. Двойник человека, с которым он только что беседовал, разве что подругому одетый, махал рукой. Лафайет невольно посмотрел назад. Тот, кто называл себя Лотарио, затерялся среди толкающихся людей.

- Как ты здесь оказался? - спросил подошедший Лоренцо. - Впрочем, я рад, что тебе удалось выпутаться. И спасибо, что помог нам удрать от Крупхима. Беверли, бедная девочка, все мне рассказала. Она была так смущена недоразумением в спальной, что совсем забыла спросить, как тебя зовут...

- А тебя как зовут? - спросил Лафайет, чувствуя, что постепенно начинает сходить с ума.

- Что? Конечно Лоренцо!

Лафайет уставился в голубые глаза, посмотрел на прядь каштановых волос, прилипших ко лбу, красиво очерченный рот с такой знакомой ма-

ленькой родинкой на губе...

- Как... - Он поперхнулся и сглотнул слюну. - Как твоя фамилия?

- О'Лири. А в чем дело?

- Лоренцо О'Лири, - пробормотал Лафайет. - Я должен был сразу догадаться. Если у Адоранны, Болтошки, Дафны и Никодима имеются двойники, то чем я хуже?

Двенадцатая

- Эй, парни! - громовой голос Хвата вывел обоих О'Лири из оцепенения. - Пора сматывать удочки, а то самое смешное пропустим!

Лафайет обернулся. Камера пыток почти опустела, и толпа заключенных с воплями неслась по коридору, честно выполняя взятое на себя обязательство.

- Послушай, Лоренцо, позже разберемся, кто есть кто, - предложил Лафайет, вслушиваясь в отдаленные крики и звон бьющейся иосуды. - Прежде всего необходимо спасти леди Андрагорру и Свайнхильду от Круппхима-Горубля. Он составил безумный план по захвату власти на Артезии и, к сожалению, может его осуществить. Теперь я понял, почему мой отказ его не опечалил. Он мог обмануть Свайнхильду в любую минуту, показав ей тебя, моего двойника. Ладно, бог с ним, сейчас не до этого. Я попытаюсь проникнуть в кабинет Родольфо и рассказать ему о заговоре. Может, еще не поздно. Хочешь, пойдем вместе? Один из нас обязательно дойдет, а я объясню по дороге, в чем дело. Согласен?

- Если ты действительно понимаешь, что здесь происходит, я с тобой пойду. Только не забудь, руки прочь от Беверли!

- Мне казалось, ее зовут Цинтия, - пробормотал О'Лири, выходя из камеры вслед за Лоренцо. Хват шел сзади. Судя по взволнованным крикам в отдаленьи, толпа схватилась со стражниками.

- Сюда, - сказал Лафайет, указывая на боковой коридор. - Попробуем обойти их с тыла.

- Послушай, никак не пойму, какое отношение ты имеешь ко всей этой истории? - чуть задыхаясь от быстрого бега, спросил Лоренцо.

- Поверь, никакого! - с чувством ответил Лафайет. - Я жил себе тихо-спокойно во дворце Артезии, не совал нос в чужие дела и вдруг очутился на Меланже, где мне сразу предъявили обвинения по всем статьям уголовного кодекса... - Свернув направо, он начал подниматься по винтовой лестнице. - Я думаю, это ты во всем виноват: нас перепутали. Похоже, ты не терял времени даром, слишком уж рьяно полицейские за меня взялись...

- Мне было сделано очень выгодное предложение, - пыхтел Лоренцо, не отставая ни на шаг и чувствуя сзади дыхание Хвата.

- Круппхим... предложил мне бесплатный

проезд на родину… и обещал еще одну льготу, а именно, оставить в живых… если я выполню его задание. Он приказал… прокрасться в спальную… леди Андрагорры… и выманить ее из города… Ну вот… я проник в замок… подкупил стражников… но затем увидел… что это - Беверли… У нас не было времени поговорить, но я передал ей записку… назначил свидание в избушке… как велел Круппхим. Но дальше я решил… внести изменения в программу.

- Он тебя… надул, - ответил Лафайет, запыхавшийся не меньше Лоренцо. - Не знаю… как ему удалось… заманить тебя к Родольфо… но сомневаюсь… чтобы в его намерения входило… отправить тебя… в Соединенные Колонии.

Лестница кончилась, и они очутились в широком коридоре. Шум драки слышался со всех сторон.

- Гм-гм… по-моему, нам сюда, - сказал Лафайет, поворачивая налево. Они сделали несколько шагов, когда за их спиной раздался выстрел, сопровождаемый оглушительным ревом. Лафайет обернулся. Хват потирал голову и смотрел на лестничную площадку внизу.

- Ах вы, гады! - заорал он и прыгнул вниз.

- Хват! - вскричал Лафайет, но в следующую

секунду услышал громовой удар и звуки начавшегося сражения.

- Пойдем отсюда, - предложил Лоренцо и побежал по коридору налево. Лафайет не отставал. Стражник в красном мундире неожиданно вышел из-за угла, вскинул ружье к плечу…

- Не смей стрелять, идиот! - взвыл Лоренцо. - Ты испортишь обои! - И пока растерявшийся солдат стоял с отвисшей челюстью, они накинулись на него с двух сторон и повалили на пол. Ружье выстрелило, и украшенный фресками потолок пошел трещинами. - Говорил я тебе, испортишь обои, - сказал Лоренцо, стукая стражника головой об пол.

Быстро добежав до главной лестницы, они поднялись на два этажа, свернули в устланный коврами коридор, который, по счастью, не охранялся, и подошли к двери кабинета, в котором Лафайет провел когда-то вечер с герцогом Родольфо.

- Только говорить буду я, - не успев как следует отдышаться, сказал Лафайет. - Мы с Родольфо - старые друзья-собутыльники.

Внезапно дверь в небольшом холле, расположенном футах в двадцати от кабинета, распахнулась, и в ней появился Круппхим в окружении

четырех стражников. Принц остановился и презрительно бросил через плечо:

- Это приказ, а не просьба, Руди! Изволь явиться вместе со своими министрами в Зал приемов для подписания законов о всеобщей мобилизации, сборе денежных средств и конфискации продовольственных и прочих товаров, или я повешу тебя на стене собственного замка!

Бывший узурпатор Артезии величественно запахнулся в подбитый соболем плащ и прошествовал по коридору в сопровождении телохранителей.

- Поговорили! - пробормотал Лоренцо. - Что будем делать?

Лафайет нахмурился и закусил губу.

- Ты знаешь, где находится Зал приемов?

- Двумя этажами выше, в южном крыле дворца.

- Судя по шуму и грохоту, там кипит сражение.

- Ну и что? - спросил Лоренцо. - В любом случае, лучше не соваться в политику. Пока интриганы развлекаются, мы незаметно проберемся к Беверли и поможем ей бежать.

- Для осуществления своих планов Горубль обязательно прикажет привести Даф... леди Андрагорру и Свайнхильду в зал. Мы должны

действовать, пока не поздно.

- Каким образом? Нас только двое, а в замке - целая армия.

- Не знаю... Теперь на Родольфо нельзя рассчитывать, но все равно мы должны что-нибудь придумать. Пойдем. Время не ждет!

Ровно через двадцать пять минут Лафайет и Лоренцо сидели на крыше дворца, в тридцати футах над высокими окнами Зала приемов, в котором должны были совершиться великие события.

- Кто первый? - спросил Лафайет. - Я или ты?

- И оба мы погибнем, - пробормотал Лоренцо, осторожно перегибаясь через парапет. - Это невозможно. Карниз в трех футах от окна.

- Хорошо. Я пойду первым. Если со мной- - Лафайет с трудом проглотил слюну. - Если я упаду, Лоренцо, не сдавайся! Помни, леди Андрагорра, я имею в виду Беверли, надеется на твою помощь! - Он осторожно перекинул ногу через ограждение, избегая смотреть вниз, и приготовился к спуску.

- Подожди! - сказал Лоренцо. - Металлическая перекладина может перетереть веревку. Надо бы подложить что-нибудь мягкое.

- Держи! - Лафайет быстро скинул куртку, которую ему дали в Аяксе, помог Лоренцо свернуть ее и подпихнуть под веревку, украденную деся-

тью минутами раньше из какого-то служебного помещения.

- Жаль, что нет кожаных перчаток, - заметил Лоренцо. - И хорошей страховочной петли. И ботинок с шипами.

- И я забыл застраховать жизнь на миллион, - перебил Лафайет. - Хуже некуда, но мне пора. Хватит болтать! - Он схватился за веревку, стиснул зубы и скользнул вниз.

Холодный ветер обрушился на его незащищенную спину. Волокна тяжелой веревки впились в ладони как колючая проволока. Освещенное окно приблизилось. Неожиданно Лафайет ударился о стену с грохотом, от которого могла проснуться вся округа. Не обращая внимания на боль и подкатившую к горлу тошноту, он скользнул по веревке последние несколько футов, нащупал ногами карниз и, болтаясь в воздухе между двумя окнами, приготовился слушать. Изнутри доносились шарканье ног, возгласы, шум голосов.

- …не представляю, зачем понадобилось внеочередное заседание кабинета министров, - произнес мужской тенор. - Разве что для рассмотрения вопроса о моем назначении министром Маникюрных Дел Его высочества…

- Глупости! - возразил разгневанный баритон.

- Наверняка будет рассмотрено заявление о моем назначении министром Бороды и Усов господина герцога. Однако странно, что торжественная церемония назначена на столь поздний час.

- Долго тебе придется ждать, пока Его высочество отрастит усы или бороду, - насмешливо ответил тенор. - Но тише… они идут.

В наступившей тишине прозвучали фанфары. Послышались вежливые аплодисменты, за которыми последовало неразборчиво сделанное заявление. Затем раздался скрипучий голос герцога Родольфо.

- Собрались здесь… эту историческую минуту… переполняющая наши сердца радость… неслыханная честь… представить… несколько слов… внимание…

Вновь зазвучали фанфары, вежливые аплодисменты…

- Я не намерен выдавать желаемое за действительное, - с пафосом произнес Горубль. - Интересы нации… безопасность государства… необходимо принять срочные меры…

Лафайет перестал слушать, недоумевая, почему веревка начала неожиданно дергаться у него в руках. Через несколько секунд наверху появился Лоренцо.

- Остановись! - прошипел Лафайет, как раз в тот момент, когда пара тяжелых сапог опустилась ему на плечи и потянула вниз.

- Чшшш! Лафайет, ты где?

- Ты на мне стоишь, кретин! Немедленно слезай!

- Слезать? Куда?

- Мне плевать, куда! Слезай, куда хочешь, пока я еще держусь за веревку и мы оба не грохнулись!

Сверху до него донеслось тяжелое дыхание, пыхтение, и ноги, одна за другой, поднялись с его плеч.

- Ну вот, теперь я повис как муха, - дрожащим голосом произнес Лоренцо. - Что мне делать?

- Заткнись и слушай!

- Прекрасная леди будет удостоена чести стать моей женой, - объявил Горубль. - Я пригласил вас, моих верноподданных, засвидетельствовать это знаменательное событие. - Он сделал многозначительную паузу. - Итак, готов ли кто-нибудь из присутствующих назвать причину, по которой я не мог бы немедленно вступить в священный союз с леди Андрагоррой?

- Ах ты, грязный обманщик! - взорвался Лафайет.

- Ах ты, грязный обманщик! - раздался злобный

крик герцога Родольфо. - Мы так не договаривались! Выскочка ты несчастный!

- Арестовать предателя! - взревел Горубль.

- Что случилось? - прошептал Лоренцо, когда накал страстей в зале достиг апогея.

- Круппхим сжульничал и объявил о своей женитьбе на леди Андрагорре. Родольфо возражает, а Круппхим возражает против его возражений!

Крики усилились; голос Горубля, отдающего приказы, заглушали визги женщин, проклятья придворных и яростный вой Родольфо. Веревка дернулась, и Лоренцо очутился рядом с Лафайетом на шатком карнизе:

- Отойди! - закричал он. - Мое терпение лопнуло! Я покажу этой сволочи, где раки зимуют!

- Эй! - взвыл Лафайет. - Потише!

- Я ему покажу потише, будь он проклят! - И разъяренный Лоренцо заехал сапогом в стекло, разлетевшееся вдребезги, а секундой позже исчез за тяжелыми портьерами.

- Бедный дурачок! - простонал Лафайет. - Его в порошок сотрут, а это никак не поможет Дафне, я имею в виду Беверли, то есть Цинтии... или леди Андрагорре?

Он наклонился, мельком увидел волнующуюся толпу; солдат в красных мундирах, теснящих

придворных во фраках и смокингах; стремительно пробирающегося вперед Лоренцо...

В самый последний момент Горубль повернулся и получил сильнейший удар кулаком в глаз. Принц смешно замахал руками, стараясь сохранить равновесие, а телохранители в ту же секунду навалились на драчуна.

- Вот и все, - пробормотал Лафайет. - Хорошо хоть, он успел съездить ему по физиономии.

- Ах вот ты как! - взревел Горубль, прикладывая к поврежденному глазу большой кружевной платок. - Ну, погоди, Лоренцо, мой мальчик! Горога уже покормили, но он не откажется от добавки! И прежде, чем умереть, ты станешь свидетелем моего брачного союза с леди Андрагоррой, которой до чертиков надоели твои дурацкие ухаживания! Я доставлю тебе это удовольствие!

- М-м-м-миледи Андрагорра, - объявил дрожащий голос глашатая, и шум голосов внезапно затих. Толпа расступилась. Небесное созданье в подвенечном платье появилось в сопровождении двух престарелых подружек невесты, крепко державших ее за локти.

- Продолжайте церемонию! - вскричал Горубль, с которого слетел весь его внешний лоск. - Сегодня - моя свадьба, завтра - я повелитель вселенной!

* * *

Лафайет прильнул к стене, стуча зубами при каждом порыве ледяного ветра. «Руки, как крюки, - подумал он. -А пальцы - замороженные креветки. Только бы удержаться за веревку,-а то костей не соберешь». Прижавшись подбородком к холодному камню, он рассеянно слушал монотонный голос, произносивший слова свадебного обряда.

- Почему все так плохо кончилось? - пробормотал он. - Почему я влип в эту дурацкую историю? Почему Фитильзад отказался мне помочь и загадал какую-то загадку? Бессмысленные стишки, которые даже не рифмуются… От Бронкса миллионы едят до Майами - Ключ к этой загадке, конечно… что? Что рифмуется с Майами? Маме? В яме? Сами? От Бронкса миллионы едят до Майами - Ключ к этой загадке, конечно… конечно…

В зале опять завопили:

- Беверли, скажи ему нет! Даже если он пообещает перерезать мне глотку, когда ты ему откажешь!

Послышался тупой удар и звук падающего тела. Крик Лоренцо оборвался.

- Не волнуйся, дорогая, - нежным голосом проворковал Горубль. - Эй, как тебя там, продолжай!

- С-согласна ли ты, леди Андрагорра?

- Нет, - прохрипел О'Лири, - это невыносимо! Я ничего не могу сделать, а ведь до сих пор мне везло! Я обнаружил дверь в скале, и маскарадный костюм, и... - Он умолк, лихорадочно пытаясь вспомнить что-то очень важное. - Думай! - приказал он себе. - Почему я решил, что мне везло? Совпадения такого рода называются управлением вероятностями, и никак иначе. А следовательно, везение здесь ни при чем, и мне несколько раз удавалось сфокусировать пси-энергию и повлиять на события. Подведем итоги. Иногда у меня получалось, но чаще всего - нет. В чем же дело? Что общего было в тех случаях, когда получалось?

- Нюхательную соль! - ревел Горубль за окном. - Бедная девочка от счастья упала в обморок!

- Бесполезно! - простонал Лафайет. - Ничего не приходит в голову. Я могу думать только о несчастной Дафне и Свайнхильде, прелестном дитя, хотя от нее иногда и попахивало чесноком-. ЧЕСНОК... Чеснок всегда ассоциировался с волшебством и заклинаниями, - лихорадочно забормотал О'Лири. - А заклинания - это непрофессиональная попытка управлять космическими энергиями! Значит, чеснок? А может, дело в

Свайнхильде? Но Свайнхильда не рифмуется с Майами. Впрочем, чеснок тоже с ним не рифмуется. К тому же от нее пахло чесноком, потому что она все время делала бутерброды с колбасками… САЛЯМИ! - взревел Лафайет. - Ну, конечно! От Бронкса миллионы едят до Майами - Ключ к этой загадке, конечно, салями! - Он поперхнулся, чуть не слетел с карниза, но вовремя ухватился за веревку и прижался к стене.

Салями было подо мной, когда я придумал нож, и мы кушали его, разговаривая о маскарадном костюме, и я сунул его в карман, перед тем как Свайнхильда упала с ковра-самолета! Значит, мне необходимо… О'Лири почувствовал, как ледяная рука сжала его сердце. - Карман. Бутерброды лежат в кармане куртки, а я оставил ее наверху, чтобы не перерезало веревку!

- Ничего страшного, - ответил он сам себе. - Придется залезть на крышу.

- Залезть на крышу? Мои руки превратились в лед, я слаб как котенок, и…

- Поднимайся.

- Я- я попытаюсь.

Огромным усилием воли Лафайет заставил себя подтянуться и повис в воздухе. Он совсем не чувствовал рук, а тело налилось свинцовой

тяжестью.

- Бессмысленно.

- Поднимайся.

Каким-то чудом он вскарабкался на один фут. Потом преодолел шесть дюймов. Отдохнул и продвинулся еще на один дюйм. Веревка натянулась и ударила его о стену. Лафайет поднял голову: странное темное пятно, лежавшее на парапете, полоскалось по ветру.

Словно зачарованный он смотрел, как куртка заскользила, высвобождаясь из-под веревки, свесилась с перекладины, распахнув полы, подползла к самому краю; ветер яростно накинулся на нее, подтолкнул, и она стала медленно падать, прощально махая пустыми рукавами.

В диком прыжке Лафайет бросился в пустоту. Его вытянутые руки схватили куртку, прижали ее к груди, пальцы с трудом нащупали карман, сомкнулись на жирном пакете. - Ветер свистел в ушах с бешеной скоростью…

- Чудо! Любое чудо! Но только скорее! Страшный удар обрушился на О'Лири. Вселенная закружилась с грохотом и визгом, вспыхнула яркими огнями я погасла. Все погрузилось во тьму.

- Это просто чудо, - сказал знакомый голос, и Лафайет с удивлением подумал, что еще жив.

- Насколько я понимаю, он упал с крыши, ударился о карниз и катапультировал через окно, свалившись прямо на голову Его высочества, который услышал непонятные звуки и подбежал узнать, в чем дело.

- Разойдитесь, ему нечем дышать! - рявкнул другой знакомый голос, и Лафайет понял, что глаза у него открыты, и он видит лицо Лоренцо, немного разодранное, но такое же раздраженное, как всегда. - По крайней мере, ты мог бы посвятить меня в свои планы, - заявил второй О'Лири. - Я уже начал волноваться, что с тобой приключилась беда.

- Вы... вы просто восхитительны, сэр! - проворковал нежный голос.

Ворочая глазами, как тяжелыми булыжниками, Лафайет посмотрел на Дафну (нет, леди Андрагорру), и его охватило ностальгическое чувство.

- Вы действительно меня... не знаете? - с трудом выговаривая слова, спросил он.

- Вы замечательный человек, похожий на того, которого я знаю, - мягко ответила она. - Это ведь вас я видела из окна кареты. Но должна признаться, сэр, мы с вами незнакомы, а значит, я тем более у вас в долгу.

- И я тоже. - Мужчина в широкополой шляпе

стоял рядом с леди Андрагоррой, одной рукой обнимая ее за талию, а другой - поглаживая короткую бородку и пышные усы. - Я думал, что просижу в темнице до судного дня, но вы пришли и освободили меня. - Нахмурившись, он внимательно посмотрел на Лафайета. - Хоть я и не вижу того сходства, о котором говорит моя невеста.

- Все верно, Лафайет, - с глубоким вздохом сказал Лоренцо.

- Этот тип взял верх. Он - гражданин Меланжа и зовут его Ланцелот. Насколько я понял, раньше он был герцогом, но Крупхим заменил его на Родольфо. Сейчас Ланцелот вновь пришел к власти и первым делом упрятал Крупхима за решетку. А леди Андрагорра вовсе не Беверли. - Он опять вздохнул. - Так что мы с тобой лишние.

- Свайнхильда, - пробормотал Лафайет, с трудом усаживаясь на пол. - С ней все в порядке?

- Здесь я, Лэйф! - вскричала бывшая кухарка. - Как сыр в масле катаюсь, а все благодаря тебе! - Она улыбнулась, сверкая бриллиантами на пышном платье, и отпихнула локтем доктора, который нервно переминался с ноги на ногу, пытаясь подойти к Лафайету. - Послушай, милый, почему ты так плохо выглядишь?

Мужчина с растрепанными волосами и в мя-

той одежде протолкался сквозь толпу, сверкнул на Лафайета глазами и остановился перед леди Андрагоррой.

- Как прикажешь тебя понимать, Эронна? Что это за волосатый Дон Жуан, ухватившийся за твой зад? Где ты взяла это платье? Куда мы попали? Что здесь происходит?...

- Эй, приятель, остынь! - Лоренцо взял незнакомца под руку. - Придется, видно, объяснить, что все мы...

- Пропади ты пропадом, кто Просил тебя вмешиваться? - Новоприбывший рванул руку и освободился. - В чем дело, Эронна? - обратился он к леди Андрагорре. - Почему ты делаешь вид, что никогда в жизни меня не видела? Это я, Лотарио О'Лири, твой суженый! Неужели ты все забыла?

- Вы имеете честь разговаривать с леди Андрагоррой, - сурово сказал усатый герцог Ланцелот. - И кстати, она моя суженая, а не ваша!

- Ах, вот как!

- Вот так, вот!

Придворные бросились разнимать взбудораженных спорщиков, пихающих друг друга в грудь, а Лафайет устало поднялся на ноги и, поддерживаемый Свайнхильдой, отошел в сторону.

- Знаешь, Свайнхильда, - сказал он, - наконец-то

мне повезло. Я снова обрел способность управлять космической энергией и скоро вернусь на Артезию. И я подумал - только пойми правильно, ведь меня ждет Дафна - хочешь, я заберу тебя с собой? Мы скажем, что ты - кузина Адоранны, а когда подучишься немного говорить и ходить, будешь блистать при дворе и устроишь свою жизнь...

- Но, Лэйф... разве тебе обязательно возвращаться?

- Конечно! Но я тебя не брошу, и если ты готова...

- Э-э-э... прощенья просим, мадам, - неуверенно произнес глубокий голос. - Извините, Ваша светлость, но я искал тут... то есть, я хочу сказать, я слышал, моя жена... то есть, я хочу на ней жениться, как только найду...

- Боров! - вскричала Свайнхильда. - Ты пришел! Значит, ты меня любишь?

- Свайнхильда! Святой Георгий... Иезабель... ты... вы... такая красивая!

- Гм-мм... - задумчиво сказал Лафайет, глядя на влюбленную пару, которая, обнявшись, отошла в сторону. - Домой, скорей домой! - Он нахмурился и принялся ощупывать карманы. - Проклятье! Я потерял салями! Должно быть, выронил пакет

между карнизом и головой Круппхима. - О'Ли-ри резко повернулся и нос к носу столкнулся с Лоренцо.

- Вот ты где! - воскликнул его двойник. - По-слушай, Лафайет, нам надо поговорить. Может, вдвоем удастся сфокусировать пси-энергию и отправиться по домам? Я скоро с ума сойду, глядя, как этот герцог тискает Андрагорру…

- Сначала помоги мне найти салями, - ответил Лафайет. - А там видно будет.

- Ты можешь думать о еде в такое время?! - Лоренцо фыркнул, но послушно отправился за Лафайетом, который спустился во двор под окна.

- Оно должно быть где-то здесь…

- Ради всего святого, почему ты не хочешь схо-дить на кухню?

- Послушай, Лоренцо, это звучит глупо, но саля-ми необходимо для управления вероятностями. Не спрашивай меня, почему, спроси бюрократа по имени Фитильзад.

Десять минут упорных поисков не принесли успеха. Салями как сквозь землю провалилось.

- Ты не помнишь, я держал пакет в руках, когда влетел в окно? - спросил Лафайет.

- Откуда мне знать? На моей спине сидели два солдата. Я очнулся, когда ты лежал без сознания,

а Ланцелот требовал возврата своих владений, шевеля усами.

- Придется вернуться.

Зал приемов почти опустел. Большинство придворных, поклявшихся в вечной верности новому герцогу, разошлись. Лафайет ходил из угла в угол, дергая людей за рукава и задавая один и тот же вопрос. В ответ он ловил недоуменные взгляды, а кто- то рассмеялся ему прямо в лицо.

- Кошмар какой-то, - сказал он подошедшему Лоренцо, расспросы которого тоже не увенчались успехом. - Подумать только, ведь спасение уже было у меня в руках!

- Что стряслось, Лэйф? - раздался у него за спиной голос Свайнхильды. - Потерял чего?

- Свайнхильда, ты не видела случайно нашего пакета с салями?

- Нет. Ты проголодался, милый? Подожди минутку, я у Борова спрошу. Он обожает колбаски и вечно таскает их в кармане.

Боров неторопливо подошел к ним, вытирая рукавом жирный рот.

- Меня звали? - осведомился он и звучно рыгнул. - Прощенья просим, от салями у меня всегда живот пучит.

Лафайет принюхался.

- Ты… ты ее съел?

- Так это была ваша, мистер О'Лири? Вы уж меня простите. Я вам еще лучше приготовлю, когда вернемся. В харчевне куча свиных ножек.

- Ну вот, - простонал Лафайет. - Опять я застрял. Видно, не судьба мне отсюда выбраться-. Бедная Дафна, неужели мы никогда не увидимся? - Он рухнул в кресло и закрыл лицо руками, вспоминая ее изящную фигурку, плавную походку, прикосновение пальцев…

* * *

В Зале приемов стало до странности тихо. Лафайет открыл глаза. На полу валялись обрывки бумажек и сигарные окурки, но

больше ничто не напоминало о недавнем присутствии здесь огромной толпы людей. Из холла доносился слабый шум голосов. Он вскочил с кресла, подбежал к высокой резной двери с серебряной ручкой, вышел в широкий коридор, устланный красным ковром. Какой-то человек - Лотарио, а может, Лоренцо, исчез за углом. Лафайет окликнул его, но ответа не получил и побежал вперед, заглядывая в комнаты.

- Свайнхильда! - громко позвал он. - Лоренцо! Кто-нибудь!

- Громкое эхо повторило его слова. - Неужели я опять оказался неизвестно где? - прошептал он. - Все исчезли и бросили меня одного Почему?

В боковом коридоре послышались шаги, и через мгновение Лафайет увидел группу гномов из Аякса во главе с маленьким толстячком в зеленых кожаных штанах и куртке спортивного кроя.

- Пешкороль! - воскликнул О'Лири, здороваясь с представителем отдела «Услуги Заказчикам». -Слава богу, хоть кто-то живой!

- Привет, Везунчик! Какой ты шустрый, спасу нет! Мы решили навестить Крупхима…

- Он в тюрьме.

- Вот и я говорю. Сам понимаешь, секретные операции мы проводим в полуфазе, чтобы избежать толп ненужных разговоров и прочих неприятностей, поэтому позволь спросить, как ты здесь очутился? Когда Марк XIII вернулся, мы решили, что тебе крышка.

- Долго рассказывать, Кроль, во… Послушай, мне в голову пришла блестящая мысль! Крупхим передал вам чертежи Путепроходца. Если вы его изготовите, я смогу вернуться на Артезию…

- Ты, Везунчик, совсем с ума сошел. И не мечтай. - Пешкороль замотал головой. - Если мы его

изготовим, Централь от нас камня на камне не оставит.

- Централь! Ну, конечно! Соедините меня с Централью, и я…

- Эх, Везунчик, Везунчик. Ничего не выйдет. Микропчик еле выкрутился, давая показания какому-то Задофилу - точно не помню, как его зовут - по поводу сверхсекретных космических данных, которые мы якобы передали Круппхиму. Сами на волоске висим, и чем меньше будем о себе напоминать, тем лучше!

- Но… куда все подевались?

- Видишь ли, мы доложили в Централь, что на Меланже дело нечисто. Они считают, что Круппхим, используя нашу аппаратуру, перетасовал пространство как колоду карт. Он перенес на Меланж одного парня по имени Лоренцо, намереваясь похитить леди А. и шантажировать Родольфо. Но произошла цепная реакция, и несколько дюжин возмутителей спокойствия стали появляться в одних измерениях и исчезать в других. В результате дисбаланса мог быть уничтожен весь Континуум! Централь, естественно, вмешалась и быстро навела порядок. Ума не приложу, как тебе удалось задержаться в полуфазе. Здесь вообще нет жизни, сам понимаешь.

Лафайет прислонился к стене и закрыл глаза.

- Я обречен, - пробормотал он. - Но... Послушай, Кроль, возьми меня в Аякс. Может, Микропчик что-нибудь придумает.

Ответа не последовало. Наступившая тишина показалась Лафайету подозрительной, и он открыл глаза. Пешкороль исчез вместе с гномами. В мягком голубом ковре даже не осталось вмятин на том месте, где они стояли.

- Голубой ковер! - недоуменно воскликнул О'Лири. - Мне казалось, он был красным. Единственное место, где я когда-то видел голубой ковер, это - дворец Лода...

Он резко повернулся, побежал по коридору, кинулся вниз по лестнице, перепрыгивая через ступеньки... пересек широкий холл... оказался на песчаной лужайке... Оглянулся и увидел сломанную вывеску на двери: «ЛАС ВЕГАС ХИЛТОН».

- Так и есть, - задыхаясь, пробормотал О'Лири. - Дворец, который Горубль выстроил для Лода. А это значит, что я на Артезии... или нет? - Он посмотрел на простирающуюся перед ним пустыню. - А может, я попал в сказочную страну? Впрочем, это легко проверить. От дворца Лода до столицы всего двадцать миль пути. Вперед.

* * *

Занималась заря, когда Лафайет, едва державшийся на ногах, проковылял последние несколько ярдов до харчевни «Одноглазый Мужик» на западных окраинах города.

- Красный Бык! - хрипло позвал он, делая слабую попытку постучать в тяжелую дверь. - Впусти меня!...

Из-за закрытых ставнями окон не доносилось ни звука. На лбу Лафайета выступил холодный пот.

- Никого нет, - пробормотал он. - Город призраков, пространство вне измерений. Меня выкинули с Меланжа, чтобы не нарушать космического равновесия, и оставили здесь, в заброшенном полумире...

Задыхаясь и прихрамывая, он шел по пустым улицам. На застывшей траве блестела утренняя роса. Где-то вдалеке крикнула птица. В парке среди аллей, кустов, цветочных клумб и лужаек высился мраморный дворец. В закрытых его окнах не шелохнулась ни одна занавеска. Не слышны были веселые голоса, никто не гулял по выложенным гравием дорожкам.

- Исчезли, - прошептал Лафайет. - Ушли в небы-

тие.

Он пересек лужайку, двигаясь, как во сне, миновал фонтан, из которого текла крохотная струйка воды. До его любимой скамейки было рукой подать.

Он посидит на ней немного, а потом… а потом-, кто знает, что будет потом?

Вот и цветущее миндальное дерево, а за ним… Она сидела на скамейке, накинув на нежные плечи серебристую шаль и теребя розу в руках. Глаза ее излучали свет. Самое чудесное лицо во всей известной ему вселенной озарилось улыбкой.

- Лафайет! Ты вернулся!

- Дафна- я… я… ты».

Они кинулись друг другу в объятия.

PETUP

РЕТИФ
Запечатанный приказ

«...Перед лицом многочисленных угроз миру и спокойствию, естественно возникающих ввиду сложной политической ситуации в Галактике, изобретенная и отшлифованная теоретиками Корпуса техника блестяще доказала свою ценность в тысяче тяжелых конфронтации. Даже анонимные младшие сотрудники, вооруженные чемоданчиками с подробными инструкциями, были в состоянии успокоить бурные воды с умением опытных мастеров переговоров. Подходящим примером служит четкое урегулирование консулом Пассуином внезапных осложнении жакско-земных отношений на Самане.»

Т. II, катушка 91, 480 г. а. э. (2941 г. н. э.)

- Конечно,- сказал консул Пассуин,- я просил назначить меня главой небольшой миссии. Но я думал, что это будет один из тех прелестных

курортных миров, где лишь изредка возникают проблемы с визами да одним-двумя терпящими бедствие космонавтами в год. И что получилось? Я вместо этого стал сторожем зоопарка из этих смешанных поселенцев, и, прошу заметить, не на одной планете, а на восьми.- Он мрачно взглянул на вице-консула Ретифа.

- - И все же согласитесь,- заметил Ретиф,- это дает прекрасную возможность попутешествовать.

- Попутешествовать! - хрюкнул консул.- Терпеть не могу путешествовать! Особенно здесь, в этой захолустной системке...

Он умолк, моргнул, глядя на Ретифа, и прочистил горло:

- Хотя для начинающего дипломата небольшое путешествие придется как нельзя кстати. Чудесный опыт.

Он повернулся к настенному экрану и нажал кнопку. Появилось трехмерное изображение звездной системы: восемь светящихся зеленых точек, вращающихся вокруг диска побольше, обозначающего звезду. Взяв указку, Пассуин показал на ближайшую к светилу планету.

- Ситуация на Самане явно предкризисная. Смешанные поселенцы - всего лишь небольшая кучка - сумели, как водится, нажить неприят-

ностей с туземной формой разумной жизни, жаками. Не могу понять, почему они вообще волнуются? Подумаешь, несколько жалких оазисов среди бесконечных пустынь. Однако я наконец получил полномочия, разрешающие предпринять определенные действия, из Штаб-квартиры Сектора.

Он развернулся лицом к Ретифу.

- Я отправляю вас, Ретиф, урегулировать эту ситуацию - в соответствии с секретным предписанием,- он взял толстый темно-желтый конверт.- Жаль, что там не сочли, нужным приказать земным поселенцам убраться неделю назад, как я предлагал. Теперь-то уже слишком поздно. От меня ждут чуда - восстановления дружественных отношений между землянами и жаками, да еще и разделения территории. Идиотизм! Однако неудача очень плохо скажется на моем послужном списке, поэтому я буду ожидать адекватных результатов и от вас.

Он вручил темно-желтый конверт Ретифу.

- Насколько я знаю, Саман был ненаселенной планетой,- заявил Ретиф,- пока не прибыли поселенцы с Земли.

- Очевидно, такое впечатление было ошибочным. Там живут жаки,- Пассуин навел на

вице-консула цепкий взгляд водянистых глаз.- Вы будете точно следовать инструкциям. В подобной деликатной ситуации никак нельзя допускать элемента импульсивности и импровизации. Данный подход подробно разработан в Штаб-квартире Сектора, и вам нужно всего лишь грамотно осуществить его. Надеюсь, все ясно?

- Кто-нибудь из Штаб-квартиры когда-нибудь посещал Саман?

- Конечно же нет! Там тоже все терпеть не могут путешествовать. Если больше нет никаких вопросов, то вам лучше поторопиться. Почтовый корабль покидает купол меньше чем через час.

- А на что похожа эта туземная форма жизни?

- Когда вернетесь,- ответил Пассуин,- расскажете.

Пилот почтовой ракеты, видавший виды ветеран с бакенбардами в четверть дюйма, сплюнул на замызганный пол каюты и склонился над самым экраном.

- Внизу-то постреливают,- определил он.- Вон, над краем пустыни пыхают белые дымки.

- Мне полагалось предотвратить войну,- сказал Ретиф.- Похоже, я немножко опоздал.

Пилот так резко повернул к нему голову, что чуть не сломал себе шею.

- Войну! - взвизгнул он.- Мне никто не говорил, что на Мане идет война. Если так, то я немедленно уматываю отсюда.

- Погодите,- остановил его Ретиф.- Мне надо приземлиться. По вам стрелять не будут,

- Само собой, не будут, сынок. Я не дам им такой возможности,- он протянул руку к пульту и принялся нажимать на клавиши. Ретиф схватил его за запястье:

- Возможно, вы меня не расслышали. Я сказал, что мне надо приземлиться.

Пилот рванулся, налегая на ремни безопасности, и попытался нанести Ретифу размашистый удар, который тот небрежно блокировал.

- С ума сошел? - завопил космонавт.- Ты представляешь, как там палят, раз я вижу это с высоты в пятьдесят миль?!

- Почта, знаете ли, все равно должна быть доставлена.

- А я не постоянный почтальон. Если уж ты так упорно настроен дать себя убить - возьми ялик. Я попрошу забрать останки в следующий рейс, если тут, конечно, прекратится стрельба.

- Ты настоящий друг. Ловлю тебя на слове.

Пилот прыгнул к люку спасательной шлюпки и после несложных манипуляций открыл его.

- Залезай. Мы быстро приближаемся. Этим типам может взбрести в голову вмазать высокую подачу.

- Спасибо,- Ретиф сунул за пояс пистолет.- Надеюсь, вы неправы.

- Я позабочусь о том, чтобы тебя забрали, когда стрельба прекратится,- так или иначе, но это я тебе уж точно обещаю.

Люк с лязгом захлопнулся; миг спустя ялик дернулся, отвалив от корабля, а затем последовали мгновения изрядной болтанки в кильватерном выхлопе дюз удаляющегося корабля-почтовика. Ретиф внимательно вглядывался в крошечный экран, положив ладони на панель сенсорного управления. Он стремительно снижался: сорок миль, тридцать девять…

На высоте пяти миль Ретиф безжалостно бросил легкое суденышко в режим максимального торможения. Вдавленный в амортизационное кресло, он следил за экраном и вносил мелкие поправки в курс. Поверхность планеты надвигалась с пугающей быстротой, Ретиф покачал головой и врубил аварийный реверсивный двигатель. Вдруг снизу - с поверхности планеты - потянулись по дуге ввысь точечки света, неумолимо приближаясь к нему. Он успел подумать, что

если это были обычные взрывные боеголовки, то метеоритные экраны ялика должны с ними справиться. Экран на приборной доске вспыхнул ярко-белым, а затем потемнел. Ялик подпрыгнул и перекувырнулся в воздухе; крошечную каюту стало затягивать дымом. Последовала серия безжалостных толчков и ударов, последнее, сотрясающее все кости столкновение, а потом наступила тишина, нарушаемая лишь потрескиванием раскаленного металла.

Кашляя, Ретиф выпутался из амортизационной паутины, нащупал в полу люк и с трудом открыл его. Его захлестнула волна жаркого воздуха джунглей. Он спрыгнул на ковер из опавшей листвы, поднялся на ноги… и упал пластом, когда над ухом свистнула пуля.

Он лежал, прислушиваясь. Слева явно кто-то крался. Ретиф осторожно прополз вперед и укрылся за широкоствольным карликовым деревом. Где-то выводила рулады ящерица. Жужжали кружащиеся в изобилии насекомые и разочарованно удалялись, почувствовав чуждую жизнь. В пяти ярдах от него снова зашуршала листва подлеска. Задрожал куст, потом опустилась ветка, Ретиф поспешил убраться обратно за ствол и отполз за упавшее дерево. В поле зрения появился осторож-

но двигавшийся коренастый человек в грязной кожаной рубахе и шортах, с пистолетом в руке.

Когда он прошел мимо него, Ретиф вскочил на ноги, перепрыгнул через ствол и бросился на незнакомца. Они вместе повалились наземь. Коренастый издал единственный короткий вскрик, а потом продолжал бороться молча. Ретиф перевернул его на спину и занес кулак.

- Эй! - закричал поселенец.- Да ты же такой же человек, как и я!

- Возможно, после бритья я буду выглядеть получше,- отозвался Ретиф.- С чего это вы затеяли стрелять в меня?

- Дайте встать. Меня зовут Поттер. За пальбу уж извините. Я решил, что это лодка хлопалей - выглядит точь-в-точь, как ихняя. Я выстрелил, когда увидел, как что-то двигается; не знал, что это землянин. Кто вы? Что вы здесь делаете? Мы почти у самого края оазиса. А там дальше уже страна хлопалей,- он махнул рукой в сторону севера, где лежала пустыня.

- Рад, что вы оказались плохим стрелком. Некоторые из этих ракет пролетели слишком близко, чтобы чувствовать себя уютно.

- Ракеты, да? Тогда это точно артиллерия хлопалей, у нас тут ничего подобного нет.

- Я слышал, что здесь заваривается настоящая война,- сказал Ретиф.- Никак не ожидал…

- Отлично! - перебил обрадованный Поттер.- Мы так и считали, что некоторые из ваших ребят с Айвори присоединятся к нам, прослышав о нашем бедственном положении. Вы с Айвори?

- Да, я…

- Эй! Вы, должно быть, родственник Лемюэля. Добрый вечер! Я чуть-чуть не совершил тяжелую ошибку. Лемюэль - человек крутой, ему трудно что-нибудь объяснить.

- Я…

- Пригните голову. У этих проклятых хлопалей есть ручное оружие. К счастью, довольно скверное. Идемте.

Он начал ползком пробираться сквозь кустарник. Ретиф последовал за ним. Так они преодолели двести ярдов пересеченной местности, прежде чем Поттер поднялся на ноги, достал насквозь промокший цветастый платок и вытер лицо.

- Для горожанина ты двигаешься неплохо. Я думал, вы - ребята с Айвори - просто сидите под куполом да считываете показания приборов. Но, полагаю, как родственник Лемюэля…

- Вообще-то…

- Надо будет, однако, достать тебе какую-нибудь

настоящую одежду! Эти городские шмотки на Мане долго не протянут.

Ретиф посмотрел на свою обугленную, порванную, пропитанную потом и грязью спортивную зеленовато-голубую куртку и такие же брюки - неофициальное обмундирование третьего секретаря и вице-консула Дипломатического Корпуса Земли.

- Дома этот наряд казался весьма прочным и уместным,- промолвил он.- Но, полагаю, у кожаной одежды есть свои достоинства.

- Давай вернемся в лагерь. К закату мы как раз сумеем добраться до него. И, слушай, не говори Лемюэлю, что я принял тебя за хлопаля.

- Не скажу, но…

Поттер уже пошел, подымаясь прыжками по пологому склону. Ретиф стянул с себя промокшую куртку, бросил ее на куст, добавил к ней свой галстук-шнурок и последовал за Поттером.

- Мы чертовски рады, что вы здесь, мистер,- сказал толстяк с двумя висящими на брюхе револьверами.- Нам сейчас никакой человек не будет лишним. Дела наши плохи. Мы столкнулись с хлопалями три месяца назад и с тех пор не сделали, по-настоящему ни одного удачного хода. Сперва мы сочли их туземным видом, на который

ни разу раньше не натыкались. Фактически один из ребят попросту подстрелил хлопаля, считая их законной дичью. Полагаю, из-за этого все и началось. Он умолк, вздохнул и помешал дрова в костре.

- А потом целая орава их напала на ферму Свази. Убили двух его телок и убрались восвояси,- продолжил он.

- Мы думаем, что они сочли коров людьми,- пояснил Свази,- Они добивались мести.

- Да бросьте, как же кто-либо мог принять коров за людей? - усмехнулся еще один из сидевших у костра.- Они же совсем не похожи, по-моему…

- Не будь таким тупицей, Берт,- взорвался Свази,- Они же никогда раньше не видели землян; теперь-то они знают больше.

- Разумеется,-хохотнул Берт.- В следующий раз мы им показали, верно, Поттер? Ухлопали четверых.

- Они пришли к моему дому через пару дней после первого нападения,- сказал Свази.- Мы были готовы их встретить. Здорово задали им перцу. Они забыли зачем пришли и бежали, как…

- Улепетывали, ты хочешь сказать. Самые безобразные с виду твари, каких когда-либо видел. Выглядели точь-в-точь как ковыляющий кусок

старого грязного одеяла.

- С тех пор так все и пошло! Они устраивают набег, а потом мы устраиваем набег. Но в последнее время они пустили в ход тяжелую артиллерию. У них есть своего рода малюсенькие воздушные суда и автоматические винтовки. Мы уже потеряли четырех людей, а еще дюжина - в морозильнике, в ожидании корабля медпомощи. Мы не можем себе позволить таких потерь. Во всей колонии меньше трехсот годных к военной службе мужчин.

- Но мы еще удерживаем свои фермы,- сказал Поттер.- Все эти оазисы - дно древних высохших морей. Представляете, глубиной в милю сплошной слой плодороднейшей почвы. И есть еще пара сотен других оазисов, даже не тронутых нами. Впрочем, хлопали не получат их, пока жив хоть один человек.

- Вся система нуждается в продовольствии, которое можем вырастить только мы,- вставил Берт.- Тех ферм, что мы пытаемся создать, не хватит полностью, но они существенно помогут.

- Мы звали во весь голос на помощь ДКЗ, там на Айвори,- поведал Поттер.- Но ты же знаешь этих посольских холуев.

- Мы слыхали, что сюда посылают какого-то

бюрократа, чтобы велеть нам убираться и отдать оазисы хлопалям,- рот у Свази плотно сжался,- Мы его ждем не дождемся…

- А тем временем к нам прибывают подкрепления. Мы отправили весточку к себе на родину; у нас у всех есть родственники на Айвори и на Верде…

- Заткнись, ты, проклятый дурак! - проскрежетал глухой голос.

- Лемюэль! - узнал Поттер.- Никто другой не мог так вот тихо подкрасться…

- Будь я хлопалем, я бы слопал вас живьем,- вышел в круг света новоприбывший. Это был высокий, широкоплечий человек в грязной кожаной одежде. Он поглядел на Ретифа.

- А это еще кто?

- Что ты имеешь в виду? - заговорил во внезапно наступившей тишине Поттер.- Он же твой родственник.

- Никакой он мне не родственник,- Лемюэль подошел к Ретифу.- Для кого ты шпионить, чужак? - проскрипел он.

Ретиф поднялся на ноги.

- Думаю, мне наконец следует объяснить…

В руке Лемюэля появился курносый автоматический пистолет, бывший явно диссонансной

нотой на фоне отделанных бахромой штанов из оленьей кожи.

- Опустим болтовню. Я узнаю шпика, как только вижу его.

- Всего лишь для разнообразия я хотел бы закончить фразу,- сказал Ретиф.- И предлагаю вам засунуть свою смелость обратно в карман, пока она вас не ужалила.

- Ты болтаешь чуть более цветисто, чем меня устраивало бы.

- Вы неправы. Я говорю так, как устраивает меня. А теперь в последний раз говорю: уберите пистолет.

Лемюэль уставился на Ретифа во все глаза.

- Ты мне приказываешь?...

Левый кулак вице-консула молниеносно врезался прямо в центр лица Лемюэля. Худощавый поселенец отшатнулся, и из носа у него брызнула кровь. Пистолет выстрелил в землю, когда тот от неожиданности выронил его. Однако Лемюэль выправился, прыгнул на Ретифа - и встретил прямой правый, бросивший его на спину. До земли он долетел уже в глубоком нокауте.

- Вот это да! - выпалил Поттер.- Чужак свалил Лема... двумя ударами!

- Одним,- поправил Свази.- Первый был просто

дружеским похлопыванием.

Берт замер.

- Тихо,- прошептал он. Во внезапно наступившей тишине послышался зов ночной ящерицы. Ретиф напряг слух, но ничего не услышал. Он сощурил глаза, вглядываясь во тьму за костром.

Быстрым движением он схватил ведро с питьевой водой, выплеснул ее на костер и бросился пластом на землю. Другие стукнулись о почву на долю секунды позже него.

- Для горожанина ты слишком проворен,- выдохнул рядом с ним Свази.- И видишь тоже весьма неплохо. Мы разделимся и возьмем их с двух сторон. Ты и Берт слева, а я с Поттером справа.

- Нет,- отверг его предложение Ретиф.- Ждите здесь. Я пойду один.

- Что за мысль...?

- Позже. Сидите здесь тихо и не смыкайте глаз.- Ретиф взял за азимут едва различимую на фоне неба вершину дерева и двинулся вперед.

Пять минут осторожного продвижения вывели Ретифа на небольшой взгорок. С бесконечной осторожностью он поднялся и рискнул выглянуть из-за выступающего из земли камня. В нескольких метрах впереди заканчивались чахлые деревья, и дальше за ними он различил смутные

очертания холмистой пустыни - страны хлопалей. Он встал на ноги, перешагнул через камень, все еще горячий после целого дня тропической жары, и, крадучись, продвинулся на двадцать ярдов вперед. Ретиф не видел вокруг себя ничего, кроме перемещаемого ветром песка, бледного в свете звезд, лишь кое-где эта бледность нарушалась тенями от выступающих плит сланца. Позади него неподвижно замерли джунгли. Землянин присел на землю и стал ждать.

Прошло десять минут, прежде чем его глаза уловили какое-то движение; что-то отделилось от темной массы камня и перелетело, планируя, несколько ярдов открытой местности до нового укрытия. Ретиф следил. Шли минута за минутой. Силуэт снова появился, скользнув в тень на этот раз всего в десяти футах от Ретифа. Он проверил локтем рукоять энергопистолета. Да, ему было бы лучше рассчитать все верно…

Внезапно раздался шорох, словно кто-то провел кожей по бетону, полетел песок, и хлопаль атаковал. Землянин откатился в сторону, а затем бросился на противника, навалившись всем телом на бешено бьющего крыльями хлопаля: квадратный ярд площади, три дюйма толщины в центре - и все это сплошные мускулы. Похожее

на ската существо вздыбилось, выгнулось назад, трепеща краями, и встало на плоское ребро, образованное круговым мускулом. Оно цапнуло Ретифа гибкими, расположенными вдоль краев щупальцами, хватая ого за плечи. Ретиф в ответ обхватил существо обеими руками и с трудом поднялся на ноги. Тварь оказалась изрядно тяжелой - по меньшей мере в сотню фунтов; а сражаясь она, казалось, тянула на все пятьсот.

Хлопаль решил сменить тактику на прямо противоположную и внезапно обмяк. Ретиф вцепился в него двумя руками и почувствовал, что угодил большим пальцем в какое-то отверстие. Существо просто-таки взбесилось, и Ретиф держался изо всех сил, пытаясь загнать палец еще глубже.

- Извини, парень,- процедил он сквозь стиснутые зубы.- Выдавливать глаза - не совсем по-джентльменски, но уж больно действенно...

Хлопаль перестал трепыхаться, и только по краям его тела медленно пробегала рябь. Ретиф ослабил давление. Существо на пробу пару раз дернулось - палец тотчас же вонзился глубже. Хлопаль снова обмяк, застыв в ожидании дальнейшего развития событий.

- А теперь, когда мы понимаем друг друга,- об-

ратился к нему Ретиф,- веди меня в свой штаб.

Двадцатиминутная прогулка по пустыне привела Ретифа к низенькому барьеру из колючих веток - наружной оборонительной линии хлопалей, защищавшей их от вылазок землян. Это место подходило для ожидания следующего шага хлопалей ничуть не хуже любого другого. Ретиф сел, снял со спины груз в виде пленника, твердо удерживая на месте большой палец. Бели верен его анализ ситуации, то пикет хлопалей должен прибыть очень даже скоро...

Луч режущего красного света ударил землянина в лицо, а затем, мигнув, исчез. Ретиф поднялся на ноги. Пленный хлопаль взволнованно затрепетал краями, и землянин на всякий случай напряг большой палец.

- Сиди тихо,- приказал он.- Не пытайся сделать ничего поспешного...

К замечаниям его остались глухи, возможно из-за отсутствия ушей, но палец значил не меньше, чем слова.

Зашуршал песок, и Ретиф осознал, что кольцо вновь прибывших затягивается. Он еще крепче сжал пленника. Теперь землянин ясно мог разглядеть силуэт, вырисовывавшийся на фоне неба. Существо было ростом почти с него: шесть футов

три дюйма. Похоже, хлопали встречались всяких размеров.

Раздалось тихое перекатывающееся громыхание, чем-то похожее на рычание, а затем постепенно стихло. Ретиф, нахмурясь, чуть склонил голову набок.

- Попробуйте-ка на две октавы повыше,- посоветовал он наконец.

- Ооорп! Извините. Так лучше? - донесся из темноты ясный голос.

- Прекрасно,- одобрил Ретиф.- Я прибыл сюда договориться об обмене военнопленными.

- Пленными? Но у нас ведь нет никаких пленных.

- Безусловно есть. Я. Договорились?

- Ах, да-да, ну конечно. Вполне справедливо. Каких гарантий вы требуете?

- Хватит слова джентльмена,- Ретиф отпустил своего пленника. Тот торопливо зашлепал прочь и исчез во тьме.

- Если вы соблаговолите сопровождать меня в наш штаб,- предложил голос,-мы можем обсудить наши общие заботы с подобающими удобствами.

- С превеликим удовольствием.

Красные огоньки коротко перемигнулись. Заметив образовавшийся в колючем барьере

разрыв, Ретиф прошел за ограждение. Он проследовал за неясными силуэтами по теплому песку к низкому, похожему на вход в пещеру, слабо освещенному красноватым свечением отверстию.

- Должен извиниться за неудобную планировку нашего комфорт-купола,-сказал голос. -Знай мы, что нас почтят визитом…

- Ну что вы, не беспокойтесь,- успокоил хозяина Ретиф.- Мы, дипломаты, обучены ползать.

Внутри, согнув колени и пригнув голову под пятифутовым потолком, Ретиф оглядел перламутровые стены, выдержанные в розовых тонах, стекловидный пол цвета старого бургундского вина, застеленный шелковыми коврами, и низкий столик из полированного красного гранита, заставленный серебряными блюдами и изящными трубкоподобными стаканами для питья, выполненными из розового хрусталя.

- Разрешите поздравить вас,- обратился к нему чей-то голос. Ретиф обернулся. Теперь он мог разглядеть обладателя этого голоса. Около него трепетал огромный хлопаль, украшенный алым парадным мундиром. Голос исходил из диска, укрепленного у него на спине.- Ваши боевые формы дерутся весьма неплохо. Думаю, мы найдем друг в друге достойных противников.

- Благодарю вас. Уверен, это испытание было бы интересным, но, надеюсь, нам удастся избежать его.

- Избежать его? - Ретиф ясно расслышал в изумленном безмолвии исходящее из динамика тихое гудение.

- Кх-кх, ну, давайте поужинаем,- предложил наконец могучий хлопаль.- Эти вопросы, в конце концов, мы можем разрешить и позже. Меня зовут Хошик из Мозаики Двух Зорь.

- А я - Ретиф,- Хошик молчал, ожидая продолжения, -...из Бумажных Джунглей.

- Располагайтесь, Ретиф,- пригласил Хошик.- Надеюсь, вы не сочтете слишком неудобными наши грубые ложа.

В помещение вплыли двое других крупных хлопалей и безмолвно пообщались с Хошиком.

- Прошу нас простить за отсутствие устройств для перевода,- извинился он перед землянином.- Разрешите мне представить своих коллег.

В покои вплыл маленький хлопаль, на спине которого был установлен серебряный поднос, заставленный источающей тонкий аромат пищей. Официант обслужил обедающих и наполнил трубочки для питья желтым вином.

- Надеюсь, вы найдете эти блюда аппетитны-

ми,- сказал гостеприимный Хошик.- По-моему, обмен веществ у нас во многом схожий.

Ретиф попробовал еду - на вкус сладкая и похожая на орехи. А вино невозможно было отличить от «Шато д'Икем».

- Наткнуться здесь на вашу партию было для нас приятным сюрпризом,- сообщил Хошик.- Признаться, сперва мы приняли вас за местный вид ковырятелей земли, но вскоре нас, к счастью, вывели из этого заблуждения.

Он поднял трубочку, ловко манипулируя ею с помощью равномерно расположенных по краю тела щупалец. Ретиф ответил тем же салютом и выпил вино.

- Конечно,- Продолжил Хошик,- как только мы поняли, что вы такие же спортсмены, как и мы, то попытались загладить свою непростительную ошибку, постаравшись обеспечить вам немножко достойных боевых действий. Мы заказали более тяжелое вооружение и ждем нескольких тренированных стычников, так что вскоре мы сможем устроить вам подобающее представление, во всяком случае, я на это надеюсь.

- Добавочные стычники? - переспросил Ретиф.- И сколько же, если мне будет позволено спросить?

- На данную минуту, вероятно, всего несколько сотен. А потом... Ну, уверен, мы сумеем договориться между собой. Лично я предпочел бы состязание ограниченного масштаба - без всякого там, знаете, ядерного или радиационного оружия. Ведь так утомительно сортировать потомство, выискивая генетические отклонения. Хотя, признаться, мы таким образом наткнулись на некоторые ужасно полезные типы: например, на вид рейнджера - вроде того, что вы захватили в плен. Недалекого ума, конечно, но фантастически ловкий следопыт.

- О, безусловно,- согласился Ретиф.- Ничего атомного. Как вы справедливо указали, сортировать потомство занятие малоинтересное, и потом, вдобавок, из-за этого попусту тратятся войска.

- А, ну это же, в конце концов, всего лишь пушечное мясо. Но мы согласны. Ничего атомного. Кстати, вы пробовали яйца наземных гвоков? В некотором роде, специальность моей Мозаики...

- Действительно вкусно,- похвалил Ретиф.- Интересно, а не думали ли вы вообще отказаться от оружия?

Из диска раздался скрипучий звук.

- Приношу свои извинения за смех,- сказал

Хошик,- Но вы, должно быть, шутите?

- На самом-то деле,- ответил Ретиф,- лично мы стараемся избегать применения любого оружия.

- Если я не ошибаюсь, при нашем первом контакте стычковых форм одна из ваших передовых частей применила оружие.

- Приношу свои извинения,- оправдался Ретиф.- Та… э… стычковая форма, к нашему стыду, не признала, что имеет дело со спортсменом.

- И все же теперь, когда мы так весело начали проводить состязания с оружием… -Хошик сделал знак одному из слуг снова наполнить трубочки для питья.

- Я не упомянул еще вот о каком аспекте,- продолжил Ретиф.- Надеюсь, вы не примете этого на свой счет, но факт тот, что наши стычковые формы рассматривают оружие как нечто разрешенное лишь для применения против конкретных форм жизни.

- О? Любопытная концепция. И что же это за формы?

- Хищники. Смертельные противники, но невысокой касты. Я не хочу, чтобы наши стычковые формы рассматривали столь достойных противников как хищников.

- О Небеса! Я действительно ничего не понимал.

Вы поступили очень любезно, указав на это,- Хошик уныло заклохтал,- Как я вижу, стычковые формы и у нас, и у вас во многом одинаковы: никакой восприимчивости.

Он скрипуче рассмеялся.

- Что и приводит нас к сути дела,- продолжал дальше Ретиф.- Видите ли, у нас возникла серьезная проблема со стычковыми формами: низкие темпы воспроизводства. И поэтому мы с большой неохотой пошли на то, чтобы принять суррогаты столь дорогих сердцу истинного спортсмена массовых действий. И, знаете, мы попытались вообще положить конец этим состязаниям…

Хошик поперхнулся, наполнив воздух брызгами вина.

- Да что вы такое говорите? - ахнул он.- Вы предлагаете Хошику из Мозаики Двух Зорь отказаться от чести?

- Сударь! - строго сказал Ретиф.- Вы забываетесь. Я, Ретиф из Бумажных Джунглей, всего лишь делаю альтернативное предложение, более соответствующее новейшим спортивным принципам.

- Новейшим? -.воскликнул Хошяк.- Дорогой Ретиф, какой приятный сюрприз! Я всегда старался идти в ногу с новыми веяниями. В этой глуши со-

вершенно отрываешься от культуры. Объясните, пожалуйста, поподробней.

- Все, в общем-то, крайне просто. Каждая сторона отбирает представителя, и эти двое индивидуумов решают исход дела между собой.

- Я… э… боюсь, что не понимаю. Какое же можно придавать значение деятельности пары случайных стычковых форм?

- Я, должно быть, не совсем ясно выразился,- уточнил Ретиф, пригубив вино.- Мы вообще не допускаем к участию стычковые формы; это, знаете ли, безнадежно устарело.

- Вы хотите сказать?…

- Совершенно верно. Вы и я.

Выйдя на освещенный звездным светом песок, Ретиф отбросил в сторону знергопистолет, а вслед за ним и одолженную ему Свази кожаную рубаху. В слабом свете он едва-едва различал высившуюся перед ним фигуру хлопаля, скинувшего парадный мундир. Позади него выстроились безмолвные ряды хлопалей-слуг.

- Боюсь, что теперь я должен отложить в сторону переводчик, Ретиф,- извинился Хошик. Он вздохнул и шевельнул щупальцами.- Мои собратья по потомству никогда этому не поверят. Какой любопытный оборот приняла мода. Насколько

это приятней, чем наблюдать за боем издали.

- Я предлагаю придерживаться теннессийских правил,- обратился к нему Ретиф.- Они достаточно свободные: разрешается кусаться, выдавливать глаза, топтать, бить коленом и, конечно, душить, равно как и обычные удары кулаками и ногами.

- Хммм. Эти приемы, кажется, приспособлены к формам, наделенным жесткими эндоскелетами, боюсь, что я буду в невыгодном положении.

- Ну что же,- намекнул Ретиф.- Если вы предпочитаете более плебейский вид состязания…

- Ни в коем случае. Но, думается, мы могли бы запретить выкручивание щупалец, просто для выравнивания баланса.

- Отлично. Приступим?

Хошик стремительно бросился на Ретифа, тот пригнулся, резко повернулся и попытался вспрыгнуть хлопалю на спину. Его отшвырнуло прочь могучей рябью мышц плоского тела негуманоида. Ретиф откатился в сторону, а когда Хошик развернулся к нему брюшной стороной, вскочил на ноги и нанес тому удар в середку. Левый край хлопаля взвился, описав дугу, и нанес ответный удар, закончившийся на челюсти Ретифа и бросивший его на спину. Хошик навалился на Ретифа, словно вываленный из кузова

самосвала бетон. Землянин закрутился, пытаясь откатиться в сторону, но плоское тело существа накрыло его. Он высвободил руку и обрушил на кожаную спину град могучих, но бесполезных ударов. Хошик лишь прильнул еще плотнее.

Ретиф задыхался, он попробовал приподнять эту выжимавшую воздух из его легких тяжесть - это не удалось. Он только зря терял силы, и тут землянин вспомнил взятого в плен рейнджера. Чувствительное отверстие, расположенное на брюхе!

Ретиф шарил вслепую, ощупывая жесткую шкуру, покрытую роговыми гранулами/Завтра он недосчитается кожи - если будет это завтра, конечно. Его большой палец нашел-таки какое-то отверстие, и он, на пробу, ткнул в него.

Хлопаль отпрянул. Ретиф не отпускал, запихивая палец все глубже, пытаясь подтянуть другую руку. Если это создание двусторонне симметрично, то найдутся и другие удобные для захвата места.

Нашлось. Ретиф вонзил второй палец, и хлопаль, судорожно извиваясь, отступил. Ретиф, продолжая удерживать пальцы на месте, с трудом поднялся на ноги, навалился всем весом на Хо-шика и упал на него, по-прежнему выдавли-

вая глаза. Хошик дико затрепетал, а затем обмяк.

Землянин расслабился, вытащил пальцы и, тяжело дыша, поднялся на ноги. Хошик сгорбился над брюшной половиной, с трудом поднялся и осторожно двинулся за боковую линию. Подошедшие слуги помогли ему облачиться в мундир и пристегнуть переводчик. Он тяжело вздохнул, регулируя громкость.

- Можно многое сказать в пользу старой системы,- рассудил он.- Какое бремя возлагает иной раз на спортсмена честное состязание.

- Отличная забава, не правда ли? - просто бурлил энтузиазмом Ретиф.- Поскольку я отлично понимаю, что вам не терпится продолжить, то, если вы только согласитесь немножко подождать, я сбегаю за некоторыми из наших специальных глазовыдавливательных форм...

- Да пожрет глазовыдавливателей шкурный тик! - взорвался Хошик.- Вы мне устроили такую боль спронга, что я буду вспоминать ее каждый раз, когда придется обзаводиться потомством.

- Кстати, о шкурных тиках,- продолжал как ни в чем не бывало Ретиф,- Мы вывели и кусачую форму...

- Хватит! - прорычал Хошик так громко, что переводчик подпрыгнул на его спине.- Меня вдруг

потянуло к перенаселенным желтым пескам Жака. Я надеялся…

Он оборвал фразу, со свистом втягивая в себя воздух.

- Я надеялся, Ретиф,- проговорил он, на сей раз с печалью в голосе,- найти здесь новую землю, где я смог бы спланировать собственную Мозаику - так, чтобы эти чуждые пески дали такой урожай райского лишайника, чтобы завалить им рынки сотни миров. Но мой дух просто не в состоянии вынести перспективы бесконечных схваток с кусачими и глазовыдавливательными формами. Мне стыдно перед вами.

- По правде говоря, я сам несколько старомоден,- признался Ретиф.- Я тоже предпочел бы бой на расстоянии.

- Но наверняка ваши собратья по потомству никогда не простили бы вам такого отношения.

- Моих собратьев по потомству здесь нет. И, кроме того,- разве я не упомянул об этом? - никто из действительно сведущих не станет состязаться в каком-то поединке, если есть хоть какой-то другой способ. Так вот, вы упомянули про возделывание песка, выращивание лишайников»…

- Именно ими мы и обедали,- сообщил Хошик.- И именно из них приготовлено вино.

- Сегодня в новомодной дипломатии существует заметная тенденция к соревнованиям в области сельского хозяйства. Так вот, если вы захотите взять эти пустыни и выращивать лишайник, то мы в ответ обещаем держаться оазисов и выращивать овощи.

Хошик выгнул спину по стойке «смирно»..

- Ретиф, вы вполне серьезно? Вы так вот оставите нам все эти прекрасные песчаные холмы?

- Целиком и полностью, Хошик. Я возьму оазисы. Хошик в экстазе затрепетал каймой.

- Вы опять превзошли меня, Ретиф! - воскликнул он.- На этот раз в щедрости.

- Детали обговорим позже. Уверен, мы сможем установить ряд правил, удовлетворяющих все стороны. А теперь, с вашего позволения, я должен вернуться. По-моему, некоторые из глазовыдавливателей ждут не дождутся моего возвращения.

Уже почти рассвело, когда Ретиф подал обговоренный с Поттером условный сигнал свистом, а затем поднялся и вошел на территорию лагеря. Свази встал.

- Вот и вы,- промолвил он.- А мы гадали, не пора ли пойти за вами.

Подошел Лемюэль, с синяком на пол-лица. Он протянул жесткую руку.

- Сожалею, что набросился на вас, незнакомец. По правде говоря, я принял вас за какого-то провокатора из ДКЗ.

Следом за Лемюэлем подошел и Берт.

- Откуда ты знаешь, что это не так, Лемюэль? - возразил он.- Может быть, он…

Лемюэль сбил Берта с ног небрежным взмахом руки.

- Если еще раз какой-нибудь хлопкороб вякнет, будто какой-то посольский хлыщ может меня вырубить, то получит еще крепче.

- Скажите,- обратился к ним Ретиф,- как у вас, ребята, обстоит дело с выпивкой?

- С вином? Мистер, мы уже год живем, лакая одну внутриствольную воду. Ман смертелен для тех бактерий, какие требуются для брожения напитков.

- Попробуйте-ка вот это,- Ретиф протянул приземистый кувшин.

Свази вытащил пробку, понюхал, отпил и передал его Лемюэлю.

- Мистер, где вы это достали?

- Его делают хлопали. И вот вам еще один вопрос: вы уступите хлопалям часть этой планеты в обмен на гарантию мира?

После получаса жарких дебатов Лемюэль по-

вернулся к Ретифу.

- Мы заключим любую разумную сделку,- сказал он.- Полагаю, у них здесь столько же прав, как и у нас. Думаю, мы согласимся поделить все пятьдесят на пятьдесят. Это даст каждой стороне примерно по сто пятьдесят оазисов.

- А что вы скажете, если вам предложат сохранить все оазисы и отдать им пустыню?

Лемюэль протянул руку к кувшину с вином, глядя на Ретифа.

- Продолжайте, мистер,- предложил он.- Думаю, вы добились заключения сделки.

Консул Пассуин поднял взгляд, когда в кабинет вошел Ретиф.

- Присаживайтесь, Ретиф,- рассеянно предложил он.- Я думал, вы на Пуэбло или на Куличке, или как там они называют ту пустыню?

- Я вернулся.

Пассуин остро поглядел на него.

- Ну-ну, так чего же вам надо, приятель? Говорите, только не ждите, чтобы я запросил какую-то военную помощь.

Ретиф передал через стол пачку документов.

- Вот Договор. И Пакт о Взаимопомощи, и Торговое Соглашение.

- А? - Пассуин взял бумаги и перелистал их. А

затем, просияв, откинулся на спинку кресла.

- Ну, Ретиф, управились вы быстро.- Он остановился и моргнул, глядя на вице-консула.- У вас, кажется, синяк на челюсти. Надеюсь, вы вели себя как подобает сотруднику консульства.

- Посетил одно спортивное мероприятие. Один из игроков немного увлекся.

- Ну... это одна из тягот нашей профессии. Приходится для виду проявлять интерес к подобным делам.- Пассуин поднялся и протянул руку. - Вы действительно действовали неплохо, мой мальчик. Пусть это научит вас тому, как важно точно следовать инструкциям.

Выйдя в коридор, Ретиф задержался у печи для уничтожения мусора - ровно настолько, чтобы достать из чемоданчика большой темно-желтый конверт, все еще запечатанный, и бросить его в щель.

Бронзовый бог

I

Хуганский камердинер, одетый в черное, был высокого роста и с поднятыми плечами. У него была огромная куполообразная голова, полого снижавшаяся к массивным плечам. Глаза на конкистой лице были похожи на свежеочищенных устриц. По бокам туловища свисали длинные руки.

Он обернулся к группе дипломатов с Земли, которые стояли, держа свои чемоданы, под высоким сводом огромного, темного зала. Лучи света странных оттенков проникали сквозь цветные стекла узких окон, расположенных высоко в стенах, слабо освещая неровный каменный пол. Настенная роспись и драпировки тусклых цветов изображали характерные картины семи кругов хуганского ада. Темные коридоры расходились от круглого зала; между ними стояли хуганские копейщики в шлемах и килтах, неподвижные, как каменные горгульи, выглядывавшие из высоких ниш.

- Его Вызокомерие Епископ любезно бре-

дoставил в ваше разбоpяжение эти уютные абаpтаменты,- сказал камеpдинеp глубоким, глухим голосом.- Вы тебеpь можете выбpать зебе комнаты на веpхних этажах и одеться в бpе-дoставленные одежды.

- Послушайте, мистеp Одом-Глом,- вмешался посол Стpапхэнгеp.- Я это обдумал, и мы pешили, что я со своим штатом сотpудников веpнусь на коpабль, чтобы пpовести ночь там.

- Его Вызокомеpие ожидает ваз на пиpу в епи-скобских залах джеpез джаз,- гнул свое хуганец.- Его Вызокомеpие не любит, когда его зазтавляют ждать.

- О, мы все глубоко осознаем ту честь, котоpую Его Высокомеpие оказывает нам, пpедоставляя апаpтаменты здесь, в Епископальном двоpце, но...

- Один джаз,- повтоpил Одом-Глом, так что его голос эхом pазнесся по залу. Он отвеpнулся; pи-туальная цепь, надетая на шею, позвякивала пpи движении. Камеpдинеp задеpжался, затем снова повеpнулся к ним.

- Кзтати, вам даютзя инзтpукции игноpиpовать любые мелкие... э-э... втоpжения. Езли увидите джто-нибудь... необыджное, сpазу же зовите зтpажу.

- Вторжения? - с раздражением повторил Страпхэнгер.- Что за вторжения?

- Во дворце,- сообщил Одом-Глом,- водятзя бривидения.

Поднявшись над приемным залом на четыре оборота каменной лестницы, второй секретарь Мэгнан осторожно шел рядом с Ретифом. Они шли по отдающему эхом коридору, мимо черных, обитых железом дверей и замшелых драпировок, едва различимых в свете факела.

- Странные поверья у этого отсталого народа,- Мэгнан прилагал усилия, чтобы говорить добродушно.- Привидения, еще бы! Какая глупость! Ха!

- Почему вы шепчете?- спросил Ретиф.

- Просто из уважения к Епископу, разумеется,- резко остановившись, Мэгнан схватил Ретифа за рукав.- Ч-ч-что это там? - он указал.

Дальше по коридору что-то маленькое и темное выскользнуло из тени пилястра и скрылось в дверях.

- Вероятно, просто наше воображение,- предположил Ретиф.

- Но у него были большие красные глаза,- возразил Мэгнан.

- Их вообразить так же легко, как и любые

другие.

- Я только что вспомнил - я забыл свою шапочку для душа в багаже. Давайте вернемся.

Ретиф двинулся дальше.

- Это всего через несколько дверей. Шесть, семь... мы на месте,- он вставил ключ, которым снабдил их помощник Одом-Глома. Тяжелая дверь открылась со скрипом, перешедшим в низкий стон. Мэгнан, поспешив вперед, задержался у ближайшей настенной драпировки, на которой была изображена группа хуган, подвешенных головами вниз над пылающим пламенем, в то время как гоблины различных форм и видов тыкали их длинными зазубренными копьями.

- Любопытно, насколько схожим может быть религиозное искусство в разных мирах,- заметил он.

Оказавшись в комнате, Мэгнан в замешательстве уставился на влажные каменные стены, две спартанские койки и резных демонов, стоявших по углам.

- Какие идеально мерзостные апартаменты! - он уронил свой чемодан и прошел к ближайшей койке, чтобы ткнуть ее, проверяя на мягкость.- Ого, такой матрас мой позвоночник вынести не в состоянии! Завтра я буду инвалидом, после

первой же ночи! А сквозняк - Я непременно простужусь! А... а...- его голос прервался.

Трясущимся пальцем Мэгнан указал в самый темный угол узкой комнаты, где высокий пучеглазый демон, вырезанный из бледно-голубого камня, подмигивал гранатовыми глазами.

- Ретиф! Там что-то шевелилось - и оно было похоже на демонов на картинках! Оно все в пушистой рыжей щетине й с глазами, горящими в темноте!

Ретиф открыл свой чемодан.

- Если увидите еще одного, запустите в него туфлей. Прямо сейчас нам лучше переодеться; в сравнении с раздраженным послом несколько демонов - это просто добродушные домашние зверюшки.

Через полчаса, когда Мэгнан обтерся губкой над каменной раковиной, глаза у него все так же нервно блестели. Он поправил складки хуганского церемониального саронга перед потускневшим, неровным зеркалом.

- Думаю, это действительно просто нервы,- заметил он.- Во всем виноват этот тип, Одом-Глом, со своими причудливыми местными суевериями! Признаюсь, его замечания вогнали меня на некоторое время в состояние неуравновешенности.

На другом конце комнаты третий секретарь Ретиф вставлял заряды размером со спичечную головку в магазин пистолета неприметного вида.

- Возможно, таким образом они предупреждают нас насчет мышей,- заметил он.

Мэгнан повернулся и заметил отблеск оружия.

- Послушайте, Ретиф! Что это такое?

- Замечательное средство против местных привидений - если те становятся слишком шумными,- он спрятал пистолет так, чтобы его не было видно под хуганским саронгом.- Просто думайте о нем, как о талисмане, приносящем удачу, мистер Мэгнан.

- Нож в рукаве - это старая дипломатическая традиция,- с сомнением проговорил Мэгнан.- Но силовой пистолет под са.ронгом…

- Я беру его на тот случай, если кто-нибудь выскочит из стены и набросится на нас,- успокаивающе сказал Ретиф.

Мэгнан фыркнул, глядя на свое отражение в темном стекле.

- Я испытал большое облегчение, когда посол настоял на том, чтобы сотрудники сегодня были облачены в местное платье вместо полагавшейся церемониальной обнаженности,- он повернулся,

чтобы изучить неровную линию низа саронга, открывавшую его голые лодыжки.- Я подумал, что это одно из его важнейших достижений. Посол действительно производит впечатление, особенно, когда его щеки приобретают этот пурпурный оттенок. Даже Одом-Глом не осмелился ему противоречить. Хотя мне все же хотелось бы, чтобы он продвинулся еще на один шаг и добился права носить брюки...- Мэгнан прервался, не сводя глаз с черных занавесей, закрывающих высокое узкое окно.

Тяжелая ткань пошевелилась.

- Ретиф! - задохнулся он.- Оно снова здесь!

- Ш-ш-ш,- Ретиф смотрел, как занавес шевельнулся снова. Часть головы с крошечной, отсвечивающей красным, бусиной глаза появилась из-за края портьеры, примерно в футе над полом; высунулась тонкая, как проволока, нога, затем другая. Появилось тело, похожее на пушистый рыжеватый шар; красные глаза на двухдюймовых стебельках шевелились, внимательно оглядывая комнату. Их взгляд задержался на Ретифе; существо вышло из-за портьеры целиком, постояло, затем двинулось к нему на быстрых ногах...

Мэгнан с воплем бросился к двери и широко ее распахнул.

- Стража! На помощь! Гоблины! Привидения! - его голос разнесся по коридору, смешавшись со звоном оружия и шлепаньем широких ступней хуганцев.

При этом вопле вторгшееся существо заколебалось, подумало мгновение, затем, испустив писк, как фея, за которой гонятся гуси, двумя конечностями порылось в чем-то, прикрепленном к его спине.

За дверью визгливый голос Мэгнана выделялся на фоне хора вопросов хуганцев.

- Тогда найдите кого-нибудь, кто знает земной! - вопил он.- В это самое мгновение монстр терзает моего сотрудника!

Ретиф быстро прошел к окну, раздвинул портьеры и открыл раму, впустив поток влажного ночного воздуха.

- Выбирайся здесь, приятель,- сказал он.- Тебе лучше двигаться, пока не появились полицейские.

Пушистый шар бросился через комнату и, покачиваясь, затормозил перед Ретифом. Он делал быстрые, нервные движения.

Квадратик сложенной бумаги упал Ретифу под ноги. Затем существо прыгнуло к открытому окну и исчезло, в то время как ноги хуганцев

затопали у двери.

- Где спизм? - на плохом земном требовательно спросил грубый голос. Коническая голова хуганца в ярком шлеме поворачивалась, оглядывая комнату.

Мэгнан выглядывал из-за спины стражника.

- Где этот зверь? - верещал он.- Он был, по меньшей мере, четырех футов ростом, а клыки у него в четыре дюйма, ничуть не меньше!

Хуганец вошел в комнату. Своей семифутовой пикой с широким острием он указал на открытое окно.

- В конце концов это оказалась мышь,- сообщил Ретиф.- Она убежала.

- Вы позволил спизму бежать?

- А что, я не должен был? - мягко спросил Ретиф, кладя бумажку в карман.

- Спизм - блохой демон из того мира; может укусить землянина, полуджить заражение кровь.

- Мне кажется, ваши слова неуместны,- резко вмешался Мэгнан.- Кусать землянина - совершенно безвредно…

Хуганец повернулся к нему, зловеще наклонив пику.

- Вы бойдете со мной,- приказал он.- Нагазание за связь зо служителями подземного мира - вас

варить в масле.

- Послушайте,- Мэгнан отступил на шаг.- Отойдите, приятель…

Хуганец потянулся к Мэгнану длинной щупальцеобразной рукой; Ретиф зашел ему за спину, выбрал точку и резко ударил сложенными вместе кончиками пальцев. Стражник споткнулся, пролетел мимо Мэгнана и с грохотом уткнулся подбородком в пол. Его пика загремела, скатившись вдоль стены.

- Ретиф! - чуть не подавился Мэгнан.- Вы о чем-нибудь думаете? Вы подняли руку на рядового Епископальной стражи!

- У меня создалось впечатление, что этот парень упал, зацепившись носком ноги за ковер. Вы разве не заметили?

- Ну, вы же прекрасно знаете…

- Как раз перед тем, как ему удалось бы вас достать, мистер Мэгнан.

- А… ну, да, теперь, когда вы об этом упомянули, мне тоже кажется, что он споткнулся,- тон Мэгнана внезапно стал оживленным.- Скверное падение. Я бросился было, чтобы его поддержать, но - увы! - не успел. Бедняга! Так ему и надо, зверюге. Мы проверим его карманы?

- Зачем?

- Вы правы; на это нет времени. Это падение, несомненно, было слышно по всему дворцу.

У открытой двери появился второй хуганец; на его шлеме был клыкастый ангел, что указывало на офицерское звание. Он оглядел лежащего копейщика.

- Вы напали на этого? - требовательно спросил он. Мэгнан взглянул на жертву так, словно заметил его в первый раз.

- Он, по-видимому, упал.

- Убивать хуганца - противозаконно,- зловеще заявил капитан.

- Он... э-э... сломал свое копье,- угодливо напомнил Мэгнан.

- Оджень блохое брезтупление - озквернение церемониального кобья,- строго проговорил капитан.- Требуетзя церемония оджищения. Оджень дорого.

Мэгнан порылся в мешочке для денег, висевшем у него на бедре;

- Я буду рад внести небольшую лепту.

- Дезять хуганских кредитов; все забыто. Еще пять - избавить от тела.

Лежащий хуганец пошевелился, забормотал, сел на полу.

- Ха! - заметил капитан.- Похоже, дела не будет.

Но за доболнительные пять кредитов...- он снял с пояса короткую, уродливую дубинку,-...приконджить незчастную жертву земного назилия.

- Стоп! - возопил Мэгнан.- Вы с ума сошли?

- Озкорбление звидетеля - священника крепости зтоить вам еще два кредита. Для вас делать озобую тсену - три за пять.

- Подкуп? - задохнулся Мэгнан.- Коррупция?

- Три и езть,- хуганец кивнул.- Тшто назщет тебя? - он повернулся к Ретифу.- Платить, как и другой землянин?

- Послушайте, я вам ничего не плачу1 - рявкнул Мэгнан.- Просто помогите этому несчастному выйти отсюда, будьте так любезны, и мы продолжим одеваться!

- Небольшие религиозные поджертвования - старая добрая хуганская традитция! - возразил свидетель.- Хотеть нарушить мезтные табу?

- У нас, землян, есть кое-какие свои обычаи,- спокойно ответил Ретиф.- Мы полагаем, что пожертвование должно выплачиваться добровольно,- он протянул банкноту, которую офицер ловко схватил.

Стражник теперь уже стоял на ногах, покачиваясь. Капитан рявкнул ему приказ, и его подчиненный собрал обломки копья, бросил на

Мэгнана ненавидящий взгляд и вышел. Капитан последовал за ним.

Ретиф закрыл Дверь за ушедшими посетителями, достал бумажку, брошенную убегающим спизмом, и развернул ее.

У ФОНТАНА С ВЕЛИКАНОМ ВО ВРЕМЯ ВТОРОГО ВОСХОДА ЛУНЫ; ПРИКОЛИТЕ ЖЕЛТЫЙ НАВОЗНЫЙ ЦВЕТОК.

Мэгнан, снова крутясь перед зеркалом, глубоко вздохнул.

- Не слишком-то благоприятное начало,- прокомментировал он.- Бог ты мой! Уже двадцать тридцать! Мы опаздываем! - Он в последний раз поддернул саронг и разгладил редеющий локон на лбу.

Мэгнан пошел первым по отдающему эхом коридору, вниз по спиральной лестнице до арки, выходящей на широкие ступени над неровной лужайкой. Голубые фонари, свисавшие с ветвей скелетообразных деревьев, слабо светили на грибоподобные декоративные растения. Скульптуры, изображающие мучающиеся души, были расставлены рядом с широкими столами, заставленными земными деликатесами, ради этого случая поспешно сгруженными с транспорта Корпуса. Дюжина фонтанов гротескной формы

распространяла по саду тонкий туман и запах серы.

За высокой стеной, утыканной по верху остриями, на расстоянии в полмили от них возвышалась зловещая фигура огромного идола, окрашенного в цвет бронзы. Факелы освещали его свирепую ухмылку, правая рука была поднята в хуганском королевском салюте - локоть прямо вперед, предплечье поднято вертикально вверх, пальцы растопырены, левая рука сжимает бицепс правой.

Мэгнана передернуло.

- Этот звероподобный идол скорее похож на недоделанного хуганца,- заметил Мэгнан.- Это у него там дым идет из носа?

Ретиф фыркнул.

- Что-то горит,- согласился он.

II

Из плотной тени у локтя Мэгнана выступила темная фигура.

- Запах зтарых газет вы джуствуете,- прогрохотала она.- Наши хуганские боги полезны - они злужат общине в качестве музоросжигателей.

Одом-Глом! Вы меня перепугали! - воскликнул Мэгнан. Он отмахнулся от насекомого, жужжащего у его лица.- Надеюсь, что вечер будет удачным. Со стороны Его Высокомерия так предусмотрительно было позволить Корпусу выступить сегодня принимающей стороной; это такой дружественный жест.

- - Гость должен оказывать гостеприимство - это зтарая хуганская традитция,- заявил Одом-Глом.- Вам было бы неплохо знать все наши зтарые хуганские традитций, чтобы не получилозь как с предыдущим земным дибломатом.

- Да, неудачно получилось? что предшественник посла Страпхэнгера был отлучен от церкви и так далее. Но, в самом деле, откуда ему было знать, что он должен был наполнить Епископальную чашу для подаяний стокредитными

банкнотами?

- Дело не зовсем в поджертвованиях, но он вылил туда конзервированные бобы и изпортил банкноту, которую Его Вызокомерие положил в каджестве намека.

Недостойная сцена,- согласился Мэгнан.- Но я уверен, что сегодняшний вечер поможет избавиться от остатков взаимного непонимания.

Оркестр начал настраивать инструменты, над лугом стали разноситься мрачные, стонущие звуки. Вооруженная епископальная стража занимала свои посты, а одетые в саронги дипломаты выстраивались в линию у каменной арки, через которую должны были прибыть сановные лица.

- Мне надо зпешить - позмотреть разположение орудий,- сказал Одом-Глом.- Одно позледнее предупреждение: мирзкие ценнозти, конеджно, ниджего не значат для Его Вызокомерия, но змертный грех, который Его Вызокомерие ненавидит больше всего,- это зкупость.- Он ушел, позвякивая своими цепями.

- Посол еще не пришел,- нервно заметил Мэгнан.- Бог ты мой, надеюсь, он появится до того, как прибудет Епископ Ай-Поппи-Гуги. Я боюсь того, что мне придется занимать Его Вызокомерие светской беседой.

- Согласно рапорту поста, с ним общаться совсем не трудно,- сообщил ему Ретиф.- Просто дарите Епископу все, что попадется ему на глаза, а если это его не удовлетворит, подарите еще что-нибудь.

- Как я вижу, вы начинаете разбираться в дипломатии, Ретиф,- одобрительно проговорил Мэгнан.- Но я все же беспокоюсь.

- Поскольку по протоколу ваша функция состоит в том, чтобы задабривать трудных гостей,- заметил Ретиф,- то почему бы вам не встретить Епископа у ворот и не рассказать ему пару скабрезных историй?

- Не могу себе вообразить, что глава теократического государства станет положительно реагировать на похабные анекдоты,- чопорно ответил Мэгнан.

- Ну, разговоры о биологии совершенно не считаются греховными здесь, на Хуге, наоборот, не погрязайте в вежливых беседах. Кстати, согласно руководству, в культурных кругах здесь имеется негласное соглашение о том, что конфеты приносит аист.

- Серьезно? Бог ты мой, а у нас на всех сладостях помечено: «Сделано в Гонконге»! Мне придется сказать распорядителю, чтобы он заменил

этикетки. А пока я этим занимаюсь, вам лучше занять свой пост у ворот. Вы сегодня поработаете в первую смену. Через час я пришлю Стрингуисла, чтобы он вас сменил.

- Я мог бы задержать для вас Епископа на несколько минут,- предложил Ретиф, когда они подходили к воротам.- Допустим, я начну с того, что потребую, чтобы он предъявил свое приглашение.

- Бросьте ваши несвоевременные шутки, Ретиф! После провала предыдущей миссии необходимо установить сегодня дружеские отношения с Епископом - это обеспечит нам всем повышение по службе.

- Мне кажется, что традиционная вечеринка на лужайке - это дело слишком утонченное для такого парня, как Епископ. Нам следовало бы воспользоваться более простыми методами - типа нескольких залпов тяжелой артиллерии, размещенной вокруг дворцовых садов.

- Вряд ли это можно считать дипломатическим подходом,- фыркнул Мэгнан.- Опыт столетий доказывает, что, если достаточное количество дипломатов ходят на вечеринки, то в конце концов все получится как надо.

- Интересно, понимают ли эту традицию хуган-

цы?

- Конечно, мы ведь все схожие друг с другом существа - под кожей мы братья, по сути дела.

- В таком случае, эта кожа должна быть не менее дюйма толщиной и прочнее армопласта. Я не уверен, что мы сумеем добраться до братского слоя, чтобы вовремя остановить кровопролитие.

- По сути дела, я с нетерпением жду момента, когда можно будет посостязаться с Его Высокомерием в составлении эпиграмм сегодня,- величественно проговорил Мэгнан, повернувшись, чтобы обозреть сады.- Как вам известно, при общении с высокопоставленными гостями я всегда нахожусь в самой лучшей форме - и, разумеется, их габариты и сила ничуть не нагоняют на меня робость.

Мэгнан обернулся на звук, раздавшийся позади него, издал придушенный вопль и наступил на ногу хуганскому официанту, когда отпрыгнул от завернутой в золотую ткань фигуры хуганца семи футов высотой и шести шириной. Позолоченные черты лица монстра включали в себя дюймовые носовые дыры, огромные водянистые красноватые глаза и широкий рот, изогнутый в виде кошмарной гримасы, обнажающей зубы, покрытые коронками полированного золота. Две

кисти унизанных кольцами пальцев сжимали рукоять огромного обоюдоострого меча.

- Джто-то плохо пакхнет! - прогрохотала фигура. Она склонилась вперед, решительно принюхалась к Мэгнану и фыркнула.

- Ужазно! - объявил Епископ, локтем отодвигая Мэгнана в сторону.- Уйди, парень! Ты заражен острой формой лишая!

- Что вы, Ваше Высокомерие,- это просто прикосновение скобки на коже за ухом.

- Пахнет как позле дешевой ночжи в веселом домике. Где Посол Хапстринкер? Волагаю, вы бриготовили много еды. Как я бонимаю, вы, земляне, оджень интерезуетесь готовкой,- Епископ подмигнул влажным розовым глазом, ткнул Мэгнана под ребра и довольно заржал.

- Уф! - сказал Мэгнан.- Ваше Высокомерие!

Епископ уже шагал к ближайшему столу, его эскорт из вооруженных стражников в шлемах тащился вслед за ним, держа руки на кривых саблях и не сводя подозрительных глаз с дипломатов.

- Я... думаю, что пробегусь немного и посмотрю, как там закуски,- проблеял Мэгнан.- Ретиф, сопровождайте Его Высокомерие и развлекайте его, пока не прибудет помощь - я имею в виду, пока не появится посол! - И он исчез.

Епископ погрузил безкостный палец в большую хрустальную чашу с сырным соусом, изучил его на расстоянии вытянутой руки, понюхал, затем, резко дернув гибким запястьем, разбрызгал соус по гофрированным рубашкам и остекленевшим улыбкам дипломатов, выстроившихся в линию для приема.

- Кто эти бездельники? громко спросил он.- Вероятно, бедные родзтвенники, оджидающие подаджек. У меня та же броблема. Вернее, у меня была та же броблема, я долджен зказать. Две недели назад был Фезтиваль замоотречжения. Я зделал самое значительное пожертвование и всех их предлоджил духам предков.

- Отказаться от родственников из религиозных соображений - это хорошая идея,- заметил Ретиф.- Это может войти в моду.

Епископ поднял блюдо изящных сэндвичей, высыпал пищу, понюхал блюдо и откусил небольшой кусочек.

- Я много слышал о ваших земных блюдах,- заметил он, шумно жуя.- Немного жесткое, но неблохое,- он откусил еще немного тонкого фарфора и предложил Ретифу.

- Кусни,- сердечно сказал он.

- Нет, спасибо, перед самым прибытием Вашего

Высокомерия я подкрепился бутылкой пива,- отказался Ретиф.- Попробуйте суповые тарелки. Они считаются восторгом эпикурейцев.

Неподалеку от широких дверей террасы возникло оживление. Амбициозные мелкие клерки посольства приняли позу нетерпеливого ожидания, приготовив восторженные улыбки. Появилась приземистая фигура министра Страпхэнгера, чрезвычайного посла Земли и полномочного представителя на Хуге. На нем было короткое, но богато украшенное парчой лонги, блестящий красный кушак, который чуть ли не тащился по земле, и украшенные драгоценными камнями сандалии. Рядом с ним пыхтел его спутник, примерно такого же телосложения и так же одетый, отличавшийся только пучком ярко-оранжевых волос. В двух ярдах за ними тащился Мэгнан.

- А, посол - двойняжки? - спросил епископ, двинувшись к новоприбывшей паре.

- Нет, это миссис Страпхэнгер,- ответил Ретиф.- На месте Вашего Высокомерия я бы выбросил это блюдце - в ярости она страшна.

- А, тибичная самка, взегда озабоченная броблемами конзервации пищи,- Епископ выбросил ободок блюда за цветущий куст.

- Эй, привет, посол Стракхампер! - проревел он.- И твоя оджаровательная корова! Она зкоро бринесет бриплод, как я понимаю?

- Приплод? Как это? - Страпхэнгер озадаченно огляделся.

- Как я понимаю, ты держишь своих коров беременными? - прогрохотал Епископ.- Или, может быть, эта уже злишком зтарая. Но не важно - в звое время она, незомненно, была великой броизводительницей.

- Вот те раз! - резко бросила миссис Страпхэнгер, едва сдерживаясь.

- Кстати,- продолжал Ай-Пошш-Гуги.- Я не выношу обзуждать финансы за едой, поэтому я бредлагаю зразу же обзудить броблему зоответственного бодарка. Конеджно, я вболне готов забыть банальное недопонимание, возникшее у наз з предыдущим послом, и без уверток принять любую зумму не менее одного миллиона гредитов.

- Один миллион кредитов? - пробормотал Страпхэнгер.- Подарок?

- Конеджно, езли вы предподжли бы избежать репутации труса, то лишний миллион никогда не повредит.

- Миллион кредитов из фондов Корпуса? Но...

но чего ради?

- Ай-ай,- Епископ предостерегающе погрозил осязательным органом.- Не стоит лезть во внутренние дела хуганцев!

- О, нет, ничуть, Ваше Высокомерие! Я только имел в виду... по какому случаю? Подарок. Я имею в виду.

- Зегодня вторник.

- А.

Епископ безмятежно кивнул.

- Вам повезло, джто вы не узтроили это мероприятие в среду - это день удвоенных подарков.- Он взял стакан с подноса, который держал официант, вылил содержимое на лужайку, откусил от края кусочек своими полированными металлическими зубами и стал задумчиво жевать.

- Не хватает зпеций,- прокомментировал он.

- - Мой лучший хрусталь,- задохнулась миссис Страпхэнгер.- Из самого Бруклина, а он жрет его как козел!

- Гозел? - Епископ подозрительно на нее уставился.- Не думаю, джто мне известен этот термин.

- Это... что-то... вроде гурмана,- сымпровизировал Страпхэнгер. На лбу у него блестел пот,- Известного изысканностью вкуса.

- Теперь бобоводу бензин,- продолжал Епископ.- Я не вижу нужды в боказухе. Бростая тысяджа в день в знак уважения от Корбуса вболне эойдет.

- Тысяча чего в день? - вопросил посол, демонстрируя застывшую дипломатическую улыбку, открывающую старомодные съемные зубные протезы.

- Гредитов, гонеджно. И еще есть броблема зубзидий в хуганскую бромышленность, зкажем, бядьдесят тысядж в месяц. Не беспокойтезь об их распределении, бросто выбисывайте чеки на выблату мне лиджно...

- Хуганская промышленность? Но мне дали понять, что здесь, на Хуге, нет промышленного производства.

- Поэтому мы и требуем зубзидию,- вежливо ответил Епископ.

Страпхэнгер с трудом вернул улыбку на место.

- Ваше Высокомерие, я здесь просто для того, чтобы установить дружеские отношения, чтобы ввести Хуг в поток культурной жизни Галактики...

- Что моджет быть дружезтвеннее денег? - спросил Епископ громким голосом, тоном окончательного решения.

- Что же,-уступил Страпхэнгер,- мы могли бы

организовать заем…

- Прямой грант - гораздо броще,- подчеркнул Епископ.

- Конечно, это будет означать дополнительный штат сотрудников, чтобы справляться с административной нагрузкой,- с задумчивым блеском в глазах Страпхэнгер потер ладони друг о друга.- Скажем, человек двадцать пять для начала.

Епископ повернулся, когда к нему подошел хуг среднего роста, одетый в облегающую черно-серебряную одежду, пробурчал что-то ему на ухо и махнул резиновой рукой в сторону дома.

- Джто? - взорвался Епископ. Он резко повернулся к Страпхэнгеру,- Вы зкрываете табулированных существ? Делитесь витанием з призпешниками оббозиции?

- Ваше Высокомерие! - голос Страпхэнгера дрожал на фоне возрастающего рева духовного лица.- Я не понимаю! Что сказал этот парень?

Епископ стал выкрикивать команды на хуганском. Его эскорт рассеялся и стал рыскать по кустам, окружавшим сад. Посол семенил рядом с почетным гостем, который большими шагами прошел к накрытым столам с закусками и стал пожирать хрупкий фарфор, бормоча про себя.

- Ваше Высокомерие,- Страпхэнгер старался

отдышаться,- если бы у меня было хоть какое-нибудь объяснение! Я уверен, что все это - просто ужасная ошибка Что ищут эти люди? Я вас заверяю...

- Из доброты звоего зердца я бриглазил ваз на Хуг! - взревел Епископ.- В каджестве огромного комплимента я узвоил важ язык! Я даже готов был бринять налиджные - велиджайший джезт! А теперь я обнаруживаю, что вы открыто общаетезь с врагами Богов!

Оставаясь на обочине словесной перепалки, Ретиф окинул взглядом сад. Он заметил фонтан в виде двухголового хуганского карлика с чрезмерно увеличенными зубами и брюхом и двинулся к нему.

Кто-то дернул его за завязку сандалии. Он посмотрел вниз. Два ярких глаза на концах похожих на проволоки стебельков призывно смотрели из травяной кочки. Ретиф огляделся - все взгляды были направлены на Епископа.

- Ты ищешь меня? - тихо спросил Ретиф.

- Именно! - проскрипел тонкий голос.- С тобой непросто ухитриться побеседовать в спокойной обстановке, мистер... э-э...

- Ретиф.

- Привет, Ретиф. Меня зовут Джекспурт. Парни

назначили меня представителем, чтобы я рассказал вам, землянам,о том, что происходит. В конце концов, я полагаю, что у нас, спизмов, тоже имеются некоторые права.

- Если ты сможешь объяснить мне, что происходит в этом гадюшнике, я вечно буду твоим должником. Давай, выкладывай.

- Проблема в хуганцах - они ни на минуту не оставляют нас в покое. Все дело в гонениях. Ты знаешь, эти гиппопотамы, распевающие псалмы, обвиняют нас во всех несчастьях - от скисшего молока до потери потенции! Доходит уже до того, что после захода солнца небезопасно выходить на прогулку.

- Подожди, Джекспурт. Может быть, будет лучше, если ты просветишь меня в отношении некоторых деталей. Кто вы такие? Почему хуганцы вас преследуют? И где ты научился говорить на земном с таким безупречным произношением согласных?

- Я был талисманом на земном торговом корабле, я спрятался там, когда он приземлился здесь с целью ремонта. Это была великолепная жизнь, но со временем я соскучился по дому, по старому доброму Хугу - ты знаешь, как это бывает…

- Ты - исконный житель этого очаровательного

мира?

- Конечно - мы, спизмы, живем здесь дольше хугов. И тысячелетиями мы жили с ними без всяких проблем. Хуги взяли себе поверхность, а мы устроились, приятно и удобно, под землей. Затем у них появилась религия, и жизнь с тех пор стала адом.

- Подожди, Джекспурт. Насколько я слышал, религия всегда оказывает благотворное влияние на тех, кому посчастливилось ее иметь.

- Это зависит от того, на чьей ты стороне.

- Это точно.

- Но я не изложил тебе еще всю картину. Эти хуганские священники начали полномасштабную пропагандистскую кампанию против нас - нарисовали множество религиозных картин, где спизмы тыкают хугов вилами, так что вскоре после этого каждый хуг, встретив на улице вышедшего подышать свежим воздухом спизма, начинал подпрыгивать на месте, рисовать в воздухе кресты и бормотать заклятья. Потом мы внезапно осознали, что идет полномасштабная война! Я говорю тебе, Ретиф, мы, спизмы, сейчас находимся в тяжелом положении - и будет еще хуже!

Стражник постепенно приближался к фонтану

с великаном.

- Проклятье, жандармы,- сказал Ретиф.- Тебе сейчас лучше скрыться с глаз, Джекспурт. Они рыскают по кустам, ищут тебя. Почему бы нам не продолжить разговор попозже?

Спизм скрылся в траве.

- Но это важно, Ретиф! - донесся из куста голос Джекспурта.- Парни на меня рассчитывают.

- Тихо! Смотри на меня и действуй соответственно. Мэгнан, обернувшись, подозрительно смотрел на Ретифа. Он приблизился к своему подчиненному.

- Ретиф, если вы замешаны в этой суматохе…

- Я, мистер Мэгнан? Каким же образом? Я прибыл сюда только сегодня днем, так же, как и вы.

- Мэгнан! - голос Странхэнгера покрыл шум голосов.- Епископ проинформировал меня, что на территории Посольства сегодня вечером было замечено демоническое существо какого-то вида! Конечно, мы о нем ничего не знаем, но Его Высокомерие пришел к неприятному для нас выводу, что мы общаемся с обитателями нижнего мира! - он понизил голос, когда Мэгнан приблизился.- Суеверный вздор, но нам приходится играть в эти игры. Вы вместе с остальными рассредоточьтесь и сделайте вид, что ищете этого мифического

демона. Я утихомирю Его Высокомерие.

- Конечно, мистер посол. Но… э-э… что, если мы его найдем?

- Тогда вы еще больший идиот, чем я думал! - Страпхэнгер вернул кривую улыбку на место и повернулся к Епископу.

- Ретиф, вы начинайте отсюда,- Мэгнан указал на фасад дома.- Я пойду пошарю в кустах. И, что бы вы ни делали, не вздумайте ничего находить - типа того отвратительного существа, на которое мы наткнулись наверху.- Внезапно его лицо приняло испуганное выражение.- Бог ты мой, Ретиф! Вы не думаете?…

- Никоим образом. Лично я предоставляю себе демоническое существо в виде дракона средних размеров.

- И все же… может быть, мне стоило бы сообщить об этом послу…

- И подтвердить мнение Епископа? Очень храбро с вашей стороны. Вы не против, если я постою здесь, чтобы насладиться этим зрелищем?

- С другой стороны, он слишком занятый человек,- поспешно заметил Мэгнан.- В конце концов, зачем беспокоить его банальностями? - Он поспешил занять позицию рядом с Епископом и, нагнувшись, стал делать вид, что вглядывается в

изгороди из растений, похожих на хвойные.

Ретиф вернулся к столу, теперь покинутому, если не считать одинокого хуганского уборщика, который на дальнем конце стола собирал пустую посуду на широкий поднос и бросал влажные бумажные салфетки в объемистый мешок для использованной бумаги. Ретиф взял пустое блюдо из-под сэндвичей и сказал:

- Пссст!

Хуганец поднял глаза, когда Ретиф бросил блюдо, уронил свой большой бумажный мешок и поймал брошенную посуду:

- Здесь есть еще,- с готовностью заметил Ретиф. Он собрал и передал пару блюдец, три пустых стакана и пару надкушенных сэндвичей с сыром.- Тебе лучше взвалить это на спину и следовать за Его Высокомерием,- предложил Ретиф.- Он оставляет за собой след из осколков блюд.

- Пытаешься уджить меня моей работе? - свирепо спросил хуганец, в то время как Ретиф, покопавшись, нашел ложку и уронил ее на траву, прямо под краем свисающей скатерти.

- Конечно, нет, приятель,- заверил Ретиф сердито смотревшего на него аборигена. Он наклонился за ложкой и мельком заметил выглядывавший из теней глаз.

- Залезай в мешок,- краем рта прошипел Ретиф.

- З гем разговариваедж? - слуга наклонился и стал смотреть под стол. Позади него бумажный мешок негромко зашуршал, когда спизм юркнул в него.

- Просто обратился с несколькими словами к ложечному богу,- мягко ответил Ретиф.- Уронить ложку - плохая примета, как тебе известно.

- Да? - сказал хуганец, Он оперся на стол, вытащил весьма изношенную зубочистку и стал ковырять ею в своих грязных зубах.- У ваз, инозтрандзев, ненормальные идеи. Взем извезтно, джто уронить лоджку - хорошая бримета, блохая бримета - уронить вилгу,- он тщательно осмотрел конец зубочистки.

- У нас дома неблагоприятным предзнаменованием считается падение с десятиэтажного здания,- продолжал бессвязно болтать Ретиф, наблюдая за вооруженными стражниками Епископа, приближающимися к ним. Один из них подошел к столу, бросил на Ретифа изучающий взгляд, сунул голову под стол, затем потянулся к мешку с бумагой.

- Как насчет того, чтобы немного освежиться?

Ретиф взял чашку, погрузил ее глубоко в сосуд с густым пурпурным пуншем, сделал шаг к воину и,

казалось, споткнулся; липкая жидкость плеснула в хуганца как раз под защелкой, удерживавшей капюшон радужных оттенков, и растеклась в виде оригинального рисунка по его полированной нагрудной пластине. Слуга схватил свой поднос и мешок и поспешно отступил, в то время как шипящий стражник хлопал гибкими пальцами по пурпурному пятну.

- Идиод! Неуглюджий урод!

- Джто? Бьянзтво на злуджбе? - прогремел громкий голос. Епископ, отодвинув пузом Ретифа, возвышался перед смутившимся хуганцем.- Нагазание - зварить в мазле! - проревел он.- Уберите его!

III

Остальные стражники приблизились и схватили своего несчастного сослуживца.

- Это мой недосмотр, Ваше Высокомерие,- начал было Ретиф.- Я предложил ему…

- Вы зобираетесь вмеживаться в совержение епизкопального правозудия? - рявкнул Епископ, набрасываясь на Ретифа.- Вы имеете наглозть намегать, что зуждение Епископа оживоджно?

- Не совсем так, вы просто ошибаетесь,- заявил Ретиф.- Это я пролил на него пунш.

Лицо Епископа приобрело багровый оттенок, его рот беззвучно двигался. Он сглотнул.

- Так давно нигто мне не бротивореджил,- задумчиво заметил он,- джто я даже забыл нагазание, положеное за это,- благословляющим жестом Епископ взмахнул двумя пальцами.- Твои грехи тебе отпущены, сын мой,- весело проговорил он.- Во зути дела, я отпузкаю тебе грехи на весь уикенд. Развлекайся, взе за счет хозяев.

- Ну не великодушно ли это со стороны Его Высокомерия,- подобострастно произнес Мэгнан.- Какая жалось, что мы не нашли демона, но я…

- Хорошо, что вы набомнили об эдом,- зловеще проговорил Епископ. Он уставился на посла Страпхэнгера, когда старший дипломат подошел.- Я взе еще жду результатов!

- Послушайте, Ваше Высокомерие! Как мы можем найти демона, если демона здесь нет?

- Это ваша броблема!

У ворот раздался вопль. Двое стражников набросились на уборщика с бумажным мешком, который шарахнулся в сторону, испуская возмущенные возгласы. Мешок упал, раскрылся, рассыпая мусор, из которого выскочил беглый спизм, разбрасывая объедки во все стороны.

Прыжком он миновал ошарашенных стражников и понесся к задним воротам. У него на пути появились еще стражники, выдергивая из кобур длинноствольные пистолеты. Выстрел пропахал длинную полосу в густой траве, чуть не задев остальных приверженцев Епископа, которые бросились вперед, чтобы поучаствовать в акции. Епископ завопил, размахивая своими безкостными руками.

Отрезанный от ворот, спизм изменил направление, бросился в сторону от дома, но его встретил взвод, вышедший из глубины сада. Выстрел разнес блюда на столе за спиной Мэгнана, который

взвизгнул и бросился на землю.

Спизм затормозил, увернулся и побежал к украшенным цветами воротам, выходящим на дорогу. Стражники все были теперь позади, путь свободен. С оглушительным воплем Епископ Ай-Поппи-Гуги выхватил свой гигантский меч и прыгнул вперед, чтобы перехватить убегавшее существо. Когда он проносился мимо Ретифа, тот крутанулся и выставил ногу. Ретиф зацепил ногу Епископа как раз над ярко-розовой, украшенной драгоценными камнями, кожаной туфлей. Его Высокомерие нырнул вперед, ударился медалями о землю и проехал носом под стол.

- Эй, кто тут, привет,- послышался тонкий голос Мэгнана из-под приглушающей звуки скатерти,- Подождите минутку, я подвинусь…

Взревев, Епископ встал, подняв вместе с собой стол. Блюда, стаканы и еда посыпались на все еще сидевшего на четвереньках Мэгнана. Епископ отшвырнул стол в сторону и снова взревел, повернувшись в сторону посла Страпхэнгера, который, подпрыгивая, салфеткой пытался сбить грязь с наград почетного гостя.

- Измена! - заорал Ай-Поппи-Гуги.- Аззазины! Убийцы! Агенты ниджнего мира! Наружители закона! Еретики!

- Ну-ну, Ваше Высокомерие! Не расстраивайтесь...

- Разтраиватьзя? Это, моджет быть, джутка? - Епископ вырвал грязную тряпку из руки Страпхэнгера. Он наклонился, схватил свой меч и взмахнул им над головой. Епископальная стража теперь быстро окружала их.

- Сим я отлучаю ваз взех! - возопил Епископ.- Ни еды, ни воды, ни защиты полиции! Также вы будете бублиджно казнены! Парни, окруджайте их!

Оружие внезапно оказалось направленным на кучку дипломатов, сгрудившихся вокруг посла. Мэгнан взвизгнул. У Страпхэнгера затряслись бакенбарды.

- Не убузтите этого! - Ай-Поппи-Гуги указал на Ретифа,- Это из-за его ноги я навернулзя!

Стражник приставил ствол к. ребрам Ретифа.

- О, мне кажется, что Ваше Высокомерие забывает о том, что у мистера Ретифа есть епископальное отпущение грехов,- живо заметил Страпхэнгер.- Ретиф, если вы просто пробежитесь в мой офис и передадите код два-ноль-три - или это три-ноль-два? - вызов помощи...

- Он отбравится вмезте зо вземи вами, негодяями! - возопил Епископ. Полдюжины вооруженных хуганцев подвели к их группе остальных работ-

ников штата посольства.

- Внутри еще езть?

- Нет, Важе Выйокомерие,- доложил капитан стражи.- Тольго незколько злуг.

- Зварите их в мазле зе звязь з убийцами! Джто же казаетзя ваз…

- Ваше Высокомерие,- заговорил Страпхэнгер,- Естественно, я не против умереть, если это доставит удовольствие Вашему Высокомерию, но тогда мы не сможем подарить вам подарки и прочие вещи, разве не так?

- Броклятье! - Ай-Поппи-Гуги швырнул свой меч на землю, чуть не попав в ногу Мэгнану,- Я забыл о бодарках! - казалось, он размышляет.- Позлушайте, джто, езли я узтрою вам возмод-жнозть выбизать незколько джеков в камере, бередказнью?

- О, боюсь, это совсем никуда не годится, Ваше Высокомерие. Мне нужна печать Посольства, машина, удостоверяющая чеки, и книги кодов, и…

- Ну… возможно, я мог бы зделать изклюджение, я отзроджу нагазание до тех пор, пока не брибудет налиджнозть.

- Простите, Ваше Высокомерие, я не стал бы вас просить отклоняться от традиции просто для того, чтобы оказать мне услугу. Нет, мы все отлу-

чены, так что, я полагаю, мы можем устроиться поудобнее и начать умирать с голоду...

- Зтойте! Не торобите меня! Кто отлуджает, вы или я?

- О, вы, конечно.

- Именно! И я говорю, джто вы не отлуджены! - Епископ огляделся со свирепым видом.- Теберь назджет бодарка. Вы моджете дозтавить два миллиона немедленно, я злуджайно захватил з зобой бронированный автомобиль...

- ДВА миллиона? Но вы же говорили -один миллион!

- Зегодня день удвоенного бодарка.

- Но вы говорили, среда - день удвоенного подарка. А сегодня еще только вторник.

- Зегодня зреда, зоглазно епизкопальному декрету,- заявил Епископ, подняв меч.

- Но вы же не можете... я хочу сказать, как вы можете?

- Реформа календаря,- сказал Ай-Поппи-Гуги.- Давно пора.

- Что же, я думаю, это можно устроить.

- Отлиджно! Сим я объявляю вам Епископбзкое прощение. Но оно не вклюджает этих озтальных неджелательных элементов! - Епископ взмахнул рукой,- Тащите их отзюда, барии!

- Э-э… я, конечно, благодарен вам за помилование,- заметил Страпхэнгер, быстро обретая уверенность,- но я, разумеется, не смогу должным образом проделать всю бумажную работу без своих сотрудников.

Ай-Поппи-Гуги свирепо уставился на него своими большими влажными красными глазами.

- Ладно! Берите их! Они все помилованы, кроме этого! - он уставил на Ретифа палец, подобно стволу пистолета.- Назчет него у меня озобые бланы! - Стражники перенесли свое внимание на Ретифа, окружив его и нацелив на него оружие.

- Может быть, Его Высокомерие на этот раз будет чуть более снисходительным,- предложил Мэгнан, промокая пятно ливерного паштета с обнаженной руки,- если мистер Ретиф извинится и пообещает, что больше не будет так делать.

- Не будет больше джто? - требовательно спросил Епископ.

- Давать вам подножку,- пояснил Мэгнан.- Как он только что это сделал, понимаете?

- Он бодзтавил мне бодножку? - задохнулся Ай-Попп-Гуги.- Намеренно?

- Нет, почему, должно быть, по ошибке…- начал было Страпхэнгер.

- Ваше Высокомерие обладает таким тонким

чувством юмора,- заметил Мэгнан,- что, я уверен, вы оцените комический аспект этого дела.

- Ретиф! Вы это нарочно... я имею в виду, конечно же, не нарочно,- задохнулся Страпхэнгер.

- Ну и ну,- возмущенно возразил Мэгнан.- Я же лежал прямо здесь.

- Обыскать его! - рявкнул Епископ. Стражники бросились вперед, деловитые руки почти сразу же обнаружили сложенный листок бумаги, который ему бросил спизм, убегая из комнаты.

- Ага! - обрушился на него Епископ. Он развернул и прочитал послание.

- Это заговор! - завопил он.- Прямо у меня бод нозом! Закуйте его в кандалы!

- Я обязан выразить протест! - заговорил Страпхэнгер.- Вы не можете то и дело заковывать дипломатов в кандалы всякий раз, когда совершается какой-нибудь незначительный неблагоразумный поступок! Оставьте это мне, Ваше Высокомерие, я позабочусь о том, чтобы в его послужной список было занесено строгое порицание.

- Боги должны болуджить звое! - взревел Ай-Поппи-Гуги.- Завтра, во время Великого браздника зреды...

- Завтра четверг,- перебил Мэгнан.

- Завтра зреда! Зегодня зреда! Я объявляю, что взя эта неделя зозтоит из зред, разрази меня гром! А теперь, как я и говорил - этот землянин будет уджаствовать в брасднике! Такова воля богов! И хватит зпорить!

- А, он примет участие в церемонии,- с облегчением сказал Страпхэнгер.- Что же, ради этого мы вполне можем его освободить от прямых обязанностей,- он издал негромкий дипломатический смешок,- Корпус всегда готов поощрять богопочитание в любой форме, разумеется.

- Единзтвенные изтинные боги - это Хуганзкие боги, во имя богов,- прогрохотал Епископ.- И не надо мне никакой вашей земной ерези, иначе я отменю помилование! Теберь уведите этого тиба в храм и бригоговьте для полета в зреду! Взе остальные остаютзя бод арестом, бока не зтанет извезтна воля богов!

- Мистер посол,- дрожащим голосом проговорил Мэгнан, дергая Страпхэнгера за руку,- вы думаете, вам следует, вам следует позволять им...

- Просто позволим Его Высокомерию сохранить свое лицо,- доверительным тоном ответил Страпхэнгер и подмигнул Ретифу,- не тревожьтесь, мальчик мой, для вас это будет хорошим опытом. Вы в действии познакомитесь с хуганской рели-

гиозной концепцией.

- Но… что, если они… я хочу сказать, что варить в масле… это дело такое необратимое,- настаивал Мэгнан.

- Спокойно, Мэгнан! Я не потерплю нытиков в моей организации!

- Спасибо, что вспомнили обо мне, мистер Мэгнан,- сказал Ретиф.- Но мой талисман все еще со мной.

- Талисман? - тупо переспросил Мэгнан.

- Колдовство? - прогрохотал Епископ,- Я и подозревал джто-то такое! - огромным красным глазом он уставился на Страпхэнгера,- Увидимзя на церемонии! Не обаздывай! - он посмотрел на Ретифа,- Ты бойдежь без зопротивления?

- Ввиду количества направленных на меня стволов,- ответил Ретиф,- я искренне на это надеюсь.

IV

Камера была узкой, темной и сырой, и в ней не было никакой мебели, если не считать простого стола, на котором стояла бутылка вина с горьким запахом, и узкой скамьи, на которой сидел

Ретиф. Его запястья были скованы цепью, и он прислушивался к приглушенному стуку, слабо доносившемуся из-за стен. Стук продолжался уже часов двенадцать, насколько он мог судить - достаточно долго для того, чтобы, хуганцы успели завершить подготовку к религиозным церемониям, в которых он должен был участвовать.

Стук внезапно изменился по тону - он слышался громче, ближе. Затем раздался слабый звук, будто бы горсть камешков бросили на пол. Через мгновение послышалось тихое царапанье, словно ногтями по доске, затем тишина.

- Ретиф, ты здесь? - прочирикал в полной темноте тонкий голос.

- Само собой, Джекспурт! Входи и присоединяйся! Я рад, что ты смылся от жандармов!

- Раззявы! Хе! Но слушай, Ретиф, у меня плохие новости.

- Выкладывай, Джекспурт, я слушаю.

- Это День праздника - старый Гуги наметил на сегодня крупные события, связанные с их религиозной ерундой. Хуги месяцами готовили этот свой гигантский окуриватель - загружали его мусором, старыми тряпками, использованными шинами и прочей дрянью. В разгар церемонии они зажгут это и включат воздуходувные помпы. Хуги провели систему труб к норам, понимаешь? На многие мили вокруг для спизмов не останется безопасного места. Наш народ начнет выскакивать из своих укрытий, в которых многие семьи жили поколениями, и - тютю! - тут-то их и перебьет стража! Это будет конец для нас, спизмов!

- Это жуткая история, Джекспурт,- вернее, была бы такой, если бы я сам на данный момент не находился в такой же жуткой ситуации.

- Да, Обряды среды. Тебя назначили на утро или на большое вечернее представление? - Джекспурт замолк, когда за дверью раздался звон.

- Святой Моисей, Ретиф! Время пришло! Они здесь! Я должен был проинформировать тебя, но, чтобы пробраться сквозь ту стену, потребовалось времени больше, чем я рассчитывал, а потом я разболтался…

В скважине заскрежетал ключ.

- Слушай! Ты пил из этой бутылки?

- Нет.

- Отлично! В ней наркотик! Когда я уйду, вылей ее! Тебе придется прикинуться, что ты не в состоянии говорить, иначе не поздоровится! Сделай вид, будто ты зомби, понимаешь? Что бы тебе ни приказали сделать - делай! Если они подумают, что ты прикидываешься,- это конец для всех землян на Хуге! И помни! Держи голову склоненной, а руки и ноги - подвернутыми... Замок со скрежетом открывался.

- Мне пора! Удачи! - Джекспурт исчез.

Ретиф сделал шаг к столу, схватил бутылку и вылил ее в трехдюймовую дыру, через которую исчез его посетитель.

Появился свет, когда тяжелая дверь распахнулась внутрь. В камеру вошли трое хуганских копейщиков в капюшонах, за которыми следовал священник в черном балахоне. Ретиф стоял с бутылкой в руках, закрывая собой путь побега Джекспурта,

- Как замоджувзтвие, землянин? - спросил священник, оглядывая Ретифа с ног до головы. Подойдя к нему, он поднял Ретифу веко, крякнул и взял у него из рук пустую бутылку.

- Накачан до бредела,- констатировал он.

- Вы уверены? - требовательно спросил один из копейщиков.- Я не верю этим инозтранцам.

- Езтезтвенно, я уверен, гиберваззулятции зубраозбитальных амотрозраков тибиджны, клаззиджеский злуджай. Забирайте его.

Подталкиваемый пиками, Ретиф прошел по освещенному факелами проходу, затем вверх по винтовой каменной лестнице и внезапно оказался на ярком свету, услышал шум множества голосов, которые покрывал один громоподобный голос:

- ...заверяю ваз, мой дорогой позол Хипстинкер, наше главное боджество, Ук-Руппа-Тути,- это не только прекразное украшение и поззтоянное напоминание назелению о том, что пора платить очередную дезятину,- он также дает узтные указания, регулярно, по зредам в джаз дня. Конеджно, нам не взегда дано бонять, джто он говорит, но влияние его злов на крезтьянзтво везьма болоджительно.

Щурясь от солнечного света, Ретиф разглядел величественно разодетого Епископа, сидящего под огромным зонтом на массивном троне из темного дерева, с резьбой, изображающей переплетающихся змей. Слева от него стоял посол Земли, а справа сгрудились менее значитель-

ные дипломаты. Их группу окружала хуганская стража с обнаженными кривыми саблями и каменными лицами.

Священник, приведший Ретифа, елейно поклонился епископскому трону.

- Ваше Вызокомерие, тот-кто-готов-к-мазлу, прибыл,- взмахом руки он указал на Ретифа.

- А он... э-э...? - Ай-Поппи-Гуги вопросительно смотрел на стражу.

- Озтекленевший взгляд гибервазгуляции эмотрозраков,- сообщил один из копейщиков.

- Звариде этого в мазле,- нахмурился Епископ.- Много разговаривает.

- Вы смотритесь как-то чахло, Ретиф,- заметил Страпхэнгер.- Надеюсь, вы хорошо спали сегодня ночью? Предоставили ли вам удобные апартаменты и все такое прочее?

Ретиф тупо смотрел мимо левого уха посла.

- Ретиф, к вам обращается посол,- резко заметил ему Мэгнан.

- Вероятно, он углубилзя в медитадзию,- поспешно сказал Ай-Поппи-Гуги.- Бродолжайте дзеремонию.

- Может быть, он болен,- заметил Мэгнан.- Вы лучше присядьте.

- Эй-эй,- Ай-Поппи-Гуги поднял гибкую руку,-

Замая ваджная джазть дзеремонии еще вбереди.

- Ах, да, конечно,- Страпхэнгер сел, откинувшись.- Я совершенно забыл, Ваше Высокомерие,- он огляделся.- Отсюда открывается прекрасный вид на церемонии.

Подчиняясь толчку стражников Епископа, Ретиф повернулся-и увидел прямо перед собой огромную бронзовую ухмылку хуганского идола.

Ретиф находился на верху двухсотфутового возвышения, но голова бога возносилась еще на пятьдесят футов вверх. Это было огромное стилизованное лицо хуганца, из полированного желтого металла, и рядом располагалась огромная поднятая рука. Глаза представляли собой глубокие провалы, в глубине которых виднелось мрачное красное свечение, придававшее впечатление зловещей разумности. Из ноздрей, по ярду в диаметре, струился дымок, который вился мимо подернутых копотью щек и рассеивался в чистом воздухе. Разделявший массивную голову рот, разинутый в виде крокодильей улыбки, был утыкан лопатообразными зубами с промежутками между ними, за которыми виднелся изгиб полированного пищевода, на котором прыгали отблески огней, горящих внутри статуи.

Двое младших священников выступили вперед

и увешали шею и плечи Ретифа изысканными украшениями. Третий, встав перед ним, пел нечто, напоминающее мантры. Где-то вдали барабаны начали отбивать медленный ритм. Шепот пронесся по толпе, сгрудившейся на склонах и на площади внизу. Покачиваясь как пьяный и всем своим видом демонстрируя полное отсутствие интереса к окружающему, Ретиф заметил двухфутовую канаву, прорезанную в каменной платформе у него под ногами, углубляющуюся и идущую вниз и обрывавшуюся в десяти ярдах от него. Послушник лил в канавку масло и разгонял его руками.

- Что же конкретно включает эта фаза церемонии? - поддерживая светскую беседу спросил Страпхэнгер.

- Бодожди и увидишь,- кратко ответил Ай-Поппи-Гуги.

- Мистер посол,- хрипло зашептал Мэгнан.- У него скованы руки!

- Часть церемонии, без сомнения.

- И эта канава,- продолжал Мэгнан.-Она ведет от Ретифа прямо к краю… кончается как раз над этим ужасным большим ртом.

- Я сам все прекрасно вижу, вам нет необходимости играть роль туристического гида, мистер

Мэгнан. Кстати,- Страпхэнгер понизил голос,- вы случайно не захватили с собой аптечку?

- Нет, мистер посол. У меня есть прекрасный антивирусный спрей для носа, если он вам поможет. Но насчет этого желоба…

- Жарко, не правда ли, Ваше Высокомерие? - Страпхэнгер повернулся к Епископу.- И сухо тоже.

- Вам не нравится наджа хуганзкая богода? - зловещим тоном спросил Епископ.

- Нет-нет, она прекрасна. Я обожаю, когда так жарко и сухо.

- Э-э, Ваше Высокомерие,- заговорил Мэгнан.- Но что же конкретно вы намереваетесь делать с Ретифом?

- Великая джезть,- заявил Епископ.

- Я уверен, что мы все в восторге от того, что один из наших сотрудников изнутри познакомится с хуганскими религиозными церемониями,- резко заметил Страпхэнгер Мэгнану.- Теперь будьте любезны сесть и прекратите свою бестолковую болтовню.

Епископ быстро заговорил по-хугански, прислуживавшие священники заставили Ретифа сделать шаг вперед и, схватив его за руки, ловко уложили лицом вниз на залитый маслом желоб.

Бой барабанов достиг апогея. Вялые руки хуганцев стали толкать Ретифа по снижающемуся желобу.

- Мистер посол! - голос Мэгнана поднялся до визгливого блеянья.- Я уверен, что они собираются скормить его этому монстру!

- Чепуха, Мэгнан! - ответил ему Страпхэнгер раздраженным голосом.- Это все символика, я уверен. И я мог бы указать вам на то, что ваше поведение совсем не похоже на поведение опытного дипломата.

- Стойте! - Ретиф, быстро скользя к краю желоба, услышал вопль Мэгнана и топот быстрых шагов.

Послышался мокрый хлопок, когда в него уперлись костлявые локти. Он извернулся и успел мельком заметить белое лицо Мэгнана, разинутый рот и вцепившиеся в него руки, когда они вместе, слетев с края желоба, полетели прямо к ожидающим челюстям Ук-Руппа-Тути.

V

«Убирай руки и ноги»,- говорил Джекспурт,- вспомнил Ретиф. Он не успел скрипнуть зубами, как уже летел мимо клыков размером с могильный камень. Мэгнан все еще цеплялся за его ноги. Они падали в потоке иссушающего жара и света, когда неожиданно наткнулись на сетку, состоящую из нитей не толще паутины. Она остановила их падение и отбросила назад. Руки Ретифа коснулась толстая веревка, он схватился за нее и оказался на веревочной лестнице, вместе с Мэгнаном, все еще висевшим у него на ногах.

- Точно в яблочко! - пропищал тонкий голос рядом с его ухом.- Теперь давай побыстрее выбираться отсюда, пока они не расчухали, что произошло.

Ретиф нашел опору для ноги в кольце веревки, протянул руку вниз и дернул второго секретаря. Тот был вялым, словно тряпичная кукла, это чувствовалось даже здесь, в закруглении горла божества.

- Ч… что… н… но…-бормотал Мэгнан, ища, за что уцепиться.

- Поживее, Ретиф! - торопил Джекспурт.- Сюда, к миндалинам! Здесь тайный проход!

Ретиф помог Мэгнану подняться. Он протолкнул его в узкую, закругляющуюся нору, проходящую сквозь цельный металл. Вслед за спизмом они поспешно удалялись от озадаченно шумевших голосов священников, затем дошли до узких ступенек, ведущих вниз.

- Теперь все в порядке,- сказал Джекспурт,- Передохните, и потом мы спустимся вниз и встретимся с нашими парнями.

Вскоре они оказались в пещере, грубо вымощенной камнем, освещаемой фитильком, плавающим в мелкой чаше с ароматическим маслом. Повсюду вокруг себя земляне видели уставившиеся на них глаза на стебельках, плотно сбитые красные гоблиноподобные тела Джекспурта и его сородичей, которые беспокойно шевелились, наподобие гигантских крабов на каком-то подземном берегу. Позади них высокие бледно-голубые создания качались на ножках длиной в ярд, выглядывая из затененных углов. Из щелей и трещин стен глазели крошечные зеленые спизмы и медлительные оранжевые существа с белыми пятнами. Темно-пурпурные спизмы, свисавшие с потолка наподобие округ-

лых сталактитов, изучали всю сцену сверху, гипнотически раскачивая свободными ногами. Пальцы Мэгнана вцепились в руку Ретифу.

- В-великие н-небеса, Ретиф! - выдохнул он.- Вы… не думаете, что мы умерли и что моя тетя Минерва все же была права?

- Мистер Ретиф, познакомьтесь с ребятами,- Джекспурт взобрался на выступ, возвышавшийся над собравшимися.- В большинстве своем они ужасно стеснительные, но по натуре дружелюбные и очень смешливые. Когда они услышали, что вы в беде, они все присоединились ко мне, чтобы вас выручить.

- Сообщите им, что мы с мистером Мэгнаном благодарим их,- сказал Ретиф.- Это было такое приключение, без которого мы вполне могли бы обойтись. Верно, мистер Мэгнан?

- Уж я-то точно мог бы обойтись без этого,- Мэгнан шумно сглотнул.- К-как это вы ухитряетесь разговаривать с этими чертенятами, Ретиф? - прошипел он.- Вы… э-э… не заключили ли какой-либо пакт с силами тьмы, надеюсь?

- Эй, Ретиф,- заметил Джекспурт.- У твоего приятеля есть какие-то расовые предрассудки, или что?

- Бог ты мой, нет,- придушенным голосом про-

говорил Мэгнан.- Некоторые из моих лучших знакомых являются настоящими дьяволами - я имею в виду, что в нашей профессии иногда приходится встречаться с...

- Мистер Мэгнан просто в некотором замешательстве,- ввернул Ретиф.- Он не ожидал, что ему придется играть такую активную роль в сегодняшних событиях.

- Если уж говорить об активности, то нам следует побыстрее доставить вас на поверхность, джентльмены,- заметил Джекспурт,- В любую минуту хуги могут включить свои насосы.

- А куда вы направитесь, когда они пустят дым?

- У нас естькарта маршрута ухода по сточным трубам, так что мы сможем выйти в паре миль от города. Нам остается только надеяться, что хуги не выставили там охрану.

- Где расположены эти дымовые насосы? - спросил Ретиф.

- Прямо над нами - в брюхе Ук-Руппа-Тути.

- Кто их обслуживает?

- Пара священников. А что?

- Как туда отсюда добраться?

- Ну, есть пара проходов - но нам лучше не терять времени на осмотр достопримечатель-

ностей.

- Ретиф, вы с ума сошли? - выпалил Мэгнан.- Если священники нас увидят, то нам наверняка поджарят задницы, вместе с остальными частями тела.

- Мы постараемся увидеть их первыми. Джекспурт, ты мог бы подобрать пару дюжин добровольцев?

- Ты имеешь в виду для того, чтобы подняться в брюхо этого бронзового бога? Не знаю, Ретиф. Мои парни очень суеверны.

- Они нужны нам, чтобы совершить диверсию, пока мы с мистером Мэгнаном будем вести переговоры…

- Кто, я? - пискнул Мэгнан.

- . Переговоры? - запротестовал Джекспурт.- Прыгучий Йегософат, как вообще может быть возможно договориться с хугом?

- Э-гм,- Мэгнан прочистил горло.- В конце концов, мистер Джекспурт, в этом и состоит функция дипломата.

- Ну…- Джекспурт кратко пережужжался со своими приятелями, затем соскочил со своего насеста, когда вперед вышло около дюжины спизмов различных цветов и размеров.

- Мы готовы, Ретиф. Пошли!

Тускло поблескивавшие металлические стены огромного помещения, которое представляло собой внутренность бога Ук-Руппа-Тути, неясно вырисовывались перед ними, когда Ретиф, Мэгнан и их команда чертенят притаились в глубокой тени. В центре мрачного помещения работали хуганцы низшей касты, забрасывая в открытую топку гигантской, раскаленной докрасна печи охапки мусора, старых башмаков, связанных в пачки журналов и ломаной пластиковой посуды. Воздух был полон едкого, щиплющего глаза, дыма. Джекспурт фыркнул.

- Ого, когда они начнут закачивать эту пакость в норы…

- Где священники? - шепотом спросил Ретиф. Джекспурт указал на небольшую кабинку вверху через пролет лестницы.

- Там, наверху, в комнате управления. Ретиф осмотрел помещение.

- Джекспурт, вы со своими людьми рассредоточьтесь по помещению. Дайте мне пять минут. Затем выскакивайте по очереди и стройте рожи.

Джекспурт проинструктировал свою команду, они рассредоточились в темноте.

- Может быть, вам лучше подождать меня здесь,- предложил Ретиф Мэгнану.

- Куда вы идете?

- Я думаю, мне следует побеседовать с духовными лицами в этой суфлерской будке.

- И оставить меня одного, в окружении этих упырей-спизмов?

- Ладно, но ведите себя тихо, иначе дым от горящих дипломатов добавится к остальной вони.

Находясь в пятидесяти футах над полом, Ретиф цеплялся за узкие поручни, пробираясь вокруг комнаты управления. Сквозь запыленные стекла виднелся хуганский священник в синем одеянии, сидевший с усталым видом, изучая свиток. Второй хуганец, в знакомой черной одежде, с нервным видом стоял рядом. Внезапно тишину внизу нарушил скорбный вой.

- Что это? - Мэгнан подпрыгнул, поскользнулся и схватился за выступ металлической балки, поддерживающей узкий переход.

- Наши друзья вступили в действие,- тихо ответил Ретиф. Хуганские рабочие, нервно оглядываясь, сгрудились около печной двери. Послышался еще один печальный стон. Один из хуганцев уронил лопату и что-то забормотал. Ретиф резко нагнулся, когда священник в синем одеянии подошел к окну и стал всматриваться вниз. Священник махнул другому, тот прошел к

двери крошечного помещения, вышел на переход и закричал на рабочих. Один из них ответил ему вызывающим тоном. Двое других рабочих двинулись к двери, неясно видневшейся в дальнем конце помещения с печью. Священник завопил им вслед, когда его вопль затих и отдался эхом, за ним последовал тонкий вой спиэма, прозвучавший как последний стон умирающей надежды.

Священник подпрыгнул и, крутанувшись, бросился обратно в комнату управления. Он поскользнулся, упал на переходе и, обнаружив, что смотрит прямо в перепуганное лицо Мэгнана, разинул рот, чтобы заорать…

Сорвав свой розовато-лиловый кушак, Мэгнан ткнул им в разинутый рот. Придушенно крякнув, хуганец потерял опору, упал и с невероятным грохотом приземлился на кучу мусора. Истопники с воплями разбежались. Оставшийся в одиночестве священник прижался лицом к окну, вглядываясь в полумрак. Быстрым движением Ретиф перебрался на переход и шагнул в дверь комнаты. Резко обернувшись, священник бросился к похожему на микрофон устройству на угловом столике. Достав из-под саронга силовой пистолет, Ретиф направил его на священника.

- Не стоит делать каких-либо объявлений,- по-

советовал Ретиф,- Тебе пока еще не все известно.

- Ты кто? - хуганец бочком подбирался к боковому столику.

- Если ты там держишь свои молитвенники, то им лучше пока полежать.

- Позлушай, ты, моджет быть, не знаешь, что я - Его Прожорливость Дьякон Ум-Муми-Хуби и у меня езть звязи...

- Не сомневаюсь. И не пытайся рвануть в дверь - у меня там сообщник, который славится своей свирепостью,- сказал Ретиф.

Отдуваясь, Мэгнан вошел в дверь комнатки.

- Джто... джто вам надо?

- Я так понимаю, что бог собирается сделать устное заявление, как обычно во время кульминации службы по средам,- заметил Ретиф.

- Да - я только джто зобиралзя брозмотреть звой звиток. Так джто вы меня извините, мне надо...

- Именно об этом свитке мы и хотим с вами побеседовать. Мне бы хотелось вставить туда пару особых объявлений.

- Джто? Вмешиватьзя в звятые текзты?

- Ничего подобного, просто доброе слово в адрес группы наших союзников и, может быть, короткую рекламку ДКЗ.

- Кощунзтво! Ерезь! Ревизионизм! Я ни за джто

не этану уджазтвовать в таком звятотадзтве!

Ретиф щелкнул предохранителем пистолета.

- ...Но, з другой зтороны, моджет быть, и моджно было бы джто-нибудь узтроить,- поспешно заметил Дьякон.- Зколько вы хотели бы бредложить?

- Я и думать не могу о том, чтобы предлагать взятку духовному лицу,- ровно проговорил Ретиф.- Вы сделаете это во имя всеобщего благополучия.

- Но джто же взе-таки у ваз на уме?

- Первый пункт - это кампания, которую вы проводите против спизмов.

- О, да! Бриджем наши барни брекразно зправляютзя з этой работой. Зоглазно воле Ук-Руппа-Тути, зкрро мы увидим, как они будут зтерты з лица бланеты и добродетель возторжествует!

- Боюсь, к геноциду ДКЗ относится неодобрительно. Я полагаю, что мы могли бы договориться о разумном разделе сфер влияния.

- Договариватзя з зилами Тьмы? Вы, должно быть, не в звоем уме.

- Ну-ну,- вмешался Мэгнан.- Готовность к сотрудничеству сыграла бы на руку репутации Вашей Прожорливости.

- Вы намекаете на то, джто дзерковь должна

идти на компромизз з нозителями зла?

- Не то чтобы на компромисс,- умиротворяюще заметил Мэгнан.- Просто выработать нечто вроде плана мирного сосуществования.

- Я, как духовное литцо, никогда не бойду на зговор з затанинзким отродьем!

- Ну, ну, Ваша Прожорливость, если бы вы просто сели с ними за один стол, вы бы увидели, что это отродье, в конце концов, вполне неплохие парни.

У двери послышался тихий звук. Появился Джекспурт - изящная двухфутовая сфера красной щетины, он возбужденно шевелил своими глазными стебельками. Позади него и над ним нависал голубой спизм.

- Отлично, Ретиф! - воскликнул он.- Я вижу, вы прижучили одного из них. Скидывайте его вслед первому, и давайте отсюда сматываться. Наша небольшая акция позволит выиграть время, чтобы улизнуть до того, как пойдет дым.

- Джекспурт, как ты думаешь, твои парни могли бы быстро переключить некоторые шланги? Вам нужно будет перекрыть сточные трубы и направить дым в другом направлении.

- А это идея! - согласился Джекспурт.- И мне кажется, что я как раз знаю, в каком направлении

его пустить.- Он дал указания большому голубому спизму, который поспешно убежал.

Дьякон забился в угол, с вытаращенными глазами, руками чертя в воздухе священные символы, видимо, призванные отгонять нечисть. В комнату набились еще спизмы - высокие голубые, крошечные и шустрые зеленые, медлительные пурпурные - и все они уставились своими глазами на стебельках на священника.

- На боможжь! - слабым голосом крикнул он.- Бризлужники ада напали на меня!

Мэгнан выдвинул стул из-под стола.

- Присядьте, Ваша Прожорливость,- успокаивающе сказал он.- Давайте просто посмотрим, не сможем ли мы выработать modus vivendi, который устроил бы все стороны.

- Идти на зговор з врагом? Это будет ознаджать конец дзеркви!

- Напротив, Ваша Прожорливость, если вам когда-либо удастся уничтожить оппозицию, вы потеряете работу. Проблема состоит просто в том, чтобы обустроить вещи цивилизованным манером, чтобы были защищены интересы всех и каждого.

- Моджет быть, в этом джто-то и езть,- Ум-Муми-Хуби уселся с кислым видом.- Но неджезтивая

деятельнозть этих служиделен зла должна бодвергатьзя жеетоджайшему контролю - епизкобальному контролю, имеетзя в виду.

- Послушайте, мои парни должны зарабатывать себе на жизнь,- начал Джекспурт.

- Бродажа бриворотного зелья годитзя,- ответил дьякон.- Дзерковь моджет снисходительно смотреть на зкромную торговлю возбуждающими, дурманом и выигрыжными номерами на зкаджках. Но торговать вразнос антисанитарными сладостями для подростков - нет! То же замое казаетзя воровзтва без литцензии и бродажи алкогольных набитков, за исклюджением небольших колиджезтв должным образом зозтаренного бродукта для уботребления духовензтвом, в медицинзких целях, разумеетзя.

- Ладно, на это, я думаю, мы согласимся,- сказал Джекспурт.- Но вам, священникам, с этого момента придется отказаться от вашей пропаганды. Нам бы хотелось, чтобы в церковном искусстве спизмам доставались более достойные роли.

- О, мне кажется, что вы могли бы изображать что-нибудь типа привлекательных маленьких спизмов с крылышками и с нимбами,- предложил Мэгнан.- Я думаю, вы обязаны это сделать для них, Ваша Прожорливость, после всей этой

дискриминации в прошлом.

- Демоны з крылышками? - простонал Ум-Муми-Хуби.- Это пойдет вразрез с нашей символикой - но, болагаю, это моджно узтроить.

- И вам придется дать нам гарантии в том, что все, что находится под землей на глубине от двух футов и ниже, принадлежит нам,- добавил Джекспурт.- Поверхность мы оставим вам, включив сюда и атмосферу, если вы оставите некоторые послабления насчет того, чтобы мы могли время от времени выходить погулять и подышать воздухом.

- Это вболне добузтимо,- согласился Дьякон.- Бодлежит оконджательному утверждению Его Вызокомерием, разумеетзя.

- Кстати,- небрежно поинтересовался Джекспурт,- кто будет следующим на очереди на пост Епископа, если с Ай-Поппи-Гуги что-нибудь случится?

- Болучаетзя, джто я,- сказал Ум-Муми-Хуби.- А джто?

- Просто спрашиваю,- ответил Джекспурт.

Громкий прерывистый гул донесся с широкого пола внизу.

- Что это такое? - завопил Мэгнан.

- Насосы,- объяснил Дьякон.- Жаль, джто так

много спизмов богибнет, но такова воля Ук-Руппа-Тути.

- Сдается мне, что в последнюю минуту Ук-Руппа-Тути изменил свою волю,- сухо заметил Джекспурт,- Мы переключили трубы, так что дым идет в городскую систему канализации. Думаю, к этому времени черный дым валит из каждого сортира в городе.

- Двурушничество, надувательство! - Дьякон вскочил, размахивая руками.- Договор отменяетзя…

- Ай-яй-яй, вы же обещали, Ваша Прожорливость,- стал уговаривать его Мэгнан.- И, кроме того, мистер Ретиф все еще держит пистолет.

- А теперь, если вы просто возьмете микрофон, Ваша Прожорливость,- сказал Ретиф,- то, я думаю, мы сможем без дальнейших задержек открыть эру добрых отношений. Просто спокойно выдерживайте свою роль, и весь почет достанется вам.

VI

- Как жаль, что бедняга Ай-Поппи-Гуги упал с зиккурата, когда изо рта Ук-Руппа-Тути повалил дым,- заметил посол Страпхэнгер, сгружая себе на тарелку очередную изрядную порцию хуганского второго блюда.- Все же следует признать, что это подходящий конец для духовного лица его масштаба - пронестись по желобу и исчезнуть в клубах дыма, как это произошло с ним.

- Да, бумаги на канонизадзию уже готовятзя.- Его ново-водворенное Высокомерие, Епископ Ум-Муми-Хупи бросил нервный взгляд на сидевшего рядом с ним спизма.- Он будет звятым - покровителем восстановленных в правах демонов, чертей и гоблинов.

- Жаль, что вы пропустили все эти интереснейшие события, Мэгнан,- жуя, заметил Страпхэнгер,- И вы тоже, Ретиф. Пока вы пребывали в отсутствии, идеология хуганцев претерпела истинное перерождение - не без моей помощи, скромно могу предположить, вкупе с моими миротворческими усилиями.

- Х-хе! - пробормотал про себя Епископ.

- Честно говоря, из-за этого дыма, я не ожидал, что указание божества будет таким явным,- продолжал Страпхэнгер,- ничего уже не говоря о не имеющей прецедента щедрости…

- Щедрозти? - перебил Ум-Муми-Хупи, тяжелые черты его лица отразили быструю работу ума, когда он мысленно перебирал сделанные им уступки.

- Ну как же, передача всех прав на добычу полезных ископаемых ранее преследуемой на планете расе - очаровательный жест примирения.

- Права на добыджу! Каких болезных изкобаемых? Джекспурт, прекрасно выглядевший в своей новой тунике

главного представителя по делам спизмов при дворе Епископа, заговорил со своего места за столом, накрытым на террасе дворца:

- О, он говорит просто о залежах золота, серебра, платины, радия и иридия, не считая еще рассеянных россыпей алмазов, рубинов и так далее, залегающих под землей. Планета переполнена этими залежами. Мы воспользуемся своими правами, чтобы переправлять товар на поверхность, где он сразу будет грузиться на траспортные суда, так что вам, хугам, мы совсем не будем мешать.

Похожие на шкуру аллигатора черты лица

Епископа побагровели.

- Вы... знали об этих минералах? - задохнулся он.

- А как же, разве предыдущее Его Высокомерие не упоминало вам об этом? Именно поэтому сюда и прибыла наша миссия. Плановая разведка полезных ископаемых, которую наши техники провели из космоса в прошлом году, показала наличие залежей.

- А мы бозтроили нашего главного бога из бронзы - имбортированной бронзы к тому же,- тупо пробормотал Епископ.

- Слишком испугались нескольких спизмов, чтобы заниматься разработками,- театральным шепотом прокомментировал Джекспурт.

На востоке мелькнула вспышка молнии. Прокотал гром. Большая дождевая капля упала в тарелку Страпхэнгеру, затем другая.

- Ой-ой, нам лучше спрятаться,- заметил Джекспурт.- Знаю я эти внезапные шквалы...

Яркая вспышка высветила на фоне черно-синего неба нависающий силуэт бога Ук-Руппа-Тути. Блюда зазвенели на столе, когда звук прокатился по небу, будто там пронеслась колесница на деревянных колесах. Епископ и его гости поспешно поднялись, в то время как небо разрезал третий

иззубренный электрический разряд - и ударил гигантского идола прямо в плечо.

Посыпался сноп искр, рука, расположенная в виде хуганского салюта, стала медленно поворачиваться в локте. Ее предплечье длиной в несколько ярдов, с растопыренными пальцами, медленно описало дугу и остановилась, когда оттопыренный большой палец прочно уткнулся в курносый нос фигуры. Брызнули искры, и палец оказался прочно приваренным к новому месту.

Епископ уставился на него, затем задрал голову и долгим, изучающим взглядом посмотрел в небо.

- Говоря между нами, мирскими людьми,- хрипло сказал он,- вы не думаете, джто этот феномен долджен иметь какое-то озобое знаджение?

- На вашем месте, Ваше Высокомерие, я бы стал смотреть под ноги,- с благоговением проговорил Джекспурт.- И, э-э, кстати, от лица всех спизмов мне бы хотелось сделать вклад в епископальную сокровищницу.

- Хмммммм. Вы никогда не думали, джто нам з вами зледует броводить взаимные конзультации? - спросил Епископ.- Я уверен, это можно узтроить, а джто казаетзя вашего небольшого безвозмездного вклада, о котором вы говорили,

то я зджитаю, джто двадцать процентов дохода будет вболне удовлетворительно…

Они ушли по коридору, погруженные в разговор. Посол Страпхэнгер поспешно ушел, чтобы подготовить депеши в штаб сектора, Мэгнан следовал за ним, наступая на пятки.

Ретиф вернулся на террасу и закурил сигару. Вдалеке виднелась фигура Ук-Руппа-Тути, торжественно показывающего «нос» епископскому дворцу.

Ретиф тем же жестом весело отсалютовал ему.

Протокол

«...в хаосе политической сцены Галактики пост Конкордиатской Эры, ДКЗ появился, чтобы продолжать древние дипломатические традиции, как великая общенациональная организация, служащая целям предотвращения войны. (Ср. оригинальный и цветастый язык: «поддержание состояния напряжения, но без доведения до настоящего конфликта». См. ДКЗ, Дело 178/b/491, том VII/12). Как посредники в спорах среди населенных землянами миров и адвокаты земных интересов в контактах с инопланетными культурами, дипломаты Корпуса, знающие все бюрократические тонкости, ловко

справлялись с
социально-политическо-экономическими конфликтами
Галактики. И никогда еще виртуозность старшего
дипломата Корпуса не проявлялась с таким блеском, как
в случае Посланника Спредли и его переговорах о
неловком Сиенианском вопросе...»

«Официальная История Дипломатического Корпуса Земли»,
том N 1, пленка N 2.
Солярная Пресс, Нью Нью-Йорк, 479 б.э.
(2940 год от рождества Христова).

В сумерках приземистого, грязно-серого здания приемов, Советник, два первых секретаря и старший Атташе собрались вокруг полной фигуры Посланника Спредли - их вычурные дипломатические костюмы яркими пятнами выделялись в сумрачной комнате. Посланник нетерпеливо посмотрел на свои часы-перстень.

- Бен, вы вполне уверены, что время нашего прибытия было сообщено правильно?

Второй секретарь Маньян выразительно кив-

нул головой.

- Я специально подчеркнул этот пункт, господин Посол. Я связался с мистером Т'Каи-Каи как раз перед посадкой, и я особо указал…

- Надеюсь, вы не оказались слишком настойчивы, мистер Маньян, - резко прервал его Посол.

- Ну что вы, господин Посол. Я просто…

- Вы уверены, что здесь нигде нет комнаты отдыха?

Посол обвел глазами помещение, похожее на пещеру.

- Любопытно, что нам даже не предоставили стулья.

- Если бы вы не отказались присесть на одну из этих корзин, я бы подстелил свой…

- Об этом не может быть и речи.

Посол еще раз посмотрел на часы и откашлялся, прочищая горло.

- Я могу с тем же успехом использовать эти несколько минут, чтобы в общих чертах обрисовать нашу дипломатию более юным членам нашей миссии. Все мы должны держаться друг друга, чтобы создать картину общей гармонии нашего представительства. Мы, земляне, добрая, миролюбивая, раса.

Посол улыбнулся доброй, миролюбивой улыб-

кой.

- Мы хотим лишь разумного проникновения в сферу влияния Уиллов.

Он распростер руки, стараясь выглядеть как можно более разумно.

- Мы - народ высокой культуры, этический и искренний.

Улыбка резко сменилась поджатыми губами.

- Мы начнем с того, что потребуем себе всю Сиенианскую систему, а потом согласимся на половину. Мы распространим сферу нашего влияния на самые избранные планеты, с дальним прицелом, и через десять лет займем такое положение, что сможем потребовать еще большего.

Посол огляделся вокруг.

- Если нет вопросов…

Джейм Ретиф, Вице-Консул и Третий Секретарь Дипломатического Корпуса Земли на Уилле и младший сотрудник Земного Посольства, сделал шаг вперед.

- Раз уж мы, земляне, имеем преимущественную заявку на систему, то почему бы нам не выложить сразу все карты на стол? Возможно, если мы будем честны с Уиллами с самого начала, это сильно поможет нам в будущем.

Посол Спредли посмотрел на молодого чело-

века и заморгал глазами. Стоящий рядом с ним Маньян прочистил горло в наступившем всеобщем молчании.

- Вице-Консул Ретиф просто имеет в виду…

- Я вполне способен интерпретировать замечание мистера Ретифа, отрезал Посол.

На его лице появилось отеческое выражение.

- Молодой человек, вы - новичок в нашем деле. Вы еще не разобрались во всеобщей игре, во всех тонкостях дипломатии. Я ожидаю, что вы будете внимательно наблюдать за опытными работниками этой миссии, поймете всю важность и тонкость нашего дела. Исключительное обращение к прямым методам может со временем привести к уничтожению роли профессионального дипломата. Я с дрожью думаю о том, какие это может иметь последствия.

Спредли повернулся к старшим сотрудникам своей миссии. Ретиф подошел к застекленной двери и выглянул в комнату, находящуюся за ней. Несколько десятков высоких серокожих уиллов, развалясь, сидели в глубоких диванах, потягивая сиреневые напитки из изящных стеклянных трубочек. Слуги в черных туниках бесшумно двигались между ними, разнося подносы. Ретиф наблюдал, как группа уиллов в ярких одеждах

подошла к широкой двери на улицу. Один из них, высокий мужчина, потоптался и попытался пройти вперед другого, который вяло поднял вверх руку со сжатым кулаком. Первый уилл сделал шаг назад и положил обе руки на макушку, кивнув головой. Проходя в дверь, оба уилла продолжали улыбаться и оживленно разговаривать.

Ретиф вновь присоединился к земной делегации, сгрудившейся вокруг нескольких грубых урн, поставленных на грубый бетонный пол, когда к ним подошел серокожий уилл небольшого роста.

- Я - П'Туа. Идти сссюда…

Он показал рукой. Земляне пошли вперед, с Послом Спредли во главе. Когда величавый дипломат дошел до двери, проводник-уилл кинулся вперед, оттолкнув его плечом, затем заколебался, выжидая. Глаза Посла вспыхнули, потом он вспомнил об общей гармонии. Он улыбнулся, изящным движением пропуская уилла вперед. Уилл что-то пробормотал на своем родном языке, огляделся, затем прошел в дверь. Группа землян последовала за ним.

- Хотел бы я знать, что это он говорил, - произнес Маньян, догоняя Посла. - То, как он оттолкнул Ваше Превосходительство, было просто отвра-

тительно.

Группа уиллов стояла на тротуаре рядом со зданием. Когда Спредли стал приближаться к шикарному открытому автомобилю, стоявшему у обочины, они сомкнули ряды, не давая ему пройти. Он выпрямился, открыл рот, потом со стуком его захлопнул.

- Ну и ну, - скороговоркой говорил Маньян, семеня за Спредли, возвращающегося к группе землян. - Можно подумать, что эти уиллы совсем не знают о том, какое почтение надлежит оказывать Главе Миссии.

- Они не знают, какое почтение надо оказывать даже помощнику мясника! - отрезал Спредли.

Собравшиеся вокруг землян уиллы нервно засуетились, бормоча что-то на своем родном языке.

- Куда это в конце-концов запропастился наш переводчик! - рявкнул Посол. - Осмелюсь заметить, они уже составляют заговор в открытую…

- Жаль, что приходится полагаться на местного переводчика.

- Если бы я знал, что нам окажут здесь такой негостеприимный прием, сухо сказал Посол, - я бы изучил язык лично, конечно, по пути сюда.

- О, господин Посол, я вовсе никого не критиковал, - торопливо вставил Маньян. - Великие

небеса, кто бы мог подумать…

Ретиф выступил вперед.

- Господин Посол, - сказал он. - Я…

- Позже, молодой человек, - отрезал Посол.

Он сделал знак Советнику, и они отошли вдвоем в сторонку, сблизив головы.

Голубоватое солнце сверкало на темном небе. Ретиф смотрел, как от его дыхания в прохладном воздухе образуется морозное облачко. Широкий фургон на колесах подкатил к платформе. Уилл указал землянам на низенькую заднюю дверь, потом отошел назад, в ожидании.

Ретиф с любопытством посмотрел на выкрашенный в грязно-серый цвет фургон. На его борту уиллскими буквами было написано что-то вроде «мускат». К сожалению, он не успел за время пути изучить и письменность тоже. Возможно, позже ему представится случай сказать Послу, что он может быть переводчиком для всей миссии.

Посол вошел в фургон, земляне последовали за ним. В нем не было ни одного сидения, как и в зале ожидания. Нечто, похожее на поломанное шасси, валялось на полу, вместе с обрывками бумаги и пурпурно-желтым носком, сшитым на широкую ногу уилла. Ретиф оглянулся. Уиллы о чем-то возбужденно переговаривались. Ни один

из них не вошел в фургон. Двери закрылись и земляне, сгрудившись под низкой крышей, услышали, как заработал мотор, и фургон тронулся с места.

Это была очень неуютная поездка. Колеса без амортизаторов били о неровные камни мостовой. Когда фургон завернул за угол, Ретиф протянул руку и подхватил Посла, потерявшего равновесие. Посол бросил на него мрачный взгляд, поправил свою треуголку и горделиво выпрямился - до следующего рывка фургона.

Ретиф наклонился, пытаясь хоть что-то разглядеть сквозь единственное пыльное окошко. Казалось, они ехали по широкой улице, по обе стороны которой располагались низкие строения. Фургон въехал в большие ворота, прокатился еще немного и остановился. Дверь открылась. Ретиф посмотрел на неприглядный серый фасад с крохотными окнами, расположенными в неправильных интервалах. Небольшой ярко-алый автобус подкатил и остановился впереди них, из него выходил в полном составе приемный комитет уиллов. Сквозь широкие окна автобуса Ретиф разглядел богатые чехлы на креслах и фужеры, стоящие на небольшом баре.

П'Туа, переводчик уиллов, пошел вперед, делая

знак рукой по направлению к низкой маленькой двери в серой стене. Маньян бросился вперед, поспешив открыть ее и придержать для Посла. Когда тот подошел к ней, уилл вырвался вперед и остановился, заколебавшись. Посол Спредли выпрямился, засверкав глазами. Потом рот его перекосился в ледяной улыбке и он сделал шаг в сторону. Уиллы переглянулись друг с другом, потом пошли в дверь.

Ретиф вошел в здание последним. Когда он был еще на пороге, мимо него проскользнул слуга, одетый во все черное, снял крышку с большой коробки у двери и бросил в нее бумажный поднос, заполненный отбросами. На одной из сторон коробки была сделана надпись на языке уиллов. Как заметил Ретиф, она читалась похоже на «мускат».

Прошел примерно час, когда Ретиф вышел из предоставленной ему крохотной каморки и спустился в банкетный зал. Стоя у открытых дверей, он закурил дорогую сигару и, сузив глаза, смотрел, как неприемные слуги в черном, спешат по низкому неширокому коридору, внося полные подносы в огромную комнату, расставляя приборы на больших столах, расставленных четырехугольником таким образом, что центр

комнаты оставался совсем пустым. По центру ближайшего к двери стола была расстелена тяжелая парча, остальные столы были застланы не менее тяжелыми льняными скатертями. За всем этим белым великолепием шел широкий дощатый стол, ничем не покрытый, на поверхности которого стояли металлические тарелки. Богато одетый уилл подошел к двери, отошел в сторону, пропуская слугу, и вошел в зал.

Услышав за собой голоса землян, Ретиф повернулся. К нему подходил Посол в сопровождении двух дипломатов. Он бросил на Ретифа взгляд, поправил крахмальный манжет и посмотрел в зал.

- По всей видимости, нас опять заставят ждать, - пробурчал он. После того, как нас с самого начала проинформировали, что уиллы не желают уступать решительно ни в чем, можно подумать…

- Господин Посол, - сказал Ретиф. - Вы заметили, что…

- Однако, - сказал Посол Спредли, глядя на Ретифа, - опытный дипломат не должен позволять себя обращать внимание на мелкие неприятности. В конце-концов… а, Маньян…

Он повернулся и начал что-то говорить.

Откуда-то донесся звук гонга. Через мгновение коридор заполнился оживленными голосами

уиллов, которые проходили мимо группы землян в банкетный зал. П'Туа, переводчик, подошел к ним, поднял руку.

- Подождать здесссь…

Еще больше уиллов заполнило зал, рассаживаясь по местам. Приблизились два стража в шлемах, приказывая землянам отойти назад. Непомерных размеров, с огромным зобом, уилл, мягко звеня одеждами, усеянными драгоценными камнями, прошествовал к двери и прошел в нее, сопровождаемый еще несколькими стражниками.

- Глава Государства, - услышал Ретиф голос Маньяна. - Его Великолепие, Ф'Кау-Кау-Кау.

- Я еще должен представить свои полномочия, - забеспокоился Посол Спредли. - Можно было бы ожидать более точного соблюдения протокола, но я должен признаться…

Он покачал головой.

Заговорил переводчик уиллов.

- Сссейчасс фм лечь на сссвои кишшки и ползззти к тому ссстолу.

Он указал рукой через всю комнату.

- Кишки?

Посол Спредли растерянно огляделся вокруг.

- Не сомневаюсь, что мистер П'Туа имеет в виду

наши животы, - сказал Маньян. - Он просто хочет сказать, что мы должны лечь и ползком добраться до наших мест, господин Посол.

- А почему вы при этом улыбаетесь, вы, идиот? - рявкнул Посол.

Лицо Маньяна вытянулось.

Спредли посмотрел на свои ордена и медали, свисавшие до самого пупа.

- Это... Я...

- Чтобы оказзать почччтение богам, - сказал переводчик.

- А-а, религия, - протянул кто-то из секретарей.

- Ну, если речь здесь идет о вере...

Посол сомнительно огляделся вокруг.

- Вообще-то тут всего несколько сот футов, - сказал Маньян.

Ретиф сделал шаг вперед и оказался перед П'Туа.

- Его Превосходительство, Посол Земли не будет ползти, - громко и ясно сказал он.

- Ну-ну, молодой человек. Я ничего не говорил о...

- Не ползззти?

На лице переводчика застыло совершенно непонятное уиллское выражение.

- Это - против нашей религии, - сказал Ретиф.

- Протифф?

- Мы - служители богини-змеи, - ответил Ретиф. - Ползти для нас святотатство.

Он прошел мимо переводчика, чуть оттолкнув его и направился к далекому столу. Остальные последовали за ним.

Пыхтя, Посол догнал Ретифа, когда они уже приближались к дюжине незанятых стульев в дальнем конце квадрата, напротив устланного парчой стола Его Великолепия Ф'Кау-Кау-Кау.

- Мистер Ретиф, будьте так любезны зайти ко мне после этого банкета, - прошипел он. - А тем временем, я очень надеюсь, что вы сдержитесь от дальнейших необдуманных поступков. Разрешите мне напомнить вам, что здесь, я - Глава Миссии.

Маньян подошел к ним сзади.

- Разрешите и мне присоединить свои поздравления, Ретиф, - сказал он. - Молодцом, что не растерялись.

- В своем ли вы уме, Маньян? - рявкнул Посол. - Я крайне недоволен.

- Но, - поперхнулся Маньян, - я ведь, конечно, говорил в ироническом смысле, господин Посол. Естественно, что я тоже растерялся от такой его самонадеянности.

Земляне заняли свои места, с Ретифом в самом конце стола. Стол перед ними был из голых зеленых досок, уставленный мелкими тарелками.

Уиллы за столом, некоторые в простых серых одеждах, другие в черных, молчаливо наблюдали за ними. Среди них происходили постоянные перемещения; то один, то другой вставали и уходили, уступая место новым уиллам. Трубы и свирели оркестра завывали вовсю, и голоса уиллов за соседними столами, соответственно, становились все громче и громче. Рядом с Послом остановился уилл в черном. Разговор за соседними столами затих, и все уиллы в молчании принялись наблюдать, как слуга накладывает беловатого цвета суп в самую большую миску, стоящую перед посланником Земли. Переводчик смотрел, наклонив голову.

- Достаточно, - сказал Посол Спредли, когда миска наполнилась до краев.

Слуга уиллов плеснул в миску еще одну поварешку супа. Жидкость пролилась на поверхность стола.

- Будьте любезны услужить остальным членам моей делегации, - приказал Посол.

Переводчик что-то произнес тихим голосом. Слуга заколебался, потом подошел к следующему

стулу и принялся наливать суп в другую миску.

Ретиф наблюдал, прислушиваясь к перешептыванию вокруг. Уиллы за столами вытягивали шеи, чтобы лучше видеть. Слуга быстро разливал суп, отворачивая глаза в сторону. Он дошел до Ретифа и зачерпнул полную поварешку.

- Нет, - сказал Ретиф.

Слуга заколебался.

- Я сказал - нет, - повторил Ретиф.

Подбежал переводчик, сделал знак слуге, который вновь принялся вынимать полную поварешку из кастрюли.

- Я не буду есть суп! - сказал Ретиф, и голос его громко прозвучал во внезапно наступившей тишине.

Он уставился на переводчика, который некоторое время тоже неотрывно смотрел на него, потом услал слугу и пошел вперед.

- Мистер Ретиф, - прошипел голос.

Ретиф посмотрел в дальний конец стола.

Посол наклонился вперед, глаза его сверкали, а лицо было цвета переспелой свеклы.

- Я вас предупреждаю, мистер Ретиф, - хрипло сказал он. - Я ел овечьи глаза в Судане, «ка све» в Бирме, столетний «кат» на Марсе и многое что другое, поставленное передо мной в процессе

моей дипломатической карьеры, и, клянусь священными останками Святого Игната, вы сделаете то же самое!

И с этими словами он опустил в миску похожую на кишку ложку.

- Не ешьте этого, господин Посол, - сказал Ретиф.

Посол уставился на него широко открытыми глазами. Он открыл рот, поднося к нему ложку.

Ретиф встал, схватился за стол снизу и рванул его вверх. Огромная деревянная конструкция поднялась и накренилась; блюда полетели на пол. С диким грохотом стол последовал за ними. Молочно-белый суп растекся по полу, несколько мисок, звеня, покатились по комнате. Среди уиллов раздались крики, заглушившие удушенный вопль Посла Спредли.

Ретиф прошел мимо членов миссии, смотрящих на него широко открытыми глазами, к их задыхающемуся шефу.

- Господин Посол, - сказал он. - Я бы хотел…

- Вы бы хотели! Я вас уничтожу, вы, молокосос, хулиган! Вы понимаете…

- Пожалуйссста…

Переводчик остановился рядом с Ретифом.

- Приношу свои извинения, - сказал Посол

Спредли, вытирая вспотевший лоб. - Мои глубочайшие…

- Замолчите, - сказал Ретиф.

- Ч-ч-ч-что?!

- Не извиняйтесь, - пояснил Ретиф.

П'Туа указал рукой.

- Пожалуйссста, всссе идти сссюда…

Ретиф повернулся и пошел вслед за ним.

Та часть стола, к которой их препроводили, была покрыта вышитой белой скатертью, уставлена блюдами из тонкого фарфора. Уиллы, уже сидевшие за этим столом, поднялись, и среди несмолкаемых разговоров, потеснились, давая место землянам. Одетые в черное уиллы в конце стола сомкнули ряды, чтобы заполнить пустующие места. Ретиф уселся, глядя на расположившегося рядом Маньяна.

- Что здесь происходит? - спросил Второй Секретарь.

- Нам подали собачью пищу, - сообщил Ретиф. - Я подслушал одного уилла. И они усадили нас за стол для слуг.

- Вы хотите сказать, что понимаете их язык?

- Я выучил его по пути сюда, по крайней мере в достаточной степени, чтобы…

Музыка взорвалась бряцанием фанфар, и поток

жонглеров, танцоров и акробатов выбежал в центр пустого квадрата, жонглируя, танцуя и ходя колесом. Бесчисленное множество слуг разносили огромные подносы, уставленные пищей, раскладывая ее на тарелки уиллов и землян, наливая пурпурное вино в высокие фужеры. Ретиф попробовал пищу уиллов. Она оказалась восхитительной. Продолжать беседу в наступившем гаме и шуме было невозможно. Он смотрел на представление и со вкусом ел и пил.

Ретиф откинулся на спинку кресла, довольный тем, что музыка умолкла. Последние блюда с остатками пищи были убраны, в фужеры добавлено новое вино. Утомленные артисты, наклоняясь, подбирали квадратные монеты, брошенные им обедающими. Ретиф вздохнул. Это был редкий обед.

- Ретиф, - спросил Маньян, когда в зале наступило относительное затишье, - что вы говорили о собачьей пище до начала представления?

Ретиф посмотрел на него.

- А разве вы не обратили внимания на то, что происходит, мистер Маньян? На систему намеренных оскорблений?

- Намеренных оскорблений! Ну, уж это вы слишком, Ретиф. У них, конечно, отсутствует

наше понятие вежливости, они толпятся в дверях и всякое такое, но…

Он неуверенно посмотрел на Ретифа.

- В космопорту нас заставили ожидать в камере для хранения багажа. Затем привезли сюда на мусоровозе.

- Мусоровоз?

- Конечно, символический. Нас провели через служебный вход и предоставили комнатушки в том крыле здания, где располагаются слуги. Затем нас усадили в самом конце стола, где располагаются местные кули.

- Не может этого быть! Вы, наверное, ошибаетесь! Ведь в конце-концов - мы делегация Земли - уиллы не могут не осознавать нашего могущества.

- Вот в этом-то и дело, мистер Маньян. Но…

Грохнули цимбалы и музыканты принялись играть с новой силой. Шесть высоких уиллов в шлемах выбежали на центр зала, разбились на пары и устроили представление, полу-танцуя, полу-сражаясь. Маньян дернул Ретифа за рукав: губы его шевелились. Ретиф покачал головой. Никому не удавалось разговаривать под уиллский оркестр, играющий в полную силу. Ретиф медленно потягивал красное вино и смотрел на

представление.

Несколько неуловимо быстрых движений, и двое танцующих упало, а их партнеры повернулись друг к другу и продолжали танец-битву между собой, предварительно исполнив ритуал вызова на бой: затупленные сабли звенели друг о друга; вскоре упали еще двое уиллов. Это был бешеный танец. Ретиф смотрел во все глаза, забыв о бокале с вином.

Последние уиллы приближались и отступали, поворачивались, делали ложные выпады и парировали удары. А затем одни из них поскользнулся и упал, стукнувшись об пол шлемом, а второй, высоченный и мускулистый, завертелся в сумасшедшем танце под еще более громкий вой труб, в то время, как на пол посыпались монеты, а затем замер перед небольшим столом, поднял вверх саблю и сильно ударил ею прямо по белой скатерти перед разодетым, в кружевах, уиллом. Раздался звон цимбал, и музыка замолкла.

В полной тишине воин-танцор уставился через стол. С криком сидящий уилл вскочил на ноги и поднял вверх руку со сжатым кулаком. Танцор наклонил голову, положил свои руки на шлем и возобновил танец под вновь начавшуюся музыку. Богато одетый уилл небрежно помахал рукой,

швырнул на пол горсть монет и вновь уселся за стол.

Теперь танцор остановился перед покрытым парчой столом - и вновь музыка резко оборвалась, когда его сабля опустилась перед толстым уиллом в причудливой, украшенной серебром одежде. Уилл, который получил вызов, поднялся на ноги, поднял кулак, и вновь танцор наклонил голову и положил руки на шлем. Зазвенели монеты, и танец продолжался.

Он кружил по залу, вращая саблей, делая руками символические движения. Затем, внезапно, он оказался перед Ретифом, возвышаясь над ним, высоко занеся саблю над головой. Музыка умолкла и в мгновенно нависшей тишине тяжелая сабля со свистом рассекла воздух и опустилась на стол с таким грохотом и силой, что тарелки запрыгали, угрожая свалиться на пол.

Глаза уилла смотрели прямо на Ретифа. В тишине ясно было слышно, как икнул подвыпивший Маньян.

Ретиф отодвинул стул.

- Спокойно, мой мальчик, - мужественным голосом произнес Посол Спредли.

Ретиф встал - уилл на целый дюйм превышал его рост в шесть футов три дюйма. Движением,

слишком быстрым для того, чтобы его мог заметить человеческий глаз, Ретиф протянул руку и ухватился за рукоять сабли, одновременно выкручивая ее в сторону и вырывая из рук уилла, в ту же секунду занося над головой и опуская вниз по сверкающей дуге. Уилл мгновенно пригнулся, отпрыгнул назад и схватил одну из сабель, оброненных другими танцорами и валявшихся на полу.

- Остановите этого сумасшедшего, - взвыл Спредли.

Ретиф перепрыгнул через стол, скидывая по дороге хрупкую фарфоровую посуду.

Пританцовывая, уилл отступил назад, и только тогда оркестр заиграл в полную силу, с визгом свирелей и сумасшедшей дробью барабанов.

Не делая никакой попытки следовать прихотливой мелодии уиллского болеро, Ретиф наступал на уилла, делая резкие выпады тупой саблей, неутомимо преследуя его по залу. Положив левую руку на бедро, Ретиф отвечал ударом на удар, все время тесня своего противника.

Уилл забыл о той роли, которую исполнял. Позабыв о танце и музыке, он принялся биться уже не на шутку, делая выпады, нанося удары, парируя. Теперь они уже стояли нога к ноге, и

звон шел от бешено мелькавших в воздухе сабель. Уилл отступил на шаг, на два, затем чуть отклонился в сторону, ведя Ретифа за собой все дальше, дальше…

Ретиф сделал ложный выпад, затем от души нанес удар плашмя по серому черепу. Уилл покачнулся, сабля его упала на пол. Ретиф отступил в сторону, когда уилл начал падать, с грохотом рухнув на пол.

Оркестр смолк в последнем вздохе свирелей. Ретиф перевел дыхание и вытер лоб.

- Немедленно подойдите ко мне, вы, молодой глупец! - хрипло позвал Посол Спредли.

Ретиф крепче ухватился за саблю, повернулся, посмотрел на устланный парчой стол. Он пошел через зал. Уиллы сидели как парализованные.

- Ретиф, нет! - взвыл Спредли.

Ретиф подошел прямо к Его Величеству Ф'Кау-Кау-Кау, остановился, поднял саблю над головой.

- Только не Главу Государства, - простонал кто-то из земной миссии.

Ретиф резко опустил саблю вниз. Тупое лезвие пробило парчу, застряв в твердом дереве стола. Стояла мертвая тишина.

Его Великолепие Ф'Кау-Кау-Кау поднялся на ноги - семь тучных серых футов уилла. С выра-

жением на широком лице, непонятном для глаз землянина, он поднял вверх сжатый кулак, похожий на окорок, увешанный бриллиантами.

Ретиф замер на долгое-долгое мгновение. Затем он грациозно наклонил голову и приложил кончики пальцев к своим вискам. Позади него раздался грохот - Посол Спредли свалился со стула в полуобморочном состоянии. Затем Его Великолепие Ф'Кау-Кау-Кау взревел и потянулся через весь стол, распахивая свои объятия землянину, а оркестр обезумел. Серые руки помогли Ретифу перебраться через стол, стулья были раздвинуты, освобождая место Ретифу рядом с Ф'Кау-Кау-Кау. Слуга подставил кресло. Ретиф уселся, взял в руки высокий фужер угольно-черного вина, всунутый его соседом, чокнулся с Его Великолепием, выпил.

- Пиршество кончается, - сказал Ф'Кау-Кау-Кау. - А теперь, я и ты, Ретиф, должны устроить Совет.

- Это большая честь для меня, Ваше Величество, - сказал Ретиф. - Я должен оповестить об этом моих коллег.

- Коллег? - переспросил Ф'Кау-Кау-Кау. - Вести переговоры - дело предводителей. Кто осмелится говорить за короля, если у него еще есть язык?

- Путь уиллов мудр, - сказал Ретиф.

Ф'Кау-Кау-Кау залпом опустошил квадратную кружку розового пива.

- Я буду иметь дело с тобой, Ретиф, как с наместником, раз ты говоришь, что король ваш стар, а расстояние между планетами велико. И никакие мелкие сошки не будут мешать нашим с тобой переговорам.

Он усмехнулся уиллской усмешкой.

- А потом мы будем веселиться, Ретиф. Стул Совета тверд, а ждущие девицы восхитительны - это приводит к быстрому соглашению.

Ретиф улыбнулся.

- Ваше Великолепие - сама мудрость.

- Естественно, каждое существо предпочитает особей своего вида, сказал Ф'Кау-Кау-Кау.

Он рыгнул. Наше Министерство Культуры импортировало несколько земных девиц для развлечений, говорят, образцы экстра-класса. По крайней мере, у них очень большие и толстые - как вы их там называете...

- Ваше Великолепие очень предусмотрительны, - сказал Ретиф.

- Так пойдем же, Ретиф. Может быть я тоже поразвлекаюсь с одной из ваших землянок. Изредка, я не прочь заняться извращениями.

Ф'Кау-Кау-Кау ткнул локтем Ретифа под ребро и

зашелся смехом.

Идя рядом с Ф'Кау-Кау-Кау к двери и проходя мимо стола, покрытого простой полотняной скатертью, Ретиф услышал голос Посла Спредли.

- Ретиф, - сказал он, - будьте любезны, принесите свои извинения и подойдите ко мне. Я желаю сказать вам несколько слов.

Тон его голоса был ледяным. Маньян стоял позади него, икая.

- Я прошу простить меня за кажущуюся грубость, господин Посол, сказал Ретиф. - У меня сейчас нет времени объяснить…

- Грубость! - взвыл Спредли. - Нет времени, вот как? Разрешите мне сказать вам…

- Будьте любезны, говорите тише, господин Посол, - сказал Ретиф. Положение все еще очень деликатное.

Спредли задрожал, рот его раскрылся. Наконец он обрел голос:

- Вы… вы…

- Молчать! - отрезал Ретиф.

Спредли посмотрел в лицо Ретифа, какое-то мгновение не в состоянии оторвать взгляда от его серых глаз. Он закрыл рот и сглотнул слюну.

- У уиллов, кажется, создалось впечатление, что я - руководитель всей делегации, - сказал

Ретиф. - Нам придется поддержать в них это заблуждение.

- Но… но… - заикаясь, произнес Посол Спредли.

Затем он гордо выпрямился.

- Это - последняя капля, - хрипло прошептал он. - Я - Чрезвычайный Посол Земли, Полномочный Министр. Маньян сообщил мне, что нас намеренно и непрерывно подвергали оскорблениям с момента нашего прибытия; заставляли ожидать в камере хранения багажа, перевозили в мусоровозе, отвели помещение вместе со слугами, предложили помои в качестве обеда. А теперь я и мои старшие помощники брошены на произвол судьбы, нам не оказывают ни малейшего внимания, в то время как этот… этот… эта особа разговаривает с… с…

Голос Посла Спредли пресекся.

- Может быть, я несколько поторопился, Ретиф, пытаясь сдерживать вас. Оскорбление местных богов и опрокидывание стола довольно-таки крайние меры, но ваше поведение было, возможно, частично оправдано. Я готов отнестись к вам снисходительно.

Он скосил на Ретифа один ярко горящий глаз.

- А сейчас я удаляюсь отсюда, мистер Ретиф. Я не собираюсь подвергаться еще раз этим личным…

- Ну, хватит, - резко произнес Ретиф. - Мы заставляем Его Великолепие ждать.

Лицо Спредли налилось кровью.

Маньян, наконец, прекратил икать и обрел дар речи:

- Но что вы собираетесь предпринять, Ретиф?

- Я собираюсь завершить заключение этого договора, - сказал Ретиф.

Он протянул Маньяну свой пустой фужер.

- А сейчас сядьте и создавайте впечатление общей гармонии.

За роскошным столом, в дипломатической каюте, на борту орбитального звездолета, принадлежащего Дипломатическому Корпусу, Посол Спредли с поджатыми губами и свирепым выражением лица глядел на Вице-Консула Ретифа.

- Далее, - сказал он, - вы выказываете полное отсутствие понимания дисциплины Корпуса, уважения, которое следует оказывать вашим старшим товарищам, как и полное отсутствие элементарной вежливости. Ваши отвратительные манеры, вспышки ничем не оправданного насилия и почти не поддающаяся никакому описанию наглость в превышении власти, делают ваше дальнейшее пребывание в Дипломатическом Корпусе Земли, как офицера и агента,

невозможным. А следовательно, моим печальным долгом будет рекомендовать, чтобы вас немедленно…

Раздался приглушенный звонок коммутатора. Посол откашлялся, прочищая горло:

- Да?

- Сообщение из Штаб-Квартиры Сектора, господин Посол, - сказал голос.

- Да, я слушаю, - отрезал Спредли. - Читайте, но только самое главное.

- Поздравляем с беспрецедентным успехом вашей миссии. Условия соглашения, переданного вами - самое благоприятное решение труднейшей сиенианской ситуации, которое создаст основу дружественных отношений между Земными Штатами и Империей Уиллов. Вам и вашим коллегам объявляется глубочайшая благодарность за великолепно проделанную работу. Подписано: Помощник Заместителя Секретаря Стернвиллер.

Спредли нетерпеливо отключил коммутатор. Он стал перебирать бумаги на столе, потом бросил на Ретифа резкий взгляд:

- Внешне, гммм… сторонний наблюдатель, может придти, конечно, к заключению, что… эээ… результаты, достигнутые несмотря на эти… гммм… невероятные методы, оправдывают…

эээ… их.

Посол улыбнулся печальной, мудрой улыбкой.

- Однако, это далеко не так, - сказал он. - Я…

Опять прозвучал мягкий звонок коммутатора.

- Ах, чтоб тебя, - пробормотал Спредли. - Да?

- Прибыл мистер Т'Каи-Каи, - сказал голос. - Что…

- Немедленно пригласите его войти.

Спредли посмотрел на Ретифа.

- Правда, у него всего два слога, но я попытаюсь исправить это ложное впечатление, добиться улучшения…

Два землянина молча ожидали, пока не услышали, как Министр протокола уиллов постучал в дверь.

- Надеюсь, - сказал Посол, - что вы воздержитесь от того, чтобы воспользоваться преимуществом вашего не совсем обычного положения.

Он посмотрел на дверь.

- Войдите.

Т'Каи-Каи вошел в комнату, бросил взгляд на Спредли, потом повернулся, приветствуя Ретифа на разговорном уиллском языке. Он обогнул стол, остановившись за стулом Посла, движением руки приказал ему встать и удобно уселся.

- А у меня для вас небольшой сюрприз, Ретиф,

- сказал он на земном языке. - Я лично воспользовался той обучающей машиной, которую вы были настолько добры, что ссудили нам.

- Вот и прекрасно, - сказал Ретиф. - Я уверен, что мистера Спредли будет небезинтересно послушать наш разговор.

- Пусть его слушает, - милостиво согласился уилл. - Я ведь сейчас с неофициальным визитом.

Он с любопытством оглядел комнату.

- Как просто вы украшаете свое помещение, но в этом есть свое суровое очарование.

Он рассмеялся уиллским смехом.

- О, вы странные особи, земляне. Вы нас всех поразили. Знаете-ли, ведь всякие ходили слухи. Могу сообщить вам, между нами, конечно, что до знакомства, мы считали вас дуркополовинными.

- Полудурками, - безжизненно поправил Спредли.

- Такое самообладание! Какое удовольствие вы доставили тем из нас, таким, как я, например, по достоинству оценившим ваше понимание протокола. Такая тонкость! Как искусно вы игнорировали каждый наш ход, как изумительно избегали при этом прямых конфронтаций! Теперь-то я могу сказать, что среди нас были и такие - бедные дурачки - которые считали, что

вы совершенно не разбираетесь в этикете. Как восхищены были мы, профессионалы, которые в полной мере могли оценить вашу виртуозность, когда вы начали приводить свой план в исполнение, опрокинув этот стол с кошачьей пищей! После этого одно удовольствие для нас было сидеть и ждать, в какой же форме вы выразите свое почтение.

Уилл гостеприимно распахнул свой портсигар с оранжевыми сигаретами, затем засунул одну из них в ноздрю.

- Должен признаться, что даже я не надеялся на то, что вы так почтите наше Великолепие. О, какое это наслаждение иметь дело с друзьями-профессионалами, понимающими значение протокола.

Посол Спредли попытался что-то сказать, но из его горла вырвался только хрип.

- Этот человек простудился, - сказал Т'Каи-Каи.

Он с сомнением посмотрел на Спредли.

- Стойте дальше, мой милый, я очень легко заражаюсь.

Есть одно небольшое дело, с которым я счастлив покончить прямо сейчас, мой дорогой Ретиф, - продолжал Т'Каи-Каи.

Из своей папки он вытащил какой-то большой

документ.

- Его Великолепие тверд в своем решении, что никто, кроме вас, не будет аккредитован здесь. У меня с собой решение нашего правительства, подтверждающее ваше назначение земным Генеральным Консулом на нашей планете. Мы будем ждать вашего возвращения с нетерпением, Ретиф.

Ретиф посмотрел на Спредли.

- Я уверен, что Корпус даст свое согласие, - сказал он.

- Тогда я пойду, - сказал Т'Каи-Каи. - Возвращайтесь поскорее, Ретиф. Вы еще много чего не видели в великой Империи Уиллов.

Он по-уиллски подмигнул.

- Вместе, Ретиф, мы испытаем много веселых и интересных приключений.

Динозавр
1

Когда Ретиф расплатился с перевозчиком и поднялся на причал, второй секретарь посольства Маньян с трудом протолкался через толпу, собравшуюся у входа в ограду королевской резиденции. Его узкое лицо пылало от внутреннего напряжения.

- Вот вы где! - закричал он, заметив своего подчиненного. - Я разыскиваю вас повсюду! Посланник Пинчботтл будет вне себя от ярости!...

- Что это у вас на голове? - Ретиф разглядывал дряблый воздушный шарик унылого желтого цвета, свисавший над левым ухом Маньяна.

Маньян скосил глаза на разноцветный помпон, подпрыгивающий при каждом движении, пучок развевающихся замызганных перьев и болтающуюся связку длинных грязных шнурков - все это крепилось к его голове при помощи розовой ленты сомнительной чистоты, завязанной под подбородком.

- Это же церемониальный головной убор на Рокаморре, вот, возьмите, - он порылся в своей

форменной фиолетовой визитке, вытащил связку резиновых шариков и перьев и протянул их Ретифу. - Это для вас, напяльте их сейчас же. Боюсь, несколько перьев помялось…

- Где Посланник? - прервал его Ретиф. - Я должен ему кое-что сообщить.

- Вы должны будете много кое-чего сообщить ему, - перебил Маньян. - Включая и то, почему вы на полчаса опоздали на церемонию вручения верительных грамот!

- Ага! Вот он с членами миссии направляется ко дворцу. Извините, мистер Маньян… - Ретиф, расталкивая толпу, бросился к широкой входной арке в высоком кубическом строении в дальнем конце двора. Длинноногий, с коротким туловищем, без всяких признаков шеи и с огромными плоскими ступнями абориген, одетый в изысканный костюм из кружев и оборочек, с пикой в руке, величественным жестом разрешил ему пройти.

В нескольких ярдах отсюда Посланник и члены его миссии стояли в тусклом полумраке перед аляповатой картиной из светящегося пластика, раскрашенной в слизисто-зеленый, диспептически-розовый и цирротически - желтый цвета.

- …классический дипломатический ход, - говорил Пинчботтл. - Хотел бы я посмотреть на

физиономии наших коллег с планеты Гроуси, когда они узнают, что мы их обскакали!

- Мистер Посланник… - начал Ретиф.

Пинчботтл резко обернулся, с минуту стоял уставившись в точку над поясной пряжкой Ретифа, затем дернул шарообразной лысой головой и окинул холодным взглядом своего подчиненного.

- Сколько раз я предупреждал вас, чтобы вы оставили свою привычку бесшумно подкрадываться сзади! - взвизгнул он. - В моем присутствии топайте ногами, когда входите!

- Мистер Посланник, я бы хотел…

- Избавьте меня от перечисления всего того, чего вы хотите или не хотите, мистер Ретиф! Церемония вот-вот начнется… - он повернулся, обращаясь к более широкой аудитории. - Джентльмены! Я надеюсь, вы все можете засвидетельствовать, как умело я выдерживал протокол с момента нашего прибытия на Рокаморру сегодня утром. Прошло не более шести часов, а мы уже почти добились статуса первой дипломатической миссии, когда-либо аккредитованной на этой планете! Планете - не мне напоминать вам об этом - которая славится наиболее энергичной коммерческой активностью и

неослабевающей враждебностью к дипломатам. И все-таки я…

- Прежде чем продолжить все это дальше, мистер Посланник, - вмешался Ретиф, - я думаю…

- Позвольте напомнить вам, сэр! - повысил голос Пинчботтл. - Сейчас говорю я! О предмете чрезвычайной важности, а именно - о себе! То есть о моем… э-э вкладе в историю дипломатии.

Пара одетых в широкие мантии рокаморранцев засуетились вокруг землян, размахивая вычурными канделябрами, из которых валили клубы едкого красного и зеленого дыма. Туземцы принимали различные причудливые позы, громкими голосами нараспев произносили непонятные ритуальные заклинания, затем отступили назад. Один из них указал тонким многосуставчатым пальцем на Ретифа и издал звук, похожий на звук пилы, проведенной по натянутой басовой струне виолончели.

- Где ваш головной убор, Ретиф? - прошипел Пинчботтл.

- У меня его нет, и я вот что хотел сказать вам…

- Немедленно наденьте! И становитесь на свое место в моем эскорте! - угрожающе проскрипел Посланник, следуя по пятам за местными официальными лицами.

Маньян, подоспевший к этому моменту, возбужденно замахал перьями.

- Не обращайте внимания на то, что они слегка поломались! Надевайте - и все!

- Оставьте это! - отмахнулся Ретиф. - Мне они не понадобятся.

- Что вы хотите этим сказать? Мы все должны носить это…

- Только не я. Я не буду участвовать в церемонии. И советую вам…

- Грубейшее нарушение субординации! - ахнул Маньян и поспешил следом за Посланником. Два высоких стражника выступили вперед, чтобы воспрепятствовать не имеющему официального головного убора Ретифу следовать дальше.

2

Это была весьма колоритная церемония, которая включала в себя энергичную порку дипломатов вполне реальными розгами, погружение в бассейн, вода в котором, судя по выражению окунавшихся лиц, была значительно холоднее, чем бодрящий утренний ветерок. Заканчивалось все это быстрой пробежкой вокруг огражденной территории резиденции - десять кругов, - во время которой запыхавшихся землян подгоняли местные сановники, размахивавшие бичами и скакавшие вприпрыжку позади них. Ретиф, наблюдая за происходящим с удобной позиции среди зевак за линией ограждения, выиграл десять кредитов в местной валюте, поставив на главу миссии, чью спортивную форму он оценил значительно выше, чем у остальных коллег по финальному забегу.

Под звон глухо звучащего гонга рокаморранцы согнали вместе тяжело дышавших землян и прочли им по длинному свитку речь. Затем маленький абориген выступил вперед, неся на пурпурной бархатной подушке с вышитыми

буквами «МАМА» длинный шестифутовый меч - земного происхождения, как отметил про себя Ретиф.

Высокий рокаморранец в розовато-лиловом и красновато-коричневом одеянии выступил вперед и поднял меч. Посланник отшатнулся, пробормотав: «Послушайте, милейший…», но тут же был водворен обратно на место. Носитель меча торжественно опоясал дородную фигуру дипломата украшенной бисером перевязью и прикрепил к ней ножны.

Затем наступило молчание. Местные аборигены уставились на земного эмиссара.

- Маньян, вы отвечаете за протокол. Что мне по-вашему, теперь следует делать? - пробормотал Посланник уголком рта.

- Я бы порекомендовал сейчас вашему превосходительству отвесить… э… легкий поклон, после чего мы все повернемся и уйдем, пока они не придумали еще новых пыток…

- Ол райт, ребята, все вместе, - хрипло прошептал Пинчботтл. - Налево кру-у-гом!

Маньян охнул, получив во время выполнения этого маневра чувствительный удар ножнами по ноге. Затем они торжественно удалились во главе с Посланником, который, гордо выпрямившись

во весь свой, увы, далеко не внушительный рост - он едва достигал пяти футов - важно шествовал впереди, вычерчивая за собой острием меча дорожку в пыли. Из толпы туземцев доносились веселые возгласы, которые быстро слились во всеобщий радостный крик. Аборигены оживленно хлопали землян по плечам, предлагали им ароматизированные сероводородом наркотические сигаретки, протягивали фляжки с зеленоватой жидкостью. Вся церемония вылилась во всеобщее ликование.

Ретиф, протиснувшись через толпу, перехватил Посланника, который с трудом пробирался среди возбужденных аборигенов.

- А-а-а, Ретиф! - прорычал тот. - Отсутствовали во время процедуры, я заметил! Всю дорогу сюда только и знали, что сидели, как сыч, у себя в каюте, а теперь бойкотируете свои официальные обязанности! Явитесь ко мне, как только я пристрою это великолепное символическое оружие, которого я был удостоен!...

- Как раз об этом я и хотел сказать, мистер Посланник. Это оружие отнюдь не символическое. От вас ожидают, что вы примените его по назначению.

- Что? Употребить по назначению? Мне? - Пинч-

боттл кисло усмехнулся. - Я повешу его на стене как символ…

- Быть может потом, сэр, - перебил Ретиф. - сегодня вам предстоит с ним поработать.

- Поработать?…

- Мне кажется, вы неправильно поняли смысл церемонии. Рокаморранцы ничего не смыслят в дипломатии. Они думают, что вы прибыли сюда для того, чтобы помочь…

- Так оно и есть, - фыркнул Пинчботтл. - А теперь посторонитесь и пропустите меня!

- …поэтому они ожидают, что вы выполните свое обещание.

- Обещание? Какое обещание?

- В этом и заключалась церемония! У рокаморранцев сейчас крупные неприятности, и вы обещали избавить их от этих неприятностей.

- Разумеется! - решительно кивнул Пинчботтл. - Я уже запланировал проведение экономического обследования.

- Это совсем не то, мистер Посланник. Тут поблизости разгуливает на свободе девяностофутовый динозавр по имени Грундертуш…

- Динозавр?… - голос Пинчботтла сорвался на визгливой ноте.

Ретиф кивнул утвердительно.

- Вы только что поклялись убить его завтра до захода солнца...

3

- Послушайте, Ретиф, - озадаченно спросил первый секретарь Уоффл, - как это вам удалось понять суть церемонии, которая велась на этом варварском местном жаргоне?

- Я и не понял - они болтали чересчур быстро. Но я успел немного познакомиться с их языком по дороге сюда, изучая его по магнитофонным записям, и сегодня имел приятную беседу с переводчиком...

- Я откомандировал вас позаботиться о помещении и обслуживающем персонале, а не болтать со всяким местным сбродом! - раздраженно фыркнул Пинчботтл.

- Но должен же я был как-то изъясняться, арендуя помещение. Местные жители не понимают языка жестов.

- Дерзите, мистер Ретиф? Можете считать себя временно отстраненным от должности.

Группа рокаморранских чиновников приблизилась к ним в сопровождении колонны копьеносцев, невозмутимых и грозных в своих зеленых чешуйчатых нагрудниках и наколен-

никах.

- Да, вот еще что, - добавил Пинчботтл. - прежде чем вы отправитесь под домашний арест, мистер Ретиф, объясните этим деятелям, что мы вряд ли сможем быть им полезны в деле уничтожения этого… э… чудовища.

Тем не менее я полагаю, что могу обещать им небольшую библиотечку службы информации, отлично укомплектованную последними брошюрами ДКЗ (Дипломатического Корпуса Земли).

Один из рокаморранцев выступил вперед и слегка поклонился, обращаясь к посланнику:

- Досточтимый сэр, я имею удовольствие быть Хаккопом, переводчиком ротовых звуков землян, выученных от целой кучи немецких, японских и еврейских землян-торгашей. Мы с ними разводили приятные тары-бары еще до того, как вы, ребята, брякнулись на на наше побережье…

- Ах, вот как! Жаль, что вас не было рядом во время церемонии. Теперь мы разберемся во всем этом недоразумении!

Посланник бросил на Ретифа уничтожающий взгляд.

- Я слышал… э… про какого-то динозавра, который… ха, ха! - бродит по окрестностям…

- Да, да, досточтимый сэр! Чертовски удачно

вы, ребята, попали сюда при данных обстоятельствах!

Пинчботтл нахмурился.

- Пожалуй, лучше будет, если я сразу разъясню нашу позицию, просто на случай какой-нибудь грубой ошибки в переводе. Разумеется, я аккредитован Дипломатическим Корпусом Земли как Чрезвычайный Посланник и Полномочный Министр при вашем правительстве, наделенный неограниченными правами для...

- Гикк! С таким громким титулом вы, конечно не можете сплоховать! Возьмите наших ребят для подмоги, или вы сами справитесь с Грундертушем, чтобы отхватить побольше славы?

- Эй! Послушайте - я же дипломат! Моя миссия состоит в том, чтобы помочь вашей бедной отсталой нации...

- Да, да - правильный жест межпланетного правительства!

- Минуточку, - Пинчботтл выпятил нижнюю губу и направил указующий перст в небеса. - Я осуществляю свои функции при помощи слов и документов, сэр, а не физическими действиями! То есть я уполномочен обещать вам все, что посчитаю нужным и полезным, но выполнение всего этого я оставляю людям более низкого

ранга.

- На этом конце Галактики друг сказал - друг сделал…

- Конечно! Я свяжусь с сектором Главного Штаба не позже следующего месяца, когда вернется мой корабль. Думаю, кое-что можно будет устроить.

- Грундертуш злодействует сейчас! Нельзя ждать будущего месяца! У вас есть настоящий меч - японская фирма - и Вы убиваете Грундертуша!

Нижняя челюсть Пинчботтла задрожала.

- Сэр! Вы забываетесь! Я - Посланник Земли, а не проклятый забойщик скота!

- Ты, парнишка, нарушаешь рокаморранскую традицию номер шесть - ноль

- два, которую выдал пару часов назад досточтимый Совет Старикашек!

Пинчботтл отстегнул меч и отшвырнул его в сторону. Ретиф, моментально нагнувшись, поймал его на лету, прежде чем он упал в грязь. Посланник Пинчботтл, скрестив руки на груди, свирепо сверкнул глазами на рокаморранца.

- Позвольте мне заявить здесь, немедленно и без оговорок, что ни с каким динозавром я сражаться не намерен!

Лицо Хаккопа сморщилось, словно ком сырой

глины.

- Это окончательное решение?

- Именно так, сэр!

Переводчик повернулся к копьеносцам и произнес несколько слов на горловом рокаморранском языке. Те сомкнулись и направили копья на четырех дипломатов, которые принимали участие в церемонии принятия клятвы.

- Послушайте, что здесь происходит? - воскликнул Посланник.

- Похоже, сэр, что они забирают вас в местную каталажку, - сказал Ретиф.

- Они не имеют права! А вас почему не трогают?

- Я ведь не давал клятвы...

- Ты, парнишка, двигай вперед, - произнес Хаккоп, глядя на Посланника. - Рокаморре некогда возиться с нарушителями присяги!

- Простите, сэр! - заблеял первый секретарь. - Как долго мы будем находиться в заключении?...

- Один день! - ответил Хаккоп нехорошо улыбаясь.

- Ну, это еще не так плохо, Ваше превосходительство, - заметил Маньян. - Мы можем провести время, обдумывая свое алиби, - я, конечно, имею в виду составление донесения в главный штаб с

изложением всех обстоятельств этой, с позволения сказать, дипломатической победы наоборот.

- Завтра, - рявкнул Пинчботтл. - завтра, милейший, могу вас в этом заверить, я предприму решительные шаги...

- Я имею удовольствие сомневаться в этом, вероломный обманщик! - резко оборвал Посланника Хаккоп. - Ведь чертовски трудно делать шаги с отрубленной головой?...

4

Посланник Пинчботтл сердито смотрел на Ретифа через зарешеченное окно тюремной камеры.

- Я считаю вас, сэр, полностью ответственным за то, что вы своевременно не сообщили мне об этом варварском обычае! Надеюсь, вы установили связь с кораблем и потребовали его немедленного возвращения!?

- Боюсь, что нет, сэр. У местного передатчика нет нужных диапазонов.

- Вы в своем уме!? Это значит... - тут Пинчботтл обессиленно повис на перекладинах решетки. - Ретиф, они же снимут с нас головы... - простонал он.

Отряд рокаморранцев с копьями вывернул из-за угла и промаршировал к двери камеры землян. Хаккоп достал массивный ключ.

- Ну, что, парнишка? Ты готов принять участие в экзекуции?

- Минуточку, - вмешался Ретиф. - они же обещали убить Грундертуша к завтрашнему заходу солнца. У нас есть в запасе еще целый день.

- Верно. Только отрубление головы у нас всегда делают после обеда. Так выгоднее: больше зрителей по кредиту за вход.

Ретиф покачал головой.

- В высшей степени незаконное действие. Казнь нескольких дипломатов вещь вполне естественная, но она должна проводиться в соответствии с протоколом, иначе вам на голову свалится эскадра Объединенных сил по поддержанию мира еще до того, как вы успеете произнести «вмешательство во внутренние дела».

- Мм... Пожалуй, ты прав, землянин. О'кей, отложим это на завтрашний вечер. Будет казнь при факелах: очень красиво!

- Ретиф! - Маньян задыхаясь протиснулся к решетке и с мольбой посмотрел на него. - Неужели нет способа предотвратить эту ужасную судебную ошибку?

- Способ один: ты, парнишка, передумай и убей Грундертуша, - весело сказал Хаккоп.

Ретиф задумался.

- А что, эти джентльмены обязаны лично выполнить работу?

- Обязательно! Я не могу допустить, чтобы этот героический акт сделал любой Том, Жорж или Мейер. К тому же уничтожители Грундертуша не

просто национальные герои. Они получают много-много прохладительного, а также зелененькие бумажки!

- Что вы на это скажете, сэр? - обратился к шефу Уоффл. - Придется пойти, а? Терять нам, пожалуй, нечего…

- Но как? Не могу же я убить чудовище, швырнув в него папку с отчетами?

- Может быть, выкопать яму, и пусть он в нее провалится?

- А вы имеете представление, каких именно размеров понадобится яма, чтобы причинить хоть маленькую неприятность девяностофутовой рептилии, вы, идиот?

- Предположим, Посланнику будет оказана некоторая помощь, - решил вмешаться Ретиф. - Это не будет расходиться с правилами?

Хаккоп насторожился, склонив набок свою лягушачью голову.

- Это хороший вопрос. Должен проверить в Министерстве традиций.

- Я бы с радостью помог, конечно, - тот час же заявил Маньян. - да только вот этот мой проклятый кашель… - он судорожно сглотнул.

- Именно - кха, кха! - подхватил Уоффл. - Наверное, сырой воздух, сквозняки, все эти каналы…

- Но Вы освободите их из тюрьмы, чтобы они могли обследовать район действий и составить хоть какой-нибудь план операции? - спросил Ретиф.

- Нет, - покачал головой Хаккоп. - Нарушители клятвы попадают в карцер по приказу Большого Начальника. И освобождать можно только через него. Но буду рад навести справки по этому вопросу после тихого часа.

- Когда же это будет?

- Тихий час завтра после обеда. Карлик-с-блестящей-головой и его друзья как раз будут иметь время, чтобы выкинуть какой-нибудь номер до начала представления.

- Но как же мы можем убить динозавра, сидя здесь взаперти? - возмутился Пинчботтл.

- Надо было подумать об этом до того, как нарушить присягу, - живо ответил Хаккоп.

- Интересный вопрос, правда? Стоит поломать головы, пока они совсем не слетели.

5

На улице Ретиф отвел Хаккопа в сторонку.

- Не думаю, чтобы нашлись какие-нибудь возражения против того, чтобы я тут немного поосмотрелся? Хотелось бы увидеть, как выглядит это чудовище.

- Конечно, делай что хочешь. За осмотр Грундертуша денег не берут, смотри в любое время, бесплатно - только деньги надо на дорогу.

- Понятно. Вряд ли Вы дадите мне официального проводника…

- Верно. Рокаморранцы очень скупые, ничего не дают, особенно иностранцам.

- Но у меня только мелочь в кармане. Полагаю, Вы не оплатите мне чек?

- Смотри-ка, опять угадал! Ловко же это у тебя получается, землянин. Ты, наверное, всегда выигрываешь пари?

- Что же со мной будет, когда кончатся деньги?

- Ага, не догадался, испортил репутацию! Ладно, так и быть, подскажу: когда кончатся деньги, ты сразу попадаешь в рабство.

- Да-а-а… Я чуствую, вас не особенно тревожит,

будет ли устранена угроза чудовища.

- Правильно отгадал! Большие туристы приезжают, заключают пари. Больше интереса, когда есть на кого поставить. Сейчас ставка десять к одному против землян.

- А тем временем динозавр пожирает людей?

- Конечно, нескольких крестьян он уже сожрал. Но пока Грундертуш не сможет съесть меня лично, это меня не колышет, выражаясь словами великого барда.

- Шекспира?

- Нет, Эгберта Гизензеккера, одного из первых торгашей-землян, того самого, кто доставил игральные карты на Рокаморру.

- Карты и кости, вот как?

- Конечно! Ты играешь в карты, землянин? Пойдем развлечемся, оставим заботы и печали, скоротаем время до великого представления завтра вечером.

- Отличная мысль, Хаккоп! Показывай дорогу.

6

На рассвете Ретиф вышел из рокаморранского игорного притона. Он вел Хаккопа на тонкой цепочке, прикрепленной к стальному кольцу на его тонкой лодыжке. Тот послушно тащил вместительную корзину рокаморранских денег.

- Эх, Ретиф-хозяин, паршивую шутку сыграл ты со мной, сдав мне трех дам дурной репутации…

- Я, кажется, предупреждал тебя насчет моральных принципов, Хаккоп. Лучше скажи, можно ли полагаться на все те разговоры о повадках Грундертуша, которые я слышал от ваших ребят там, в кабаке?

- Конечно, Ретиф-шеф, информация первый класс!

- Ол райт! Следующая остановка - Министерство традиций. Показывай дорогу, Хаккоп.

7

Спустя час Ретиф вышел из Министерства. Он был хмур и озабочен.

- Не сказал бы, что это лучшая сделка в мире, но, пожалуй, это лучше, чем ничего.

- Надо было предложить взятку крупнее, босс.

- Ладно, справимся и так, если повезет. Мне понадобится вертолет и хороший бинокль. Организуй все это и жди меня через час у большого канала.

- Зачем ломать себе голову из-за каких-то ничтожных людишек там, в каталажке, сэнсэй? Слушай, у меня есть план: мы заключаем сделку. Ты играешь, а я околачиваюсь вокруг и подаю сигналы солнечными зайчиками при помощи специальных противосолнечных очков?...

- Дела мы обсудим потом. А теперь шевелись, пока я не заявил на тебя в Комитет по Рабовладельческим правам!

- Сию минуту, барин! Тип-топ!

Хаккоп стремглав бросился выполнять поручение, а Ретиф отправился в ближайший магазин спортивных товаров.

8

Через час Хаккоп посадил подержанный вертолет на поплавках у причала, где уже ожидал Ретиф, сидя рядом с целой горой разнообразного добра. Землянин поймал швартовый канат, подтянул легкую машину поближе к берегу, передал на борт все свои покупки и залез сам.

- Говорят, Грундертуш пасется где-то в одной-двух милях к востоку от города. Держи курс туда, попробуем его обнаружить.

Вертолет поднялся над папоротникоподобными пальмами и, набирая высоту, повернул на восток над сверкающей водной чешуей канала и куполообразными жилищами Рокаморр-сити. Там, за окраиной города, между последними участками возделанной земли и далекой полосой джунглей на горизонте, простиралось обширное болото.

- Вот он, хозяин! - подпрыгнул на сиденье Хаккоп, указывая вдаль.

Ретиф взял бинокль и с трудом разглядел массивную тушу, почти неразличимую среди высоких деревьев, поднимавшихся отдельными

группами из мелкой воды болота.

- Да, великоват, ничего не скажешь. Но ведь он поедает верхушки деревьев, а говорили, что он хищник.

- Конечно, хищник, хозяин! Глупые крестьяне спасаются от него на деревьях, и Грундертушу не приходится даже нагибаться.

Вертолет приблизился к лакомящемуся динозавру футов на триста и Хаккоп принялся кружить над чудовищем, чтобы дать возможность Ретифу хорошенько разглядеть его. Гигантская рептилия, раздраженная жужжащей помехой, подняла голову с огромными челюстями и издала рев, похожий на звук исполинской трубы. Ретиф имел возможность полюбоваться впечатляющим зрелищем багровой пасти, достаточно широкой, чтобы туда мог въехать бульдозер, утыканной острыми зубами, похожими на сталактиты.

- Ничего себе, добродушный парнишка! А можно ли предугадать, куда он двинется дальше?

- Думаю, можно. Грундертуш всегда выбирает путь полегче: сначала объест как следует одну деревню, потом идет к следующей. Тут, как я понимаю, уже все закончено. Значит, после обеда он отправится дальше, к ближайшей деревне в полумиле к югу отсюда.

- Поворачивай туда!

Хаккоп снизился до высоты в пятьдесят футов и на бреющем полете повел вертолет над широким пространством мелкой воды, оставляя позади волнистую рябь и склоняющиеся под ветром от винта камыши.

- Какая тут глубина? - спросил Ретиф.

- По колено при низком отливе.

- А когда наступает отлив?

- Сегодня за час до заката.

- А грунт?

- Исключительно жидкая топкая грязь. Эй, хозяин, не хочешь ли спуститься и поваляться немного в грязи? Очень помогает от всяких болезней.

- К сожалению, мы, земляне, не земноводные.

- Ой, большие извинения, шеф! У меня и в мыслях не было намекать на расовые недостатки!

- Как думаешь, Грундертуш направится прямо по болоту?

Вертолет уже повис над глинобитными стенами ближайшей деревни. Ретиф мог наблюдать ее обитателей, занимавшихся обычными делами, по-видимому, вовсе не встревоженных своим положением очередного блюда в меню гигантского пресмыкающегося.

- Трудно сказать, хозяин. Может и свернуть, если соблазнит какой-нибудь аппетитный рыбак или компания неосторожных купальщиков.

- Сумеем ли мы здесь достать пару лодок и нанять нескольких рабочих?

- Ретиф-хозяин, у тебя столько денег, что ты можешь нанять целый город! - вздохнул Хаккоп. - Я все время вспоминаю о том предпоследнем трюке. Никак не мог предположить, что у тебя на монете два орла и ни одной решки!

- Ладно, нечего скулить после драки! - прикрикнул на него Ретиф. - Спускайся здесь, на базарной площади.

Хаккоп приземлился и кивнул в сторону растущей толпы любопытных туземцев:

- Сказать деревенщине - пошли вон, - чтобы не мешать Ретифу-хозяину делать покупки, да?

- Ни в коем случае. Они нам понадобятся. Слушай внимательно, Хаккоп, вот я что придумал…

9

После полудня Ретиф, мокрый и покрытый до самых бедер черной грязью, приказал Хаккопу приземлиться на самой северной окраине деревни - узкой полоске земли, огражденной с обеих сторон подпорными стенами из засохшей грязи. В полумиле отсюда, неуклюже переваливаясь в болоте, медленно пробирался по мелководью Грундертуш, издавая негромкие ворчащие звуки.

- Звук хорошо доносится по воде, - заметил Ретиф, обернувшись к Хаккопу. - Кажется, будто, он уже прямо над головой.

- И скоро будет, тип-топ! - предсказал Хаккоп. - Ретиф-мастер думает, что веревка через болото заставит этого большого болвана упасть и разбиться вдребезги? - Рокаморранец указал рукой на прочный дюймовый нейлоновый канат, протянутый на высоте двух футов над поверхностью воды поперек пути чудовища.

- Он сюда не дойдет, если все сработает как надо. Сколько у нас времени в запасе? Еще час?

- Смотри, хозяин, Грундертуш остановился,

чтобы почесаться…

Ретиф увидел, как динозавр уселся на корточки, погрузившись в болото по самые ляжки. Затем он поднял массивную ногу, чтобы поскрести свою бронированную шкуру двухфутовыми когтями, вздымая при этом целые каскады и фонтаны болотной воды.

- Может, еще час, а может, и все полтора, до обеда, - рассудительно закончил Хаккоп.

- О'кей, давай действовать! Гони сюда тягловую команду, пусть привязывают веревку к центру каната и натягивают его в ту сторону, пока не зацепят за крюк, - Ретиф указал на прочную конструкцию, состоящую из восемнадцатидюймового бревна, торчащего из земли на высоту одного ярда, с прикрепленным на его конце рычагом.

- Ретиф-хозяин, твои смиренные рабы целый день трудились в зарослях, привязывая веревки к деревьям…

- Ничего, еще немного осталось. Как там команда зарубщиков справляется со столбом?

- Первый класс, сахиб. Почти скоро один конец будет очень острый, а на другом - зарубка…

- Как только столб будет готов, тащите его сюда. Уложите его на пару развилок, которые твои

люди должны были заколотить вон там, в дне болота.

- Слишком много дел в одно время, - захныкал Хаккоп. - Бвана Ретиф имеет очень странное хобби!

- Я полетел на вертолете в город, через полчаса вернусь. Чтобы все было приготовлено точно так, как я объяснил, иначе головы полетят не только у землян!

10

Огромное бледное солнце Рокаморры со своим маленьким голубовато-белым спутником, расположившимся в непосредственной близости от светила, только что начало погружаться в величественный пурпурный и розовый закат, когда Ретиф вернулся и посадил вертолет у края мола.

- Охайо, Ретиф-сан! - окликнул его Хаккоп. - Все готово по плану. Теперь надо попадать в точку, очень быстро! Грундертуш чересчур близко, чтобы менять прицел!

- Вы только взгляните на это чудище! - ахнул Уоффл, выбираясь из вертолета. - Оно размером с Джиль-Джосский дворец, и двигается прямо в нашем направлении!

- Зачем Вы привезли нас сюда, Ретиф? - испуганно спросил Пинчботтл. Сейчас он был значительно бледнее чем обычно. - Я предпочитаю быть... э... обезглавленным, чем служить закуской этому левиафану!

- Все очень просто, мистер Посланник, - говорил успокаивающе Ретиф, ведя за собой толстого дипломата к тому месту, где рядом с готовым

к действию механизмом уже стоял сияющий Хаккоп. - Вам только придется пустить в ход этот деревянный молот, чтобы спустить курок. Тот освободит канат, который сократится и метнет этот заостренный кол…

- Р… Ретиф! Вы что, не видите, что… что…

- Да, я знаю - он выглядит довольно внушительно с расстояния в сотню ярдов. Не правда ли, мистер Маньян? Но двигается он медленно. У нас еще много времени.

- У нас? Вы что, и нас собираетесь втянуть в это безумное предприятие? - возмутился оправившийся дородный эмиссар.

- Вы же слышали, что сказал Хаккоп, сэр. Вы, джентльмены, должны лично убить это животное. По-моему, я устроил все так, чтобы…

- Ооо! Шеф! - завопил Хаккоп. - Посмотрите туда! Двое пьяных отправились на рыбалку!

Ретиф быстро обернулся и увидел плоскодонку, которую толкали, весело распевая во все горло, двое нетвердо державшихся туземцев. Выведя лодку на глубину они разобрали весла и направили лодку в сторону от динозавра, так что лодка должна была проплыть в пятидесяти ярдах от него.

- Останови их, Хаккоп! Если он сейчас изменит

направление, все пропало!

Хаккоп, не раздумывая, с размаху прыгнул в болото, приложил ладони ко рту и заорал. Рыбаки заметили его, весело помахали в ответ и двинулись дальше.

- Ничего не выйдет, сэнсэй. - Хаккоп зашлепал по грязи обратно к берегу. - Послушай, лучше мы с тобой уберемся отсюда, нагрянем в один городишко тут неподалеку, на другом конце архипелага, и займемся азартной игрой...

- Мистер Посланник, приготовьтесь! - крикнул Ретиф, срываясь с места.

- Я сейчас подманю его сюда. Когда я подам знак, бейте молотом по крючку, но ни секундой раньше!

Он бросился к маленькому деревянному причалу, прыгнул в стоящую там лодку, сорвал ее с привязи и быстро заработал веслами, погнав лодку в сторону Грундертуша. Ящер уже заметил рыбаков и, раскрыв пасть, нерешительно поглядывал в их сторону. Затем он издал рокочущий рев, тяжеловесно повернулся и двинулся им наперерез. Ретиф замахал веслом и закричал, преграждая ему дорогу. Гигантская тварь заколебалась, обернулась, чтобы посмотреть на Ретифа, и заревела опять. Однако после очередной

вспышки веселья, сопровождавшимся громким пением и хохотом в лодке рыбаков, она снова решительно направилась к ним. Ретиф нагнулся, нашарил на дне лодки тяжелое ржавое грузило и швырнул его в Грундертуша. Грузило ударилось в необъятную кожаную грудь с громким звуком - бломм! - после чего чудовище замешкалось и уставилось левым глазом на Ретифа. Оно глядело, так и сяк поворачивая голову, словно гигантская курица, чтобы подключить к действию и правый глаз. Затем в его крохотном мозгу созрело окончательное решение: массивная лапа с чавкающим звуком поднялась из болота, и ящер шагнул к Ретифу. Тот быстрыми гребками весел погнал лодку обратно к берегу. Динозавр, раздраженный видом ускользающей добычи, прыгнул вперед, сократив расстояние на тридцать футов, и поднял такое волнение, что утлая лодчонка Ретифа запрыгала и закачалась на волнах. Ретиф, пытаясь удержать равновесие, потерял весла.

- Бонза-Ретиф! - завопил Хаккоп. - Сейчас не время валять дурака!

- Да сделайте же что-нибудь! - пронзительно заголосил Маньян.

- Он же его сожрет! - визжал Уоффл.

Динозавр прыгнул опять. Его огромные челю-

сти, похожие на ковш гигантского экскаватора, с треском захлопнулись на расстоянии одного ярда от лодки. Ретиф, стоя на корме, прикинув расстояние, повернулся, поднял руку и резким рубящим движением опустил ее вниз.

- Пускайте, мистер Посланник! - закричал он и прыгнул через борт.

Окаменевший Посланник Пинчботтл ошалело стоял возле пускового устройства гигантского самострела, не в силах пошевелиться. Расширенными от ужаса глазами он глядел, как Грундертуш вытянул над водой во всю длину свою двадцатифутовую шею со стекающими по ней ручьями грязи и с жутким ревом ринулся за Ретифом, который изо всех сил пытался доплыть до берега. В последнее мгновение Ретиф увернулся и нырнул влево. Озадаченный ящер снова поднял голову, чтобы осмотреться. Взгляд его остановился на группе дипломатов, столпившихся на берегу, теперь уже не более чем в пятидесяти футах от него. От этого взгляда Пинчботтл, вцепившийся в рукоятку деревянного молота, как в последнее спасение, с неподобающим его комплекции и возрасту проворством, повернулся и бросился бежать к вертолету. Трое других землян с воплями ужаса последовали за ним. Когда толстый

глава миссии кенгуровыми скачками проносился мимо секретаря Маньяна, тот, как бы невзначай, вытянул ногу. Посланник запнулся и шлепнулся лицом в мягкую грязь. Молот кувыркаясь полетел в сторону. Маньян прыгнул, на лету поймал его, подскочил к пусковому крючку, размахнулся и изо всех сил ударил по рычагу.

Раздался глубокий музыкальный звук: бон-н-н! Заостренный двенадцатифутовый кол из твердого дерева выпорхнул, словно стрела из лука, брошенный тугой тетивой нейлонового каната. Грундертуш, как раз готовившийся к последнему броску на ничтожную, барахтавшуюся перед ним в грязи козявку, резко осел назад, когда гигантское копье вонзилось в его грудь, погрузившись в нее на половину своей длины. Ретиф вынырнул как раз в тот момент, когда динозавр зашатался и рухнул с чудовищным всплеском во взбаламученную воду, подняв огромную волну, которая достигла берега и залила дерущихся за место в вертолете обезумевших землян болотной грязью, перемешанной с кровью…

Пинчботтл, пошатываясь, поднялся на ноги, отплевываясь и отфыркиваясь. Когда вода спала, Маньян тяжело опустился на землю, достал из кармана носовой платок и принялся машинально

вытирать грязь с отворотов пиджака, наблюдая за конвульсиями агонии смертельно раненного чудовища. Хаккоп радостно завопил и бросился в воду, чтобы помочь Ретифу выбраться на берег.

- Отличная работа, босс! Куча мяса на жаркое для целого города! Во всяком случае, прекрасная компенсация за разочарование, что не придется увидеть, как рубят головы землянам!

11

Промокая платком покрытый грязью пластрон своей рубашки, Посланник Пинчботтл снисходительно кивнул Ретифу:

- Хоть Вы и поставили меня в такое неудобное положение, молодой человек, но я рад отметить, что вы все же довели дело до относительно удачного завершения. Естественно, я в любой момент мог бы вывести из затруднительного положения и себя, и штат моих коллег, направив нужное слово по нужному адресу, но я решил, что для вас будет очень ценным практическим опытом завершить начатое вами самостоятельно.

- Эй, Ретиф-хозяин, когда будем сгонять землян в гусиный строй, чтобы надевать им на ноги цепи?

- Не думаю, чтобы это было так уж необходимо, Хаккоп.

- Что такое? Какие цепи? - Пинчботтл резко повернулся к рокаморранцу.

- Эй, послушайте, Вы, негодяй! Я убил ваше чудовище, к чему меня обманом вынудил ваш варварский закон! А теперь я требую…

- Раб не требует ничего, - резко перебил его Хаккоп. - Раб только крепко держит язык за зубами, много работает и надеется избежать побоев...

Посланник обернулся к Ретифу:

- Что, смею спросить, имеет в виду этот идиот?

- Видите ли, мистер Посланник, у рокаморранцев очень жесткие правила в такого рода делах. Однако, мне удалось с ними договориться. Давший клятву, по закону не имеет права пользоваться посторонней помощью во время выполнения взятых обязательств.

- Помощью? Какой помощью? Ах, да, я припоминаю, что вы резвились и плескались в болоте, в то время как я... э... хм... то есть член моего коллектива, хотел я сказать, уничтожил зверя!

- Верно. Но рокаморранцы считают, что каким-то образом и я тоже замешан в этом деле и, при сложившихся обстоятельствах, они согласились заменить всем вам приговор на пожизненное рабство.

- Рабство?!.

- К счастью, мне все же удалось откупить у них исключительное право на пользование вашими услугами - тем более, что ваши головы еще на плечах...

- Откупить?! Ну, в таком случае, мой мальчик,

я думаю, что смогу закрыть глаза на все ваши огрехи. А теперь, будьте любезны, проследите, чтобы мой багаж…

- Боюсь, все не так просто, сэр. Мне ведь необходимо оплачивать ваше содержание, а так как я истратил все деньги, купив вас в качестве рабов…

- Пинчботтл поморщился, -…придется вам поработать, чтобы хоть как-то прокормиться до прибытия звездолета.

- Но… но… но… пройдет больше месяца…

- О'кей, земляшки, я, Хаккоп, есть главный надсмотрщик над рабы. Вы будете слушать мой команда. Первый работа - снимать жир с туша, хороший работа, кушать две недели не меньше раза в день, получать пачка сигарет раз в неделя, если не лениться…

- Но… но… Ретиф! А вы что будете делать?

- Хаккоп говорит, в двух милях отсюда пасется еще один динозавр. Если мне удастся его убить, я смогу обеспечить вас работой еще на две недели. Самое главное, продержаться до прибытия звездолета.

- Эй, Ретиф-сан! - Хаккоп подошел вплотную к землянину и стал шептать ему на ухо. - Может, лучше взять худолицый раб, Маньян, вместе с я и

ты. Коротышка-дурной-глаз не простит Маньян, что подставил ножка, помешал первым залезть в геликоптер.

- Неплохая мысль, Хаккоп. Веди его сюда…

12

Через два часа Ретиф, Хаккоп и Маньян, вымытые и одетые в новые рокаморранские камзолы, сидели на высокой террасе под черепичной крышей и лакомились отлично приготовленной запеканкой из белой рыбы со специями и съедобными морскими водорослями. Вид на город и водную гладь на востоке был восхитителен. Три яркие луны Рокаморры вычерчивали три серебристые дорожки на воде, освещая живописные островки-деревушки и, в отдалении, огромную тушу динозавра, лежавшего на спине с задранными кверху лапами. Отсюда видны были даже маленькие фигурки, ползающие по туше, как блохи. Можно было различить их ручки, размахивающие мачете.

- Ретиф, зачем зря терять время над сочной туземной едой? - капризно скулил Хаккоп. - Большая игра в Красный Глаз идет сейчас полным ходом в таверне «Золотая пивная кружка».

- Не торопи меня, Хаккоп. Закажи-ка лучше выпивку по второму заходу - но только не для мистера Маньяна. Ему нельзя злоупотреблять

спиртным. Посланник не одобряет выпивку.

Маньян бросил на него задумчивый взгляд.

- Кстати, Ретиф, зная ваши таланты в карточной игре… и в этом… э… мини-блиц-домино… Как это вы не сумели сколотить достаточно средств, чтобы содержать Посланника Пинчботтла и остальных без необходимости заставлять их разделывать динозавров?

Ретиф выбрал свежий напиток из коллекции, которую официант поставил перед ними, и одобрительно кивнул.

- Мистер Маньян, корабль прибудет не раньше, чем через шесть недель, а может и позже. Неужели бы вы хотели, чтобы неаккредитованный дипломат с натурой Посланника Пинчботтла бегал на свободе среди рокаморранцев в течение всего этого времени?

- Я понимаю, что вы имеете в виду, Ретиф. Но если он узнает, он придет в ярость.

- Я не собираюсь нагружать его знаниями, мистер Маньян. А вы?

Маньян поджал губы.

- Нет, - сказал он. - Чего он не знает, то его не тревожит, верно?

Ему удалось изобразить слабое подобие улыбки.

- Кстати, по этому поводу, я думаю, что все же смогу позволить один стаканчик...

Памятная записка

Обладая глубочайшими знаниями в области регулирования деятельности разнообразных группировок, умело разрешая конфликтные ситуации, вызванные столкновениями различных политических взглядов, дипломаты Корпуса предотвратили войну на многих мирах. В частности, на планете Пилястра посол Магнан, используя накопленный опыт…

Том VII, пленка 43, 487 г.б.э. (2948 г. от Рождества Христова).

Сидя за столом напротив Ретифа, посол Магнан озабоченно посмотрел на него и переложил стопку бумаг с одного места на другое.

- Эту памятную записку, третью за неделю, только что передал мне Министр Культуры, - произнес он, взяв из стопки верхний листок. - В ней говорится о фракции молодежи, которой необходим спонсор.

- Веселая молодежь, - заметил Ретиф. - Каждому дитяти не меньше семидесяти пяти лет.

- Пилястриане - долгожители, - резко сказал Магнан. - Все на свете относительно. В семьдесят пять у них переломный возраст.

- Это верно. Когда им удается переломать кому-нибудь руки или ноги, они прыгают от восторга.

- Вот именно. Вы уловили суть стоящей перед нами проблемы. В политической ситуации, сложившейся на Пилястре, молодежное движение играет большую роль, и организация шефства над группой юношей - очень ловкий дипломатический ход с моей... э-э... со стороны Посольства Земли. Когда я подал эту идею, все сотрудники миссии стали наперебой предлагать в спонсоры свои кандидатуры, намереваясь добиться повыше... гм... желаемых результатов и установить отношения с теми, кто, вполне возможно, рано или поздно войдут в правительство Пилястры. И только вы, Ретиф, старший Советник, не захотели нам помочь.

- Я убежден, что эти хулиганы сумеют организовать любые потасовки без моей помощи, - сказал Ретиф. - Вот если б вы предложили мне стать спонсором фракции врачей, разрабатывающих средство от молодежи...

- Пилястрианам не до шуток, Ретиф, - резко оборвал его Магнан. - Фракция молодежи, име-

нующая себя, - он посмотрел на листок, который держал в руках, - Сексуально-Спортивным Обществом Реабилитации Атлетов, сокращенно ССОРА, мечтает о спонсоре уже в течение двух недель.

- Вы хотите сказать, они ждут не дождутся, когда им предоставят помещение, купят форму и снабдят всем необходимым, чтобы они смогли делать пакости с шиком?

- Если мы не поторопимся, Посольство Гроачи нас опередит. Они очень активно участвуют в жизни страны.

- Прекрасная мысль, - сказал Ретиф. - Пусть себе опережают. По крайней мере разоримся не мы, а они.

- Глупости! Я, конечно, не могу приказать вам заняться решением этой проблемы, но... - Магнан умолк, многозначительно посмотрел на Ретифа.

Ретиф поднял бровь.

- На мгновение мне показалось, что вы собираетесь сделать недвусмысленное заявление, - сказал он.

Магнан откинулся на спинку кресла, сцепил пальцы рук на животе.

- Не будьте наивным. Дипломат с моим опытом никогда не допустит подобной ошибки.

- Мне нравятся взрослые пилястриане, - Ретиф вздохнул. - Жаль, что им приходится таскать на спинах роговой панцирь весом с полтонны. Хотел бы я знать, сможет ли современная хирургия…

- Великие небеса, Ретиф! - Магнан подпрыгнул в кресле. - Я поражен, что у вас язык повернулся затронуть столь деликатный вопрос. Разве можно проявлять любопытство по поводу физических уродств других существ?

- Мне кажется, господин посол, мало кто довольствуется тем, что отпущено ему природой. Если б это было не так, вы ходили бы, все время спотыкаясь о собственную бороду.

Магнан задрожал.

- Прошу вас, никогда не разговаривайте с пилястрианами на эту тему.

Ретиф встал из-за стола.

- Сегодня в моей программе посещение верфи. Пилястриане строят новый космический лайнер, и мне бы хотелось на него посмотреть. Так что, господин посол, с вашего разрешения…

Магнан фыркнул.

- Ваша тенденция заниматься несущественными делами настораживает меня, Ретиф. Если вы начнете работать с группами молодежи, это произведет на всех благоприятное впечатление…

- Прежде чем связываться с этими группами, неплохо бы выяснить, что они собой представляют. Кто их организовал? На Пилястре имеется три сильных политических партии: к какой из них принадлежит ССОРА?

- Вы забываете, что они, так сказать, несовершеннолетние. Политика их не интересует... пока.

- И при чем здесь Гроачи? Почему они проявляют столь неожиданный интерес к захолустному миру? Насколько я знаю, их интересуют только те дела, на которых можно как следует заработать, а на Пилястре нет ничего ценного.

- По производству стали пилястриане ненамного отстают от гроачи, - важно сказал Магнан.

- Зачем гроачи сталь, если у них есть диффузионные бомбы?

Магнан покачал головой, положил стопку бумаг на прежнее место.

- Кому они продадут бомбы в мирное время? Я предлагаю вам заняться, наконец, настоящей работой: встретьтесь с молодежью, проведите с ними несколько бесед...

- Прежде чем встретиться с одним из юнцов, - сказал Ретиф, - я должен обзавестись кастетом.

Ретиф вышел из невысокого здания Посоль-

ства Земли, остановил одну из допотопных пилястрианских машин, сел в нее, облокотился о деревянный поручень. Машина медленно поехала по городу, направляясь к верфи. Дул легкий бриз, в воздухе пахло свежей рыбой. Вдоль мощеной дороги стояли невысокие дома; несколько пилястриан возились в огородах, хрипло дыша, с трудом передвигаясь под тяжестью огромных роговых панцирей. По тротуарам шли юнцы, быстро перебирая короткими, покрытыми чешуей, ногами. Шофер - судя по золотым полосам на спине, из гильдии рабочих, - чуть увеличил скорость. Машина вкатилась в огромные ворота верфи и остановилась.

- Доставил я тебя так скоро, как сумел, - сказал шофер по-пилястриански. - Мне ведомы пути всех голоспинных: они всегда торопятся куда-то.

Ретиф соскочил с машины, протянул ему монетку.

- Тебе надо стать профессиональным гонщиком, - посоветовал он. - Ты - лихач.

Пройдя захламленную площадку, Ретиф постучал в дверь старенькой хижины. Заскрипели половицы, дверь распахнулась. На пороге стоял мощный старец с жесткой чешуей на лице.

- Пусть сон твой будет долог, - сказал Ретиф.

- Если не возражаешь, я пройдусь по верфи. Мне говорили, сегодня началась сборка корпуса нового лайнера, который вы строите.

- Глубины пусть тебе приснятся, - пробормотал старец и махнул мощной рукой в направлении беспанцирных пилястриан, столпившихся у одного из подъемников. - О корпусе ж юнцы намного лучше знают меня, хранителя бумаг, не боле.

- Я тебя понимаю, дружище, - сочувственно сказал Ретиф. - Когда я гляжу на молодых, мне тоже становится грустно. Среди тех бумаг, которые ты охраняешь, нет ли, случайно, чертежей лайнера?

Сторож кивнул. Шаркая ногами, он подошел к ящикам картотеки, сунул руку в один из них, достал кипу чертежей и положил их на стол. Ретиф наклонился, стал водить пальцем по линиям…

- Что здесь делает голоспинный? - рявкнул позади него чей-то голос. Ретиф повернулся. Юнец с тяжелыми чертами лица, завернутый в мантию, стоял у открытой двери. Его желтые глаза-бусинки с чешуйчатыми веками злобно сверкали.

- Я приехал посмотреть на ваш новый лайнер, - сказал Ретиф.

- Мы не любим, когда иностранцы суют нос не в

свое дело, - отрезал юнец, и в этот момент взгляд его упал на чертежи, лежавшие на столе.

Юнец зашипел от ярости.

- Безмозглый рогоносец! - заорал он, глядя на сторожа, и сделал шаг вперед. - Пусть тебе всегда снятся кошмары! Немедленно спрячь планы корабля!

- Это я виноват, - сказал Ретиф. - Я не знал, что ваш проект - секретный.

Юнец замер на месте, неуверенно посмотрел на Ретифа.

- Кто тебе сказал, что он секретный? Зачем нам что-то скрывать?

- Именно это я и хотел бы выяснить, - ответил Ретиф.

Челюсти юнца задвигались, он растерянно помотал головой.

- Нам нечего скрывать. Мы просто строим пассажирский лайнер.

- В таком случае я просмотрю чертежи. Вдруг мне когда-нибудь захочется купить на него билет?

Ни слова не говоря, юнец повернулся и вышел. Ретиф посмотрел по сторонам, ухмыльнулся.

- Побежал звать на помощь своего старшего брата. У меня возникло такое ощущение, что мне

не удастся изучить эти чертежи в спокойной обстановке. Ты не возражаешь, если я сниму с них копии?

- Конечно нет, о легконогий, - сказал старый пилястрианин. - Мне стыдно за невежливых щенков.

Ретиф вынул из кармана небольшой фотоаппарат, начал щелкать затвором.

- Чума пусть поберет юнцов проклятых, - проворчал сторож. - Наглеют, негодяи, с каждым часом.

- Почему бы вам, взрослым, не усмирить их?

- Угнаться за юнцами невозможно, к тому же поведение их странно. В былые дни мы свято чтили старцев.

- Полиция…

- Ха! - торжественно громыхнул старый пилястрианин. - Достойных нет средь них, и до сих пор мы обходились силами своими.

- А почему ты считаешь их поведение странным?

- Они, к несчастью, вожаков избрали, и одного из них зовут Темнила. Боюсь, что заговор они готовят. - Он посмотрел в окно. - Юнцы идут, а с ними - мягкотелый.

Ретиф сунул фотоаппарат в карман, выглянул

в окно. К избушке подходила группа юнцов во главе с гроачи, голову которого украшал причудливый разноцветный гребешок.

- Военный атташе из посольства гроачи, - задумчиво сказал Ретиф. - Интересно, что общего у него с юнцами? Какую новую пакость они готовят?

- Ты прав, они сошлись не для того, чтобы прославить наше государство. Беги, проворный, торопись, а я тем временем вниманье отвлеку их.

- Уже ухожу. Но только куда?

- Вот черный ход. - Сторож вытянул руку. - На наших берегах желаю отдохнуть тебе душою, - добавил он и подошел к двери.

- Спасибо, дружище, - сказал Ретиф. - Я тоже тебе этого желаю.

Он вышел во двор, остановился и, когда из избушки до него донеслись разгневанные голоса, зашагал к воротам.

Прошел час, наступил второй вечер третьего цикла. Ретиф вышел из технической библиотеки посольства, открыл дверь в свой кабинет, включил свет. На его столе под пресс-папье лежала записка:

«Ретиф! Вам надлежит присутствовать на дипломатическом обеде в первый вечер четвертого

цикла. Состоится короткая, по, надеюсь, торжественная церемония назначения спонсора ССОРА. Это событие будет надлежащим образом отражено в прессе, так как, несмотря на занятую вами позицию, я пригласил журналистов из многих газет и журналов».

Ретиф фыркнул, посмотрел на часы: до приема оставалось совсем мало времени. Можно было успеть разве что доехать до дома на тихоходном пилястрианском транспорте, переодеться и вернуться обратно.

Выйдя из посольства, Ретиф сел в местный автобус, прошел назад, остановился на площадке, глядя на Бету - желтое солнце, поднимающееся над горизонтом. На море сейчас начался прилив, вызванный основным солнцем и тремя лунами; соленый воздух был свеж и прохладен. Ретиф поежился, поднял воротник куртки. Через полчаса, когда взойдет первое полуденное солнце, нечем будет дышать, но от этой мысли Ретифу не стало теплее.

В автобус вошли два юнца. Не глядя по сторонам, они решительным шагом направились к задней площадке. Ретиф внимательно посмотрел на них, отошел от поручней, чуть напряг мышцы.

- Ближе не подходите, дети, - громко сказал он. - На этой телеге куча свободных мест, а я хочу помечтать в одиночестве.

- Нас интересует некая пленка, - глубоким, отнюдь не юношеским голосом пробормотал юнец, шедший впереди. Двигался он неуклюже, фигуру его скрывал просторный, наглухо застегнутый плащ. Видимо, скоро ему предстояло стать взрослым.

- Я не люблю повторять, - сказал Ретиф. - Вы мне мешаете.

Два юнца подошли ближе; их узкие рты были перекошены злобой. Ретиф выставил ногу, зацепил ею за чешуйчатую голень юнца-переростка, сильно толкнул его в грудь. Неуклюжий пилястрианин взмахнул руками и свалился, как сноп. В ту же секунду Ретиф перескочил через его тело и спрыгнул с автобуса, в то время как второй юнец атаковал место, на котором Ретиф только что стоял. Землянин весело помахал рукой незадачливой парочке, вскочил в кузов первой попавшейся машины. Юнцы медленно вышли из автобуса и, повернув крохотные головы, глядели, как их предполагаемая жертва удаляется в неизвестном направлении.

Зачем им понадобилась пленка? Ретиф достал

сигару, раскурил ее. Как бы то ни было, они опоздали. Пленка находилась в архиве посольства, снимки в фотокартотеке. Чертежи пассажирского лайнера, как выяснилось, были идентичны чертежам боевого крейсера Марк XXXV, использовавшегося Соглашателями двести лет назад. И хотя ведущие галактические державы никогда не взяли бы это старье на вооружение, в захолустье крейсер являлся силой, с которой нельзя было не считаться.

Но откуда эти двое узнали о пленке? Когда он снимал чертежи, в избушке, кроме сторожа, никого не было, а Ретиф мог бы поклясться, что старый пилястрианин ничего им не сказал.

Если, конечно, его не заставили…

Ретиф нахмурился, выбросил сигару за борт, подождал, пока машина замедлит ход у очередной лужи, соскочил на землю и пошел на верфь.

Дверь, сорванная с петель, была прислонена к стене. Ретиф заглянул в избушку. По всему было видно, что старик не сдался без боя.

След от мешка, который волочили по земле, - или нечто очень на него похожее, - начинался у черного хода избушки и заканчивался, как оказалось, у пакгауза.

Ретиф посмотрел по сторонам. Стоял полдень

четвертого цикла, рабочие нежились в мелких водах пруда. Вытащив из кармана небольшой инструмент с несколькими лезвиями, Ретиф начал ковыряться в замке. Услышав щелчок, он приоткрыл дверь и осторожно зашел внутрь.

Перед ним лежали сваленные в кучу тюки. Ретиф включил потайной фонарик, расположенный в ручке инструмента, внимательно осмотрелся. Несколько тюков казались примятыми, рядом с ними на полу не было пыли. Не задумываясь, Ретиф полез наверх. В круглом углублении, образованном рядами тюков, лежали связки тряпья, а среди них - старый пилястрианин с мешком на голове.

Ретиф быстро спрыгнул вниз, перерезал веревки, стягивающие мешок, снял его, отбросил в сторону.

- Это я, дружище, - сказал он. - Незнакомец, который сунул нос не в свое дело.

Старик задрыгал кряжистыми ногами, попытался встать, вновь упал на кучу тряпья.

- Будь прокляты те колыбели, которые укачивали их, - проревел он. - Но помоги мне на ноги подняться, и отомщу я юному Темниле. Он от меня не скроется нигде. Я буду следовать за ним повсюду, найду в бездонной тине Моря Пыток,

коль он надумает туда бежать.

- Как же я помогу тебе встать? Может, позвать кого-нибудь?

- О, нет. Коварные юнцы неподалеку. Я не хочу, чтоб ты расстался с жизнью.

- Сомневаюсь, что они пойдут на убийство.

- Ты плохо знаешь их. - Старый пилястрианин повернул голову. - Взгляни сюда. Будь кожа у меня чуть-чуть потоньше…

Ретиф посветил фонариком. Из глубокой царапины на шее старика сочилась пурпурная кровь. Раздался звук, напоминающий крик тюленя: пилястрианин тихонько рассмеялся.

- Предателем они меня назвав, пилили долго лезвием по шее, но тщетны оказались их попытки. Тогда они меня, как тюк, связали, мешок надели на голову старый и удалились, обещав вернуться с оружьем, чтобы жизнь мою забрать.

- С оружием? Я думал, оно запрещено…

- Их гений злой, тот самый мягкотелый, достанет негодяям что угодно. Он дьяволу огонь доставит в ад, коль выгоду почувствует свою.

- Опять гроачи, - пробормотал Ретиф. - Интересно, что ему нужно?

- Признаться должен я, о чужеземец, что я сказал, зачем ты приходил, пока не знал их замыслов

преступных. Поведать я могу тебе о многом, но умоляю, помоги мне встать: воспользуйся стоящей здесь лебедкой.

Следуя указаниям пилястрианина, Ретиф зацепил его крюком за панцирь, привел лебедку в действие. Огромный старец медленно поднялся в воздух, затем начал опускаться, двигая руками и ногами, как краб клешнями. В нескольких сантиметрах от пола он сорвался с крюка, шлепнулся на живот и медленно поднялся на ноги.

- Благодарю тебя, о легконогий, - сказал он. - Отныне телочки чудесные мои принадлежат тебе в такой же мере, как мне, и это так же верно, как то, что Гонг меня зовут с рожденья.

- Очень приятно, Гонг. Меня зовут Ретиф. Я рад буду познакомиться с твоими дамочками, но в данный момент мне бы хотелось выбраться отсюда как можно скорее.

Гонг небрежно оперся могучей спиной о ряд тюков с высушенными водорослями, напряг мышцы. Огромная кипа заколебалась, медленно сдвинулась с места.

- Я многотерпелив, но в гневе преследую врагов неумолимо, - торжественно произнес он. - Остерегись, Темнила!

- Постой, - внезапно сказал Ретиф и принюхал-

ся. - Чем это пахнет? - Он посветил фонариком на пол, увидел темное пятно. - Какой груз здесь хранился, Гонг? И где он сейчас?

Гонг задумался.

- Канистры здесь стояли. - Старый пилястрианин вздохнул. - Покрашенные в страшный цвет зеленый, четыре невысокие канистры - их привезли сюда вчера гроачи. Когда же тьма настала в первый вечер второго цикла, несколько юнцов канистры погрузили на корабль с названьем очень странным: «Скальный Мох».

- Космический скуттер ДКЗ для особо важных персон. Не знаешь, кто должен на нем лететь?

- Неведомо мне это, и роли не играет никакой. Давай потом с тобой обсудим грузы, сначала отомстить юнцам я должен.

- Не торопись, Гонг. Только одно вещество перевозится в канистрах и пахнет так, как это пятно на полу. Я говорю о титаните, взрывчатая сила которого не меньше, чем у некоторых ядерных устройств.

Бета садилась за горизонт, когда Ретиф и запыхавшийся Гонг подошли к трапу, ведущему в открытый люк дипломатического скуттера «Скальный Мох». Рядом с трапом стояла сторожевая будка. Гонг заглянул в нее, укоризненно

покачал головой.

- Какие времена! Ушел с поста охранник и дрыхнет в тине, в этом нет сомненья!

- Поднимемся на борт, - предложил Ретиф.

На скуттере было тихо, горел мягкий свет. На полу стояла большая коробка, валялись ролики, а рядом с ними - два железных лома, вносящие диссонанс в картину роскоши и комфорта. Гонг порылся в коробке, пожал плечами.

- Как любопытно. Что это такое? - спросил он, доставая желто-зеленую пилястрианскую мантию, металлический браслет и пачку каких-то документов.

- Желтое с зеленым, - пробормотал Ретиф. - Цвета какой-то политической партии…

- Сего не знаю. - Гонг посмотрел на браслет и протянул его Ретифу. - А здесь есть буквы.

- ССОРА, - прочитал Ретиф и посмотрел на своего спутника. - Нам надо как можно скорее попасть в посольство.

Проходя мимо сторожки, Ретиф услышал какой-то звук и, не оглядываясь, отпрянул в сторону. Пилястрианин, пытавшийся на него напасть, пробежал по инерции несколько шагов и попал в объятия Гонга, страстно прижавшего юнца к своей груди.

- Неплохая добыча. Гонг, - заметил Ретиф. - Откуда он взялся?

- Навозный жук скрывался за сторожкой, - прогрохотал старый пилястрианин. Юнец изо всех сил колотил руками и ногами по роговому панцирю, но Гонг, казалось, не замечал этого.

- Держи его крепче, - посоветовал Ретиф. - По-моему, он собирается тебя укусить.

- Не бойся. Я неуклюж, конечно, но все еще не жалуюсь на слабость.

- Спроси у него, куда они спрятали титанит.

- Вопрос ты понял, слабоумный червь? - проревел Гонг. - Изволь тотчас ответить мне, паршивец, иль я тебя сломаю, как тростинку!

Юнец захрипел.

- Если ты не хочешь выдавить из него сок, - сказал Ретиф, - ослабь немного свои объятия.

Гонг поднял пленника высоко над головой и со всего размаху швырнул его об землю. Стекла в сторожке задрожали. Юнец глядел на своего мучителя злобным взглядом и лязгал челюстями.

- Он - один из тех, кто на меня напал в моей избушке, - пояснил Гонг. - В содеянном грехе себя кляня, немедленно он все расскажет старцу.

- Он же пытался познакомиться со мной в автобусе, - сообщил Ретиф. - Шустрый мальчик.

Юнец, встав на четвереньки, бросился наутек. Ретиф наступил на полу длинного плаща; ткань с треском порвалась, обнажив спину пилястрианина.

- Клянусь Яйцом Великим! - воскликнул Гонг. - Ведь это не юнец! Куда ж исчез его гигантский панцирь?

Ретиф задумчиво посмотрел на спину, испещренную шрамами.

- Я думал, он только начинает стареть, а оказывается...

- Но это невозможно! - растерянно вскричал Гонг. - Из панциря идут под кожу нервы, и самые великие хирурги бессильны отделить его от тела и жизнь пациенту сохранить.

- Тем не менее, факт налицо. Я предлагаю тебе захватить с собой этого дитятю и убраться отсюда как можно скорее. Его друзья могут появиться здесь с минуты на минуту.

- Слишком поздно, - сказал Гонг. Ретиф повернулся. Из-за сторожки вышли трое юнцов.

- Похоже, ССОРА сегодня разбушевалась, - сказал Ретиф. - А где ваш закадычный друг? - обратился он к приближающейся троице. - Где ваш маленький петушок с глазами на палочках? Небось отсиживается в своем посольстве, радуясь, что

святые простачки делают за него всю грязную работу?

- Укройся за моей спиной, Ретиф, - громыхнул Гонг.

- Ату их, дружище! - Ретиф наклонился, подобрал с земли тяжелый железный прут. - Я буду прыгать и отвлекать их внимание!

Гонг заревел и набросился на незрелых пилястриан. Они попытались окружить его... один из них споткнулся, упал. Ретиф взмахнул железным прутом, который он только что так удачно засунул между ног первому нападавшему, и ударил второго по голове. Юнец передернул плечами, повернулся, и в этот момент Гонг обхватил его сзади и отшвырнул к сторожке.

Ретиф нанес второй удар, третий... Юнец растянулся на земле, по лицу его медленно текла пурпурная кровь. Двое оставшихся в строю членов ССОРА торопливо удалились, прихрамывая на ходу.

Тяжело дыша, Ретиф бросил железный прут на землю.

- У молодых - чугунные головы, - сказал он. - Хорошо бы как следует их проучить, но время не ждет. Не знаю, кого гроачи собирались взорвать, но они играют только по крупному, а четырех

канистр титанита достаточно, чтобы скуттер разнесло на мелкие кусочки и пассажиры превратились в атомную пыль.

- Их заговор сорвался, - прогремел Гонг. - Но для чего им это было надо?

- Гроачи что-то готовят. И мне кажется, они не посвятили ССОРА в свои планы.

- А кто вожак у них? - Гонг пнул ногой поверженного юнца. - Ответь мне, соня!

- Не возись с ним, Гонг. Свяжем их обоих и оставим здесь. Я знаю, где можно найти вожака, о котором ты говоришь.

Банкетный зал с низким потолком был переполнен. Ретиф обежал взглядом столы, высматривая бледные лица землян, сидящих рядом с огромными, навечно закованными в панцири, пилястрианами. На другом конце зала Магнан встал с кресла, помахал рукой. Воздух вибрировал: музыка, не воспринимаемая человеческим слухом, звучала в инфразвуковом диапазоне. Ретиф подошел к Магнану, сел рядом с ним.

- Извините меня за опоздание…

- Для меня большая честь, что вы вообще соизволили прийти, - ледяным тоном произнес Магнан и повернулся к пилястрианину, сидевшему по его левую руку. - Какая прекрасная музыка,

господин министр! Она просто чарует! Сколько в ней веселья и радости!

Старец уставился на него глазами-бусинками.

- Вы присутствуете на панихиде. Исполняется национальный Плач Скорби по Невылупившимся из Яйца, - сказал он на международном земном языке.

- О, - сказал Магнан, - как это интересно. Классический подбор инструментов.

- Соло для дрюна, - сообщил министр, подозрительно глядя на посланника Земли.

- Почему бы вам не сознаться, что вы не слышите никакой музыки? - громким шепотом спросил Ретиф. - И если вам нетрудно уделить мне минутку внимания...

Магнан откашлялся.

- Теперь, когда мистер Ретиф, наконец, почтил нас своим присутствием, можно начать церемонию назначения спонсора...

Положив локти на стол, Ретиф наклонился к Министру Культуры Пилястры.

- Что вы знаете об этих молодежных группировках, которые называют себя ССОРА, господин министр? - спросил он.

- Ничего, - громыхнул старец. - По мне всех юнцов, пока они не отрастят панцирей и не на-

учатся отвечать за свои поступки, надо держать в загонах вместе со скотом.

- Нельзя забывать о том, что энергию молодых необходимо рационально использовать, - назидательным тоном заявил Магнан.

- В трудовых лагерях, - отрезал министр. - В дни нашей юности нас отдавали в бригады, вычерпывающие ил со дна морей. Я сам не один год волочил драгу.

- Сейчас не старые времена. На нас лежит обязанность позаботиться о молодом поколении, чтобы потом юнцы с радостью вспоминали золотые часы своего счастливого детства.

Министр фыркнул.

- На прошлой неделе, в один из золотых часов, они окружили меня и закидали переспелыми фруктами навозного дерева.

- Нормальное проявление чисто детской несдержанности! - вскричал Магнан. - Присущая им чувствительность...

- В том хаме, который только что сюда зашел, - министр ткнул вилкой в сторону стоявшего на пороге юнца, - чувствительных мест не найти даже с помощью взрывчатки.

- Да ведь это наш почетный гость, - сказал Магнан. - Очень милый юноша. Кажется, его зовут

Чернила…

- Темнила, - поправил Магнана Ретиф. - Девять футов подлости и наглости. Господин посол, я…

Магнан поднялся на ноги, постучал по хрустальному бокалу. Все пилястриане, почувствовав неприятные для себя ультразвуковые колебания, наморщили лбы, начали возбужденно переговариваться. Магнан постучал громче. Министр втянул голову в плечи, закрыл глаза. Несколько старцев встали из-за стола, пошли к выходу. В зале стало шумно. Магнан застучал по бокалу с удвоенной силой; хрусталь разбился с мелодичным звоном, зеленое вино растеклось по скатерти.

- Во имя Великого Яйца! - пробормотал министр и глубоко вздохнул.

- Я приношу свои глубочайшие извинения… - Магнан судорожно схватил салфетку, принялся тыкать ей в расползшуюся лужу.

- Жаль, что бокал разбился, - заметил Ретиф. - Через минуту вы бы очистили зал от публики, и тогда, быть может, мне удалось бы сказать вам несколько слов. Дело в том, господин министр, - продолжал он, обращаясь к пилястрианину, - что мне необходимо проинформировать вас о…

- Внимание! - громко сказал Магнан, вновь под-

нимаясь на ноги. - Прибыл наш почетный гость, и комиссия по назначениям тоже в сборе. Я рад объявить, что мистер Ретиф, Советник нашей Миссии, прошел жесточайший отбор, а затем победил в конкурсе кандидатов, претендующих стать спонсорами молодежных групп.

Ретиф дернул Магнана за рукав.

- Подождите меня представлять, - попросил он. - Я хочу появиться неожиданно - это создаст необходимый драматический эффект.

Магнан одобрительно посмотрел на него сверху вниз.

- Наконец-то вы начали входить во вкус дела, - прошептал он и вновь повернулся к своей аудитории. - Я приглашаю высокого гостя подняться вместе со мной на трибуну… Репортеры наверняка захотят снять церемонию презентации…

Он вышел из-за стола, направился к невысокому помосту, расположенному в центре зала, забрался на него и встал рядом с молодым пилястрианином, ослепительно улыбаясь в ближайшую камеру.

- Я счастлив, что мне еще раз представился случай выразить глубочайшее удовлетворение во поводу того, что молодежные группы, наконец, обретают спонсора, - медленно произнес он, следя

за журналистами, строчащими в блокнотах. - Мы гордимся тем, что с этой минуты будем иметь отношение к тем великим делам, которые ССОРА совершит в ближайшие годы... - Магнан умолк, глядя, как мощный старец вскарабкался на платформу с другой стороны и остановился позади почетного гостя, который кивал головой направо и налево, не замечая ничего и никого вокруг.

В то же самое время Ретиф протискался через толпу и остановился прямо перед Темнилой. Тот уставился на него, вздрогнул, выпрямился во весь рост.

- Ты меня знаешь. Темнила, - громко сказал Ретиф. - А я слышал о тебе от старца по имени Гонг перед тем, как ты попытался отрубить ему голову. Помнишь? Это было в той самой избушке, где я просматривал чертежи боевого крейсера, который вы строите.

Взревев от ярости, Темнила протянул к Ретифу руки и придушенно вскрикнул, когда Гонг обхватил его сзади и оторвал от пола.

- Я рад, что репортеры решили сегодня прийти к нам на прием, - сказал Ретиф, обращаясь к растерявшимся журналистам. - Дело в том, что Темнила, являясь начальником верфи, решил построить боевой крейсер и договорился с од-

ним ловкачом из посольства гроачи о поставках оружия и амуниции. Впоследствии, как я предполагаю, ССОРА намеревалась захватить власть на Пилястре, а также, под руководством своих союзников гроачи, развязать ограниченную межзвездную войну с Фламинго или другим близлежащим миром.

Магнан обрел дар речи.

- Вы что, с ума сошли, Ретиф? - закричал он срывающимся голосом. - За ССОРУ поручилось Министерство Молодежных Дел!

- Это министерство давно пора упразднить, - сказал Ретиф и посмотрел на Темнилу. - Хотел бы я знать, замешан ли ты в организации диверсии, которая должна была состояться сегодня вечером? После взрыва скуттера «Скальный Мох» нашлось бы множество улик, говорящих о причастии к этой акции ССОРА Гроачи немедленно направили бы ноту протеста в Главное Управление, обвинив в происшедшем посольство Земли, которое назначило спонсора фракции молодежи.

- «Скальный Мох»? - удивленно произнес Магнан. - Но, ведь... Ретиф! Этого быть не может! Группа ССОРА собиралась отправиться завтра на нем в круиз!

Внезапно Темнила взревел, рванулся изо всех

сил. От неожиданности Гонг ослабил захват, и в мгновение ока пленник оказался на свободе. Спрыгнув с платформы, он кинулся к выходу из зала, ловко увертываясь от неуклюжих старцев. Магнан смотрел на него, раскрыв рот.

- Гроачи, как всегда, вели двойную игру, - сказал Ретиф. - После того, как цель их была бы достигнута и земляне опорочены, они намеревались избавиться от юнцов.

- Что вы стоите как истукан? - взвыл Магнан, сверкая глазами. - Если этот Темнила - главарь банды, его необходимо обезвредить! - Он попытался спрыгнуть с платформы; Ретиф едва успел схватить его за руку.

- Подождите! У вас столько же шансов выйти из зала, как у рыбы - вырваться из сети. Разве вы не видите, что здесь творится?

Минут через десять толпа начала потихоньку расходиться.

- Теперь пройти мы сможем, - сказал Гонг по-пилястриански. - Смелей, вперед!

Он осторожно слез с платформы и пошел к дверям, расталкивая старцев мощными плечами. Ретиф и Магнан шли за ним следом.

В вестибюле Ретиф схватил телефонную трубку, набрал номер. Никто не ответил. Он набрал

другой номер…

- Безнадежно. - Подождав несколько секунд, Ретиф бросил трубку. - Придется ловить машину.

Альфа, голубое солнце, едва проглядывало из-за низких облаков. Плоские тени лежали на грязной улице. Ретиф, Магнан и Гонг остановили невысокий грузовик, забрались в кузов. Гонг, кряхтя, сел на деревянный пол, заскрипевший под его тяжестью.

- О, как бы я хотел избавиться от ноши, как тот юнец фальшивый, червь никчемный, - со вздохом сказал он. - Мне вскоре предстоит уйти на отдых, где не дадут мне никакой работы и будут лишь кормить один раз в сутки. Ждет каждого из нас судьба такая, и рыбака, и первого министра. Нет! Лучше быть на берегу песчинкой, чем праздно проводить тысячелетья и ощущать при том свою никчемность.

- Вот что, - сказал Ретиф. - Вы с Гонгом поезжайте в полицейское управление, а я сойду. Хочу проверить одну свою догадку. И возвращайтесь поскорее, на тот случай, если она, к великому моему сожалению, подтвердится.

- Что?… - ошарашенно спросил Магнан.

- Иди, Ретиф. Пусть путь твой будет легок, - сказал Гонг.

Машина проезжала мимо ворот верфи. Ретиф соскочил на землю, побежал к космическому скуттеру. В сторожке по-прежнему никого не было. Двое связанных юнцов куда-то исчезли.

- Плохо жить в захолустье, - пробормотал Ретиф. - Полиция бездействует.

- Он спрятался за сторожку и стал ждать. Альфа светила, но не грела. Было холодно…

Судя по грохоту, внезапно раздавшемуся у трапа, там столкнулись два танка. Ретиф осторожно выглянул из-за угла, увидел гиганта-Гонга, сцепившегося с высоким, мощным пилястрианином. Крохотная фигурка сбежала с трапа, обогнула сражавшихся, помчалась к воротам. Ретиф сделал шаг вперед и схватил улепетывающего со всех ног гроачи.

- Привет, Йиф, - вежливо сказал он. - Что за спешка?

- Отпустите меня, Ретиф, - прошипело бледнолицее существо. - Эти бегемоты подрались, потому что не смогли решить, кто из них должен разорвать меня на части!

- Я их понимаю. Попробую что-нибудь для вас сделать… не бесплатно, разумеется.

- Я обращаюсь к вам, - хрипло прошептал Йиф, - как к собрату-дипломату, собрату-инопланетя-

нину, собрату-мягкотелому.

- Почему бы вам не обратиться к Темниле, как к собрату-конспиратору? Сидите смирно, и, может, мне удастся сохранить вам жизнь.

Гигант поднял своего соперника в воздух и швырнул об землю.

- Того, кто победил, зовут Гонг, - сообщил Ретиф. - Хотел бы я знать, с кем он подрался и, главное, зачем?

Гонг взял неподвижно лежащего пилястрианина за ноги и поволок его к трапу. Ретиф подтолкнул Йифа к сторожке.

- Спрячьтесь и не вздумайте улизнуть. Все равно я бегаю быстрее вас. Оставайтесь на месте, а я пойду, посмотрю, в чем там дело. - Он вышел из-за сторожки и окликнул Гонга.

Пыхтя, как паровоз, старец бросил свою жертву и подошел к Ретифу.

- Приветствую тебя, о легконогий! - воскликнул он. - Решил проверить ты свою догадку, а я - свою. По улице мы проезжали тихо, когда навстречу нам попался старец: он странным показался мне каким-то. Решил я проследить, куда пойдет он, - и, посмотри! - ведь это же Темнила, надевший на себя специально панцирь! Теперь, Ретиф, мне многое открылось!

Ретиф присвистнул.

- Значит, юнцы вовсе не такие молодые, какими они хотели казаться. Похоже, кто-то облагодетельствовал нескольких пилястриан за счет всех остальных.

- Не кто иной, как мягкотелый это, - сказал Гонг. - Давай его сюда, Ретиф, я видел, как ты его поймал. Не медли.

- Подожди, Гонг. Не горячись…

Старец ухмыльнулся, подмигнул Ретифу одним глазом и взревел:

- Я должен отомстить! И я проверю, насколько мягок этот мягкотелый! Ту слизь, в которую он превратится, я разолью по маленьким бутылкам, чтоб каждый из родных сей мерзкой твари имел возможность схоронить останки!

Ретиф увидел краешком глаза какое-то движение, бросился за гроачи вдогонку, поймал его футов через пятьдесят и за шиворот подтащил к Гонгу.

- Я передаю его тебе из рук в руки, Гонг, - сказал он. - Мне известно, какое огромное значение придаете вы, пилястриане, ритуальной мести.

- Пощады! - просипел Йиф, и тонкие трубочки, на концах которых были расположены его глаза, закачались из стороны в сторону. - У меня дипло-

матическая неприкосновенность!

- Но я не дипломат! - прогрохотал Гонг. - С чего ж начать мне? Пожалуй, с этих неприличных глаз, которые вращаются все время…

- Послушай, мне пришла в голову блестящая мысль! - воскликнул Ретиф. - Может, ты откажешься - в виде исключения, разумеется, - от мести, если Йиф обещает построить на вашей планете Медицинский Центр, где хирурги-гроачи будут избавлять старцев от панцирей?

Гонг заколебался, неуверенным тоном произнес:

- Ты только посмотри на эти глазки! Какое наслажденье получу я, срывая их по очереди каждый?

- Ссоглассен, - прошипел Йиф. - Клянуссь, самые лучшие наши хирурги… миллионы хирургов… новейшее оборудование…

- О, неужель мечте моей не сбыться? Хочу я посидеть на негодяе, услышать, как трещат, ломаясь, кости под грузом тела моего большого!

- Ты станешь легче перышка, - прошептал Йиф. - Будешь порхать, как птичка. Возрадуешься, обретя вторую молодость…

- А может, хоть один глазок мне вырвать? Ведь у него останется четыре…

- Играй по правилам, - сказал Ретиф.

- Ну, ладно.

- Вот и договорились. - Ретиф повернулся к гроачи. - Йиф, вас отпускают под честное слово дипломата, инопланетянина и мягкотелого. Хирургическое искусство гроачи станет экспортом, от которого они получат куда больше выгод, чем от продажи оружия. Взамен Гонг откажется от намерения посидеть на вас, а я не подам на гроачи в суд за вмешательство во внутренние дела независимого иностранного государства.

За спиной Гонга послышались какие-то звуки. Скидывая с себя тяжелый панцирь. Темнила встал на ноги... и в это время Гонг схватил его, поднял высоко над головой и понес к открытому люку скуттера.

- Эй! - воскликнул Ретиф. - Что ты делаешь?

- Я разберусь с ним сам, Ретиф, не бойся. Получит то, что заслужил, Темнила. Хотел он путешествовать в комфорте? Исполнится сейчас его желанье!

- Там титанит!

- Не становись мне поперек дороги и знай, Ретиф, теперь мне не до шуток. Он - мой, и я не откажусь от мести. - Гигант-пилястрианин, продолжая держать свою ношу высоко над головой,

исчез в открытом люке.

- Гонг по-настоящему разозлился, - заметил Ретиф, обращаясь к гроачи, выпучившему все свои пять глаз и находившемуся в полуобморочном состоянии.

- К сожалению, у меня слишком мало сил, чтобы помешать ему исполнить задуманное. Впрочем, будем надеяться, он просто решил напугать Темнилу до смерти.

Гонг вышел из люка, спустился но трапу.

- Что ты с ним сделал? - спросил Ретиф.

- Нам лучше удалиться поскорее, - громыхнул Гонг. - Тот, кто стоит в пятидесяти ярдах от звездолета, что стартует в космос, расстаться с жизнью может моментально.

- Ты хочешь сказать…

- Автопилот настроен на планету, где мягкотелые живут гроачи. Последний сон Темнилы будет долог.

- Красиво рвануло, - сказал Ретиф. - Впрочем, вы, должно быть, сами видели…

- Ничего я не видел! - возмущенно произнес Магнан. - Как я ни увещевал этого Ганга… Донга…

- Гонга.

- …грубиян замотал меня в мой собственный плащ и положил под какое-то дерево. Вне всякого

сомнения я упомяну о столь неслыханном нарушении этикета в ноте протеста, которую вручу Министру Иностранных Дел. - Магнан сделал пометку в блокноте.

- Что-нибудь говорят о постройке нового Медицинского Центра?

- Благороднейшее, великодушнейшее начинание! - вскричал Магнан. - Честно говоря, я был просто поражен! Мне кажется, мы судили гроачи слишком строго.

- Я слышал, в Министерстве Молодежных Дел разразился скандал. Если верить слухам, фракция молодежи распущена.

Магнан откашлялся, зашелестел бумагами.

- Я… э-э… объяснил репортерам, что вчерашнее…

- Фиаско.

- …недоразумение было вызвано необходимостью спровоцировать подозреваемых, чтобы вывести их на чистую воду. Что же касается взрыва дипломатического скуттера для особо важных персон и предполагаемой гибели Темнилы…

- Пилястриане все понимают, - сказал Ретиф. - И у них действительно существует ритуальная месть. Йифу крупно повезло: на нем не было крови. Это единственное, что его спасло.

- Гроачи воспользовались дипломатическими привилегиями и нарушили закон, - сказал Магнан. - Мне думается, нота протеста… нет, лучше неофициальная памятная записка…

- Автопилот скуттера был настроен на планету гроачи, - перебил его Ретиф. - Взрыв произошел после того, как «Скальный Мох» лег на заданный курс. Примерно через месяц-другой осколки корабля прибудут по месту назначения. Я думаю, эту памятную дату гроачи сами запишут в своих календарях и впредь будут шарахаться от Пилястры, как черт от ладана.

- Но нелегальное использование…

- К тому же, чем меньше вы составите бумаг, тем труднее будет упрекнуть вас в каком-нибудь недоразумении, если что-то переменится.

- Это верно. - Магнан поджал губы. - Вот теперь вы мыслите конструктивно, Ретиф. Мы еще сделаем из вас настоящего дипломата. - Он снисходительно улыбнулся.

- Сегодня вам не удастся испортить мне настроение. - Ретиф встал из-за стола. - Я беру отпуск на две недели… если, конечно, вы не возражаете, господин посол. Мой друг, Гонг, обещал показать мне один южный остров, где прекрасно ловится рыба.

- Но нас ждут неотложные дела! Я считаю необходимым взять шефство над группировкой Самых Старых Старцев…

- На меня не рассчитывайте. Когда я слышу о группировках, меня начинает тошнить.

- Что вы, Ретиф! В конце концов дипломатов тоже можно считать своего рода группировкой.

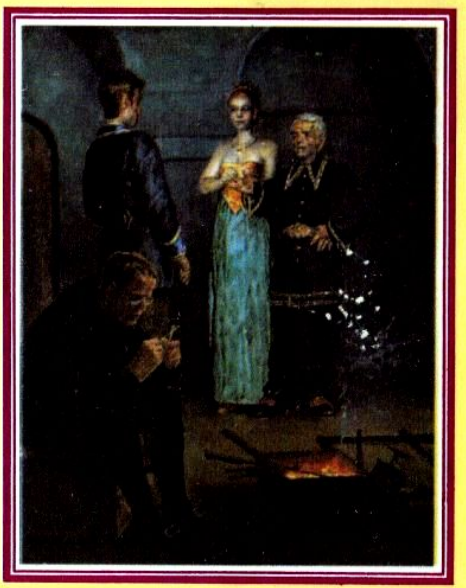
- Вот-вот. Вы правильно меня поняли.

С открытым от изумления ртом Магнан смотрел в спину Ретифу, вышедшему в коридор и закрывшему за собой дверь.

fantasy

КОСМИЧЕСКИЙ ШУЛЕР

РЕТИФ



·Северо-Запад·